

ЗАПАД, ВОСТОК и РОССИЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОШЛОГО

Вопросы всеобщей истории

Выпуск 21

СБОРНИК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ
(ЕЖЕГОДНИК)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
INSTITUTE OF SOCIAL SCIENCES
DEPARTMENT OF GENERAL HISTORY

THE WEST, THE EAST & RUSSIA
ANTHROPOLOGICAL DIMENSION
OF THE PAST

Problems of General History
Volume 21

COLLECTION OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ARTICLES
(ALMANAC)

Ekaterinburg 2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЗАПАД, ВОСТОК и РОССИЯ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ПРОШЛОГО
Вопросы всеобщей истории
Выпуск 21

СБОРНИК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ
(ЕЖЕГОДНИК)

Екатеринбург 2019

УДК 94
ББК Т
3-30

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: д-р ист. наук, проф. В.Н. Земцов
Выпускающий редактор: к.и.н., доцент А.А. Постникова
Члены редакционной коллегии:
В.В. Ададунов, д.и.н., профессор (Львов, Украина)
Н.Н. Баранов, д.и.н., доцент (Екатеринбург, Россия)
В.М. Безотосный, д.и.н. (Москва, Россия)
Х. Глушков, д.и.н., профессор (Велико Тырново, Болгария)
О.В. Горбачев, д.и.н., профессор (Екатеринбург, Россия)
А.М. Лукашевич, д.и.н., профессор (Минск, Беларусь)
М.В. Попов, д.и.н., профессор (Екатеринбург, Россия)
О.С. Поршнева, д.и.н., профессор (Екатеринбург, Россия)
Е.В. Прямякова, д.социолог.н., доцент (Екатеринбург, Россия)
А.В. Чудинов, д.и.н. (Москва, Россия)
М.В. Шистеров, к.и.н., доцент (Екатеринбург, Россия)
Технический редактор – А.И. Голотина

3-30 Запад, Восток и Россия [Текст] : вопросы всеобщей истории / Урал. гос. пед. ун-т ; глав. ред. В. Н. Земцов. – Екатеринбург : [б. и.], 2019. – Выпуск 21 : Запад, Восток и Россия: антропологическое измерение прошлого : сборник научных и учеб.-метод. трудов. – 208 с.

The West, the East and Russia [Text] : Problems of General History / USPU ; Ed. by Prof. V. N. Zemtsov. – Ekaterinburg, 2019. – Vol. 21 : The West, the East and Russia: anthropological dimension of the Past : Collection of Scientific and Educational Articles. – 208 p.

21-й выпуск научных трудов «Вопросы всеобщей истории» содержит материалы, относящиеся к проблематике исторической антропологии.

В сборник включены доклады и сообщения, представленные на международной научной конференции «Антропологическое измерение наполеоновских войн: оккупация в истории и исторической памяти европейцев», проходившей в г. Екатеринбурге 15-16 октября 2018 г.

Сборник предназначен для преподавателей учебных заведений, студентов, всех, кого интересуют проблемы исторической науки.

The 21st issue of scientific papers «Problems of General History» contains materials related to the subjects of historical anthropology.

The collection includes reports presented at the international scientific conference «The anthropological dimension of Napoleonic wars: the occupation in the history and historical memory of Europeans», took places in Ekaterinburg on October 15-16, 2018.

The collection is intended for professors of Universities, other educational institutions, students, everyone who is interested in the problems of historical science.

УДК 94
ББК Т

ISSN 2413-872X

СОДЕРЖАНИЕ

I. Материалы международной научной конференции «Запад, Восток и Россия: антропологическое измерение наполеоновских войн:

<u>оккупация в истории и исторической памяти европейцев»</u>		7
<i>А.И. Голотина</i>	Королева Луиза Прусская: 200-летие смерти и современное немецкое общество.....	11
<i>А.О. Ещенко</i>	«Патриоты» и «офранцузенные» в годы войны за независимость Испании 1808-1814 гг. К вопросу о предпосылках испанского национализма.....	19
<i>В.Н. Земцов</i>	25-я годовщина большой европейской войны 1812–1814 годов: формирование двух традиций национальной памяти.....	29
<i>Т.А. Косых</i>	Путешественники в красных мундирах: британские солдаты в Мадриде (август-октябрь 1812 г.).....	42
<i>А.А. Постникова</i>	Русская кампания 1812 г. и британское общество: «рождение» памяти о войне.....	49
<i>В. А. Шихов</i>	Американское общественное мнение и Англо-американская война 1812-1815 гг.	62
<i>Е.В. Шукман</i>	Россия глазами британского генерала Т.Р. Вильсона...	69
<u>II. Статьи и сообщения</u>		78
<i>М.В. Дацишина</i>	«...Непосредственных виновников убийства и свидетелей обнаружить следствию не удалось» (К 100-летию убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург).....	78
<i>Э.А. Замов</i>	Б. Муссолини о войне.....	97
<i>Ю.В. Зевако</i>	Русско-татарское пограничье на юго-западе Свердловской области: «земля» как пространство взаимодействия.....	111
<i>Д.Н. Караваява</i>	«Провинция» versus «метрополия», или к вопросу о противостоянии «севера» и «юга» в современном дискурсе идентичностей Англии в Великобритании... ..	119
<i>А.М. Лукашевич</i>	Генерал Пётр Альбединский в социуме XIX века: исторический миф и реальность.....	137
<i>А.С. Луньков</i>	Религиозный аспект организации лагерей для русских военнопленных в период русско-японской войны 1904-1905 гг.	150
<i>О.И. Нуждин</i>	Жизнь и быт оккупанта на Восточном фронте в 1942 году.....	156
<i>Д.Л. Островкин</i>	Кадровая политика в области здравоохранения на Урале в конце 1920-х – начале 1930-х гг.	163

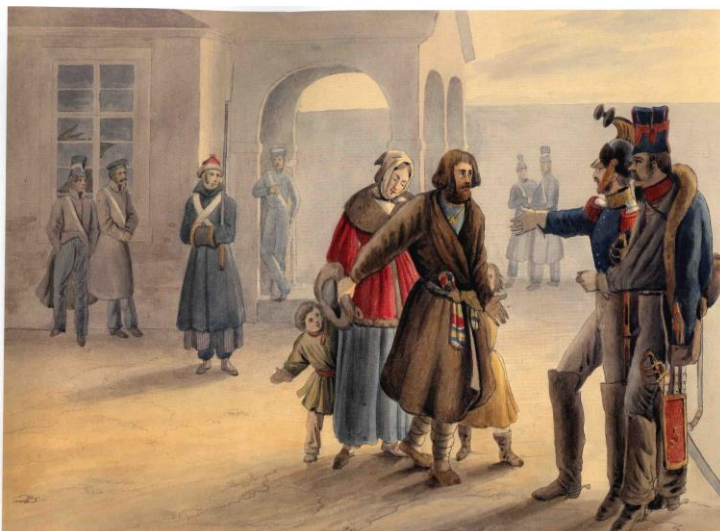
<i>О.С. Поршнева</i>	Версальский мирный договор в большевистской пропаганде и политике памяти постреволюционного периода.....	170
<i>В.В. Смирнов</i>	Идейно-политическая работа с советскими специалистами в провинции Шэньси (КНР) в период «большого скачка» в 1958-1960 гг.	184
<i>Е.С. Соколова</i>	Антропологический подход в историко-правовых исследованиях надсловных стратегий российского государства периода нового времени: проблемы и перспективы.....	192
<i>Г.Н. Шапошников</i>	Эпидемии на Урале в период Гражданской войны.....	203

I. Материалы международной научной конференции «Запад, Восток и Россия: антропологическое измерение наполеоновских войн: оккупация в истории и исторической памяти европейцев»

Министерство науки и высшего образования РФ
Уральский государственный педагогический университет
Институт общественных наук
Кафедра всеобщей истории
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б.Н. Ельцина

**ЗАПАД, ВОСТОК И РОССИЯ:
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН:
ОККУПАЦИЯ В ИСТОРИИ И ИСТО-
РИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЕВРОПЕЙЦЕВ**

ПРОГРАММА
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Екатеринбург, 15-16 октября 2018 г.

Организационный комитет:

Председатель – **Земцов Владимир Николаевич**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета

Заместитель
председателя – **Попп Иван Александрович**, к.и.н., доцент, начальник управления научно-образовательной и проектной деятельности

Члены оргкомитета –

Гладышев А.В., д.и.н., доцент, проф. каф. всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского университета им. Н.Г.Чернышевского, главный научный сотрудник НИИ русской культуры УГИ УрФУ

Голотина А.И., специалист по УМР ИОН УрГПУ, магистрант кафедры всеобщей истории УрГПУ, лаборант-исследователь НИИ русской культуры УГИ УрФУ

Косых Т.А., к.и.н., ассистент кафедры всеобщей истории УрГПУ, младший научный сотрудник НИИ русской культуры УГИ УрФУ

Постникова А.А., к.и.н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ, старший научный сотрудник НИИ русской культуры УГИ УрФУ

Прямикова Е.В., д. соц. н., доцент, директор Института общественных наук УрГПУ

Чудинов А.В., д.и.н., зав. лабораторией «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник НИИ русской культуры УГИ УрФУ

Регламент работы конференции

Понедельник, 15 октября, 2018 г.

10.00, УрГПУ, (ауд. 316) – открытие конференции

Минюрова С.А., ректор УрГПУ, д. псих. н., профессор
Прямикова Е.В., и.о. директора Института общественных наук УрГПУ,
д. соц. н., доцент

10.30-13.00 – Пленарная сессия (ауд. 228)

Ливен Д. (академик Британской академии, профессор Тринити колледжа, Кембридж) «The Tsarist State: The True Conqueror of Napoleon» («Царская Россия: Истинный победитель Наполеона»)

Форрест А. (Университет Йорка, ГАУГН) «Military Occupation: Violence, Propaganda and the Image of the Other» («Военная оккупация: насилие, пропаганда и образ Другого»)

Чудинов А.В. (главный научный сотрудник ИВИ РАН, д.и.н., УрФУ, ГАУГН) «Французы в Египте 1798-1801 гг.: диалог цивилизаций»

12.00-12.15 – Кофе-брейк

Соколов О.В. (к.и.н., доцент каф. Нового и новейшего времени СПГУ) «Восприятие Наполеона русским обществом в 1801-1811 гг.»

Земцов В.Н. (д.и.н., зав. каф. Всеобщей истории УрГПУ, профессор УрФУ) «Наполеон в московском Кремле»

Ржеуцкий В.С. (к.и.н., научный сотрудник Германского исторического института в Москве) «Образ России в Европе на рубеже XVIII – XIX вв.»

13.00-14.00 – Обед (столовая УрГПУ)

14.00-17.00 - Секционные заседания

Секция 1. Французская оккупация 1812 г. (ауд. 228)

Модераторы – В.Н. Земцов, Д. Ливен

Лукашевич А.М. (д.и.н., профессор, профессор Белорусского государственного университета) «Оккупация или освобождение: проблема восприятия войны 1812 года в истории Беларуси»

Постникова А.А. (к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ, УрФУ) «Смоленск в 1812 г.: война и межкультурное взаимодействие»

Косых Т.А. (к.и.н., младший научный сотрудник УГИ УрФУ, ассистент каф. всеобщей истории УрГПУ) «Мадрид 1812 года глазами британских солдат»

Шукман Е.В. (студент ИОН УрГПУ) «Россия глазами английского генерала Р.Т. Вильсона во время кампаний 1812 -1813 гг.»

17.00–18.00 – мастер-класс для студентов-историков ИОН УрГПУ (ауд. 228): «Военно-историческая реконструкция как метод познания Наполеоновской эпохи» (О. В. Соколов)

18.00-19.30 – Дружеский ужин (каб. 451)

Вторник, 16 октября, 2018 г.

10.00-13.00 – Секция 2. Реалии военной оккупации эпохи Наполеоновских войн и современная историческая память (ауд. 228)

Модераторы – А.В. Чудинов, А.В. Гладышев

Митрофанов А.А. (к.и.н., научный сотрудник ИВИ РАН, ГАУГН) «Оккупация герцогства Савойя и графства Ницца французской армией (1792 год)»

Шистеров М.В. (к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ) «Язык империи: римский триумф в эпоху Наполеона»

Ещенко А.О. (аспирант каф. Нового и новейшего времени (СПГУ) «Испания в годы войны за независимость 1808 – 1814 гг.: патриоты и офранцуженные»

12.00-12.15 – Кофе-брейк

Болт В. С. (аспирант ИВИ РАН, ГАУГН) «Русские солдаты и мирное население в годы оккупации Франции (1815 – 1818 гг.): примеры сотрудничества»

Железняк В.М. (магистрант исторического факультета УрГПУ) «Пиренейская война 1808-1814 гг. в британской исторической памяти»

Голотина А.И. (магистрант Института общественных наук УрГПУ) «"Две жизни" Теодора Кёрнера в современной немецкой историографии»

13.00-14.00 – Обед (столовая УрГПУ)

14.00-15.00 – подведение итогов конференции в формате «круглого стола» с участием студентов-историков УрГПУ и УрФУ (ауд. 228)

15.15–17.15 – мастер-классы для студентов-историков Института общественных наук УрГПУ (ауд. 228):

- «Warrior or Reformer: what was Napoleon's most critical contribution to History?» («Воин или реформатор: какой был самый важный вклад Наполеона в историю?») (А. Форрест)

- «Революция и контрреволюция в Европе на рубеже XVIII-XIX вв.» (А.В. Чудинов)

А.И. Голотина

КОРОЛЕВА ЛУИЗА ПРУССКАЯ: 200-ЛЕТИЕ СМЕРТИ И СОВРЕМЕННОЕ НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО *

Статья посвящена современным особенностям образа королевы Луизы Прусской, его актуализации в связи с 200-летними юбилеями событий начала XIX века и процессу постепенного забывания этой символической фигуры. Помимо анализа трансформации образа королевы Луизы в исторической памяти немцев, в статье на основе современных медиа-материалов сделана попытка выявить особенности использования символической фигуры королевы Луизы и пространства памяти, в котором на сегодняшний день существует эта фигура.

Ключевые слова: королевы, политические деятели, освободительные войны, история Пруссии, наполеоновские войны, историческая память, исторические образы.

Alena I. Golotina

QUEEN LOUIS PRUSSIAN: 200TH ANNIVERSARY OF DEATH AND MODERN GERMAN SOCIETY

The article is devoted to the current state of the image of Queen Louise of Prussia, its actualization in connection with the 200th anniversary of the events of the beginning of the XIX century and the gradual forgetting of this symbolic figure. In addition to a brief analysis of the transformation of the image of Queen Louise in the historical memory of the Germans, the article based on modern media attempted to identify the features of the use of the symbolic figure of Queen Louise and the memory space in which this figure exists today.

Keywords: queens, political figures, liberation wars, Prussia history, Napoleonic wars, historical memory, historical images.

Из всего ряда немецких героев Освободительной войны 1813-1815 гг. королева Луиза является одной из самых нестандартных фигур.

Голотина Алена Игоревна, лаборант-исследователь НИИ русской культуры УГИ УрФУ; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; магистрант Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

Alena I. Golotina, Research Assistant of the Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltzin; master student of Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg Russia.

Телефон/Phone: +7 (343) 336-14-55. E-mail: alena.golotina@mail.ru

© Голотна А. И., 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053. «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Женщина, традиционно низводимая до стандартных гендерных ролей, умершая еще до начала войны, прусская королева, тем не менее, прочно обосновалась в пантеоне героев того периода, почитавшихся как в Пруссии, так впоследствии и в Германской империи. Ее культ продолжал развиваться и далее, поддерживаемый как ее венценосными сыновьями, так и последующими правительствами вплоть до конца Второй мировой войны. Однако и после поражения Германии память о прусской королеве начала XIX в. сохранилась в немецком обществе.

В отличие от своего супруга – прусского короля Фридриха Вильгельма III, которого один из его биографов довольно емко назвал меланхоликом на троне [Stamm-Kuhlmann 1992], королева является частым объектом изучения для немецких историков. Королева Луиза фигурирует во многих исследованиях, посвященных Освободительной войне, и памяти об этой войне. Есть работы, посвященные трансформации ее образа и тех форм, которые он принимал в разные эпохи. Ее фигура исследуется в иконографии [Holger 1999 URL], представлена в фильмах [Paß 2004] и медиaprостранстве [Weigand 2013 URL]. Она ставится в один ряд с такими известными историческими деятелями XIX в., как Наполеон и Бисмарк [Paß 1992: 183-192]. В качестве примера можно привести коллективную монографию Вульфа Вюльфинга, Карин Брунс и Рольфа Парра «Историческая мифология немцев: 1798-1918», в которой рассматриваются как теоретико-методологические вопросы мифологизации тех или иных образов, так и прослеживается эволюция некоторых национальных символических фигур немецкой истории (Наполеона, королевы Луизы и Бисмарка), выявляется их трансформация и взаимодействие в единой мифологической системе. Прослеживая изменения, происходившие в восприятии образа королевы Луизы, Вульф Вюльфинг, как в этом исследовании, так и в отдельной статье «К мифу о „немецкой женщине“», выделяет тот долгий путь, который успел пройти этот образ. Он менялся от буржуазной королевы при жизни через мученицу Освободительной войны после её смерти в разгар борьбы Пруссии с Наполеоном к прусской Мадонне во Второй империи, во главе которой стоял ее сын Вильгельм [Wülfung 2005: 145-175]. Именно этот образ и его постепенные изменения, подчинявшиеся потребностям общества и интересам сменявших друг друга правительств, чаще всего исследуются современными немецкими историками, как, например, это сделано в статье «Королева Луиза Прусская – история в зеркале мифа» Патрисии Дрюэс [Drewes 1999 URL].

Ее именем называли парки и площади, улицы и церкви, мост, волею судьбы ставший русским, хоть и не потерявший свое имя, и один небольшой островок в парке Тиргартен в Берлине. Королева считалась прекрасной и была любима народом Пруссии при её жизни, тем самым гроше стало для пруссаков ее ранняя смерть в возрасте 34 лет. Многочисленные памятники, ее имя и её образ, запечатленные в камне

и в бронзе, в живописи и в беллетристике, указывают на то, что во времена Прусского королевства, Второго и Третьего Рейха королева и воплощавшаяся в ней ролевая модель – идеальной прусской и немецкой женщины [Ibid.: 163] – были необычайно популярны.

Проигранная Вторая мировая война поставила точку в развитии прусского наследия. Мост королевы Луизы в Кёнигсберге стал советским мостом в Калининграде, с которого впоследствии убрали её барельеф и заменили советским гербом [Мост Королевы Луизы URL]. Не вручается больше Железный крест, учрежденный Фридрихом-Вильгельмом в день рождения Луизы, а в мавзолее, в котором похоронена королева, сегодня может побывать любой посетитель дворца Шарлотенбург за скромную сумму в 3 евро – цена равная разрешению на фотосъемку во всем дворце. Объединяющая в себе идеал жены, матери, искренней патриотки своего Отечества, популярна ли «королева Луиза» сегодня или же «затертый временем» её образ утратил былую актуальность?

С одной стороны, фигура королевы Луизы – обычной ролевой модели [Die preußische Madonna URL] – еще и сегодня находит своего почитателя, так как традиционная семья, в которой женщина предстает в подобной роли, еще не изжила себя в современном немецком обществе и изживет еще очень нескоро. О королеве Луизе до сих пор снимают фильмы – из плеяды кинолент, появившихся с начала XX в. половина была снята до Второй мировой войны, один после и три были сняты уже в объединенной Германии. И это безусловно показывает рост интереса как к теме, так и к самому образу королевы. При этом сами названия современных фильмов, ориентированных на куда более избалованную разнообразием развлечений публику, чем та, которая была ранее, впечатляют. Тут и «Прусская Мадонна» [Ibidem] и «Королева сердец» [Königin der Herzen URL] и т.д., что резко констатирует с предыдущим списком «Королев Луиз», отличавшихся лишь годом выпуска. Современные фильмы ценны еще и тем, что зрители, посмотревшие их, могут оставить свой комментарий, тем самым высказав свою любовь к королеве и к ее красивой, но трагичной истории или же высказать свое недоумение насчет того, почему же все таки она была «королевой сердец» [Frauen die Geschichte Machten URL].

Научно-популярная литература, посвященная королеве Луизе, вполне может войти в список бестселлеров журнала «Цайт» [ZEIT-Bestseller 2001 URL], а жанровая принадлежность и поднимаемая тематика могут быть очерчены весьма широко: от ее собственных писем до анекдотов и интересных историй из жизни прусской королевы [Feix URL]. Список литературы о Луизе, приводимый на разных сайтах, в том числе и на сайте, посвященном лично королеве [Literatur URL], сам по себе является впечатляющим для персоны, умершей более 200

лет назад и не являвшейся ни знаменитым полководцем, ни известным реформатором, ни важным политическим деятелем.

Кроме того, обращение к подобным спискам дает возможность проследить еще одну тенденцию, связанную с интересом к образу королевы Луизы в современном обществе. В этих списках нет или почти нет книг, которые были бы написаны с 1945 по 1990 годы. Для примера можно взять страницу сайта «FemBio», посвященного биографиям известных женщин. В статье «Луиза Прусская» в разделе «Литература» приведено 37 книг, из которых к послевоенному периоду относятся всего лишь 4 из них [Literatur & Quellen URL]. Что это? Преодоление прусского прошлого, угасание интереса к этому периоду истории или обесценивание того наполнения, которое несла в себе мифологизированная фигура королевы?

Не угасает интерес к королеве в СМИ, ведь до сегодняшнего момента появляются статьи о прусской королеве, как, например, статья Юдит Шольтер в газете «Цайт» «Королева Луиза Прусская. Прусская дама сердца» [Scholter 2018 URL], в которой описывается как жизнь королевы, так и ключевой, по мнению автора, момент мифа о ней – встреча с Наполеоном в Тильзите. Чтобы придать актуальности своей статье фрау Шольтер вписывает свою статью в рамки популярного в западных странах движения «MeToo», осуждающего сексуальное насилие над женщинами. Прусская топмодель [Austilat 2010 URL], королева сердец [Luisentag erinnert URL], любимая жена [Zamoyski 2015 URL], поп-звезда того времени [Выдающиеся женщины мировой истории URL], прекрасная патриотка [Schönpflug 2011 URL], одна из двух политически активных женщин в немецкой истории [Kurbjuweit 2008 URL], прусская Жанна д'Арк [Musall 2007 URL] – вот характерные позитивные оценки, которые появляются в СМИ, поддерживают тот образ, который Луиза воплощала в себе на протяжении нескольких столетий.

С другой стороны, статьи о королеве появляются чаще всего в даты, связанные напрямую (200-летие ее смерти) или косвенно (реформы Штейна-Гарденберга или год Пруссии в 2001 г.) с ее жизнью. Вне этого контекста Луиза редко упоминается, а если и упоминается, то вскользь, как не упоминается она в школьных учебниках по истории. Немецким историкам куда более интересна трансформация «мифа о королеве Луизе», чем она сама как личность. Простому немецкому обывателю порой непонятно, зачем интересоваться «правящими домами» в 2018 г. [Scholter 2018 URL], когда более интересно обсуждать роль Наполеона в истории, споря в более чем тридцати комментариях под статьей о королеве Луизе, о его позитивной или же деструктивной роли в развитии Европы [Ibidem]. Статьи в журналах и газетах постоянно повторяют одни и те же клишированные характеристики королевы – как она была красива, какой женой и матерью она была. Лишь изредка, пытаясь осовременить ее образ, авторы подчеркивают ее по-

литическое влияние на короля и его окружение, на то, какова была роль Луизы в сохранении Пруссии после поражения в 1807 г., пытаясь тем самым вывести ее фигуру за рамки того традиционного образа, который сложился в немецком обществе, расширить границы, в рамках которых в современной немецкой исторической памяти существует миф о ней.

Однако подобные попытки осовременить фигуру Луизы слабо смотрятся на фоне повторяемых стереотипов о королеве и постоянном воспроизведении и использовании именно того образа, который сложился еще в XIX в. Сегодня же, спустя 200 лет после ее смерти, современное немецкое общество, хотя и вспомнило о Луизе и том «прусском наследии», которое она в себе несла, в большинстве своем может лишь тиражировать старые представления о ней и читать под одним из многочисленных портретов королевы, выставленном в Немецком историческом музее? Слова Ганса фон Арнима, описывавшего ее красоту и прекрасную душу, не вдаваясь в подробности ни ее жизни, ни той роли, которую она сыграла в истории Пруссии.

Список источников и литературы

- Выдающиеся женщины мировой истории** – Выдающиеся женщины мировой истории 5/6 Королева Пруссии Луиза [ДокФильм]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zozqkthX15K4> (дата обращения: 20.02.2019).
- Мост Королевы Луизы** – «Мост Королевы Луизы» в Калининградском историко-художественном музее. URL: <http://www.museum.ru/N31758> (дата обращения: 21.02.2019).
- Austilat 2010** – Austilat A. Preußens Topmodel // Die Zeit. 2010. № 12. URL: <https://www.zeit.de/2010/12/Berlin-Koenigin-Luise> (accessed: 20.02.2019).
- Die preußische Madonna** – Königin Luise – Die preußische Madonna. URL: <https://www.zdf.de/dokumentation/frauen-die-geschichte-machten/koeniginluise-diepreussisschemadonna-100.html> (accessed: 20.02.2019).
- Drewes 1999** – Drewes P. Königin Luise von Preußen – Geschichte im Spiegel des Mythos. URL: <https://www.fes.de/fulltext/historiker/00671006.htm> (accessed: 20.02.2019).
- Feix** – Feix I. Das ist gegen alle Etikette Anekdoten über Königin Luise. URL: <https://www.schweitzer-online.de/ebook/Feix/gegen-alle-Etikette/9783359500551/A35809448/> (accessed: 21.02.2019).
- Frauen die Geschichte Machten** – Frauen die Geschichte Machten: Königin Luise. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sptxvqEFypA&lc=Ugwoufp7PLONG0s6MFx4AaABAq> (accessed: 19.02.2019).

- Holger 1999** – Holger S. Die Bildpolitik des Preußischen Königshauses im 19. Jahrhundert zur Ikonographie der preußischen Königin Luise (1776-1810). URL: <http://www.uni-koeln.de/~alk02/publ/WRJLuise.pdf> (accessed: 20.02.2019).
- Königin der Herzen** – Luise – Königin der Herzen. URL: https://programm.ard.de/TV/rbbfernsehen/luise---koenigin-der-herzen/eid_282057772303862 (accessed: 20.02.2019).
- Kurbjuweit 2008** – Kurbjuweit D. Die Frauenrepublik // SPIEGEL SPECIAL. 2008. №1. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-55972851.html> (accessed: 20.02.2019).
- Literatur** – Literatur (Auswahl). URL: <http://www.koenigin-luise.com/Kontakt/Literatur/literatur.html> (accessed: 21.02.2019).
- Literatur & Quellen** – Königin von Preußen. 240. Geburtstag am 10. März 2016. LITERATUR & QUELLEN. URL: <http://www.fembio.org/biographie.php/frau/biographie/luise-von-preussen/> (accessed: 20.02.2019).
- Luisentag erinnert** – Luisentag erinnert an Preußens Königin der Herzen. URL: <https://www.welt.de/regionales/mecklenburg-vorpommern/article179611372/Luisentag-erinnert-an-Preussens-Koenigin-der-Herzen.html?wtrid=onsite.onsitesearch> (accessed: 21.02.2019).
- Musall 2007** – Musall B. Reformstaat Preussen. Schöne Feindin, Schimmernder Stern // SPECIAL Geschichte. 2007. № 3. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecialgeschichte/d-52666769.html> (accessed: 20.02.2019).
- Parr 1992** – Parr R. „Zwei Seelen wohnen, ach! In meiner Brust“: Strukturen und Funktionen der Mythisierung Bismarcks (1860 – 1918). München: Fink, 1992.
- Parr 2004** – Parr R. Das ist unnatürlich, schlimmer: bürgerlich – Königin Luise im Film. In: Zeitdiskurse. Reflexionen zum 19. und 20. Jahrhundert als Festschrift für Wulf Wülfing. Hrsg. v. Roland Berbig, Martina Lauster, R. P. Heidelberg, Synchron, 2004.
- Scholter 2018** – Scholter J. Preußens Herzdame // ZEIT Geschichte. 2018. № 5. URL: <https://www.zeit.de/zeit-geschichte/2018/05/koenigin-luise-von-preussen-ikone-patriotin-frauenbild-napoleon?page=3#comments> (accessed: 20.02.2019).
- Schönflug 2011** – Schönflug D. Die schöne Patriotin // SPIEGEL Geschichte. 2011. № 2. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelgeschichte/d-77506749.html> (accessed: 20.02.2019).
- Stamm-Kuhlmann 1992** – Stamm-Kuhlmann T. König in Preußens großer Zeit. Friedrich Wilhelm III. der Melancholiker auf dem Thron. Berlin: Siedler, 1992.

- Weigand 2013** – Weigand K. Birte Förster: Der Königin Luise-Mythos. URL: <http://www.sehepunkte.de/2013/06/20764.html> (accessed: 21.02.2019).
- Wülfung 2005** – Wülfung W. Zum Mythos von der »deutschen Frau«: Rahelbettinacharlotte vs. Luise von Preußen // Nationale Mythen – kollektive Symbole. Funktionen, Konstruktionen und Medien der Erinnerung. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. 2005. Band 23. P. 145-175.
- Zamoyski 2015** – Zamoyski A. Wiener Kongress: Tanz um die Macht // ZEIT Geschichte. 2015. № 2. URL: <https://www.zeit.de/zeitgeschichte/2015/02/wiener-kongress-hofburg-neuaufteilung-europap-napoleon/seite-2> (accessed: 21.02.2019).
- ZEIT-Bestseller 2001** – ZEIT-Bestseller. Sachbuch. Die Zeit. 2001. № 38. URL: <https://www.zeit.de/2001/38/ZEIT-Bestseller> (accessed: 20.02.2019).

References

- Vy`dayushhiesya zhenshiny` mirovoj istorii** – Vy`dayushhiesya zhenshiny` mirovoj istorii 5/6 Koroleva Prussii Luiza. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zoqkthX15K4> (data obrashheniya: 20.02.2019).
- Most Korolevy` Luizy`** – «Most Korolevy` Luizy`» v Kaliningrad-skom istoriko-xudozhestvennom muzee. URL: <http://www.museum.ru/N31758> (data obrashheniya: 21.02.2019).
- Austilat 2010** – Austilat A. Preußens Topmodel // Die Zeit. 2010. № 12. URL: <https://www.zeit.de/2010/12/Berlin-Koenigin-Luise> (accessed 20.02.2019).
- Die preußische Madonna** – Königin Luise – Die preußische Madonna. URL: <https://www.zdf.de/dokumentation/frauen-die-geschichte-machten/koeniginluise-diepreussischemadonna-100.html> (accessed: 20.02.2019).
- Drewes 1999** – Drewes P. Königin Luise von Preußen – Geschichte im Spiegel des Mythos. URL: <https://www.fes.de/fulltext/historiker/00671006.htm> (accessed: 20.02.2019).
- Feix** – Feix I. Das ist gegen alle Etikette Anekdoten über Königin Luise. URL: <https://www.schweitzer-online.de/ebook/Feix/gegen-alle-Etikette/9783359500551/A35809448/> (accessed: 21.02.2019).
- Frauen die Geschichte Machten** – Frauen die Geschichte Machten: Königin Luise. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sptxvqEFypA&lc=Ugwoufp7PLONG0s6MFx4AaABAg> (accessed: 19.02.2019).
- Holger 1999** – Holger S. Die Bildpolitik des Preußischen Königshauses im 19. Jahrhundert zur Ikonographie der preußischen Königin Luise

- (1776-1810). URL: <http://www.uni-koeln.de/~alk02/publ/WRJLuise.pdf> (accessed: 20.02.2019).
- Königin der Herzen** – Luise – Königin der Herzen. URL: https://programm.ard.de/TV/rbbfernsehen/luise---koenigin-der-herzen/eid_282057772303862 (accessed: 20.02.2019).
- Kurbjuweit 2008** – Kurbjuweit D. Die Frauenrepublik // SPIEGEL SPECIAL. 2008. № 1. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-55972851.html> (accessed: 20.02.2019).
- Literatur** – Literatur (Auswahl). URL: <http://www.koenigin-luise.com/Kontakt/Literatur/literatur.html> (accessed: 21.02.2019).
- Literatur & Quellen** – Königin von Preußen. 240. Geburtstag am 10. März 2016. LITERATUR & QUELLEN. URL: <http://www.fembio.org/biographie.php/frau/biographie/luise-von-preussen/> (accessed: 20.02.2019).
- Luisentag erinnert** – Luisentag erinnert an Preußens Königin der Herzen. URL: <https://www.welt.de/regionales/mecklenburg-vorpommern/article179611372/Luisentag-erinnert-an-Preussens-Koenigin-der-Herzen.html?wtrid=onsite.onsitesearch> (accessed: 21.02.2019).
- Musall 2007** – Musall B. Reformstaat Preussen. Schöne Feindin, Schimmernder Stern // SPECIAL Geschichte. 2007. № 3. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecialgeschichte/d-52666769.html> (accessed: 20.02.2019).
- Parr 1992** – Parr R. „Zwei Seelen wohnen, ach! In meiner Brust“: Strukturen und Funktionen der Mythisierung Bismarcks (1860 – 1918). München: Fink, 1992.
- Parr 2004** – Parr R. Das ist unnatürlich, schlimmer: bürgerlich – Königin Luise im Film. In: Zeitdiskurse. Reflexionen zum 19. und 20. Jahrhundert als Festschrift für Wulf Wülfing. Hrsg. v. Roland Berbig, Martina Lauster, R. P. Heidelberg, Synchron, 2004.
- Scholter 2018** – Scholter J. Preußens Herzdame // ZEIT Geschichte. 2018. №5. URL: <https://www.zeit.de/zeit-geschichte/2018/05/koenigin-luise-von-preussen-ikone-patriotin-frauenbild-napoleon?page=3#comments> (accessed: 20.02.2019).
- Schönpflug 2011** – Schönpflug D. Die schöne Patriotin // SPIEGEL Geschichte. 2011. № 2. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelgeschichte/d-77506749.html> (accessed: 20.02.2019).
- Stamm-Kuhlmann 1992** – Stamm-Kuhlmann T. König in Preußens großer Zeit. Friedrich Wilhelm III. der Melancholiker auf dem Thron. – Berlin: Siedler, 1992.
- Weigand 2013** – Weigand K. Birte Förster: Der Königin Luise-Mythos. URL: <http://www.sehepunkte.de/2013/06/20764.html> (accessed: 21.02.2019).

Wülfung 2005 – Wülfung W. Zum Mythos von der »deutschen Frau«: Rahelbettinacharlotte vs. Luise von Preußen // Nationale Mythen – kollektive Symbole. Funktionen, Konstruktionen und Medien der Erinnerung. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. 2005. Band 23. P. 145-175.

Zamoyski 2015 – Zamoyski A. Wiener Kongress: Tanz um die Macht // ZEIT Geschichte. 2015. № 2. URL: <https://www.zeit.de/zeitgeschichte/2015/02/wiener-kongress-hofburg-neuaufteilung-europap-napoleon/seite-2> (accessed: 21.02.2019).

ZEIT-Bestseller 2001 – ZEIT-Bestseller. Sachbuch. Die Zeit. 2001. № 38. URL: <https://www.zeit.de/2001/38/ZEIT-Bestseller> (accessed: 20.02.2019).

УДК 94(460).06

DOI 10.26170/vvi19-01-02

Код ВАК 07.00.03

А.О. Ещенко

«ПАТРИОТЫ» И «ОФРАНЦУЖЕННЫЕ» В ГОДЫ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСПАНИИ 1808-1814 гг. К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ИСПАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Статья посвящена анализу предпосылок и последствий раскола испанских элит в годы войны за независимость 1808-1814 гг. Автор анализирует общее и особенное в проектах «патриотов» и «офранцузенных», стремясь уйти от привычной в испанской историографии негативной оценки сторонников короля Жозефа.

Ключевые слова: патриоты, история Испании, война за независимость, испано-французские войны, национальная независимость.

*Anastasiya O. Eshchenko**

«PATRIOTS» AND «AFRANCESADOS» DURING THE WAR FOR INDEPENDENCE OF SPAIN 1808-1814. TO THE ORIGINS OF THE SPANISH NATIONALISM

The article explores background and consequences of the split of the Spanish elite during the War for independence of 1808-1814. The author analyzes projects of

Ещенко Анастасия Олеговна, аспирант, кафедра истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Eshchenko Anastasiya Olegovna, postgraduate student, Institute of History, the Chair of Modern and Contemporary history, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: eshchenko.anastasya@yandex.ru

«patriots» and «аfrancesados», their common and special features trying to step aside from the typical for Spanish historiography negative assessment of supporters of King Joseph Bonaparte.

Keywords: patriots, history of Spain, war of independence, Spanish-French wars, national independence.

В 1808-1814 гг.¹ Испания стала не только ареной борьбы Англии и Франции за лидерство на континенте, но также страной, в которой шла гражданская война. В этот период испанское общество (от дворянства до третьего сословия) фактически оказалось расколото на патриотов и сторонников наполеоновской Испании, где утвердилась власть короля Жозефа Бонапарта. Последняя после поражения французов в битве при Витории в 1813 г. и возвращения на испанский престол Фердинанда VII была стерта из исторической памяти испанской нации, формировавшейся в оппозиционном поле «мы – они», где французы выступили носителями негативной контр-идентичности.

Целью данной статьи является анализ предпосылок и последствий раскола просвещенной испанской элиты (*ilustrados*), политической силы, имевшей свою идеологию и политическую программу, на «патриотов» и «офранцузенных» в контексте кризиса испанской монархии начала XIX в.

Отрицательный образ Испании, на формирование которого повлияла т.н. «черная легенда» XVI-XVII вв., культивировавшийся французскими просветителями, способствовал с одной стороны, обращению к историческому прошлому своей страны и появлению апологетической литературы «в защиту испанской нации» (Х. Кадальсо, Х.П. Форнер, А. Кампани и др.) [Подробнее: Юрчик 1997]. С другой стороны, критическое отношение к Испании высветило кризисные черты монархии, которые усилились в правление Карла IV (1788-1808). Перед политико-интеллектуальными элитами, таким образом, встала задача возрождения былого могущества страны, ее обновление посредством осуществления комплекса реформ. Обстоятельства начавшейся войны предоставили им эту возможность.

После занятия Испании французскими войсками часть интеллектуалов и политических деятелей стремилась реализовать начинания, которые были неосуществимы при Старом режиме с опорой на

© Ещенко А. О., 2019

¹ Применительно к периоду 1808-1814 гг. в истории Испании принято говорить о «Воине за независимость». Это название, утвердившейся в испанской историографии для обозначения событий, о которых идет речь, не употреблялся в 1808-1814 гг. Он возник в середине XIX века. Во многом его появление стало следствием накопленной за годы войны национальной риторики [Подробнее: Junco 1994: 75-99].

Францию². Среди них были известные деятели культуры: популярный драматург и поэт Л. Моратин, Ф. Гойя, ставший придворным художником, поэт Х. Мелендес Вальдес, композитор, художник Ж. Флогье. В течение войны по мере нарастания кризиса эта категория сокращалась. Так называемые «офранцузенные» переходили в стан «патриотов», однако возможны были и обратные случаи. Причина подвижности границ между «партиями» состояла в том, что и те и другие добились схожих целей: возрождение Испании, введение конституции, адаптация европейского опыта, сохраняя при этом определенную преемственность с традициями католической испанской монархии. Не последнюю роль в этом процессе сыграла двойственная интеллектуальная атмосфера конца XVIII в. с одной стороны, (осознание кризиса и с другой стороны, появление «патриотической» литературы и отрицательного отношения к Франции). На выбор партии также влияла борьба сторонников дона Годоя, фаворита королевы Марии Луизы, и Фердинанда, принца Астурийского, специфика испанского либерализма, а также региональные особенности и интересы [Junco 2014].

Стоит отметить, что термин «патриоты», как и «офранцузенные» во многом условные термины, что не раз отмечалось в историографии. Термин «офранцузенные» с отрицательным значением использовали в годы Просвещения традиционалисты, отстаивающие испанскую идентичность [Национальная идея в Западной Европе в Новое время 2005: 277-278], однако в сформировавшейся практике это слово не употреблялось [Luis 2012: 96]. Патриоты предпочитали называть поддерживавших власть Жозефа предателями (*los traidores*), реже «французской партией». «Партия короля», в свою очередь, именовала противников новой власти «мятежниками» или «партией мятежа».

Условность терминологии заключалась не только в этом. «Офранцузенные», в своем устойчивом стремлении сохранить целостность и независимость Испании, и избавить ее от царившей анархии, также являлись патриотами. В определенной мере влияние французского Просвещения и культуры испытали и их противники. По этой причине «офранцузенных» обычно рассматривают как политическое явление (поддержка новой власти) и как культурное явление (самые разные проявления французского влияния) [Artola 2008]. В этой связи более удачным представляется разделение по линии «признание» – «непризнание» власти короля Жозефа в широком смысле. В этом случае сторонников нового режима именуют «хосефинос» («*jozefinos*»)³.

² Официально «офранцузенных» насчитывают около 12-13 тыс. человек. Реальное количество людей, поддержавших власть короля Жозефа, подсчитать достаточно сложно, как правило, речь идет только об элите, покинувшей страну в 1813 г.

³ Термин «хосефинос» довольно часто употребляется в современной историографии вместо или наряду с «офранцузенный» (например, *España josefina, régimen josefino* и т. п.) [Morange 2005].

Добавим также, что движение «офранцузенных» не обладало окончательно сформировавшейся и неизменной идеологией, и не сводилась к простому заимствованию [См., например: Dauphin 2004: 163]. Являясь сложным по сути своей сплавом, в культурном отношении оно включало в себя как идеи просвещения, так и элементы идеологии французской революции.

В данной статье под патриотами, также широким и пестрым движением, мы понимаем, в первую очередь, часть элиты, выдвигавшей свою собственную программу, не связанную с мнением провинциального духовенства и герильей, целью её были качественные либеральные изменения в стране и возвращение на испанский престол Фердинанда VII (*el deseado*), ставшим знаменем сопротивления⁴.

Каковы были планы Наполеона в отношении Испании? Иными словами, означала ли поддержка политического проекта новой власти предательством своей страны? Проект Наполеона, несколько переоценившего кризис испанской монархии, менялся на протяжении кампании, однако изначально не предполагал отторжения части территории этой страны или ее аннексии. Целью императора было присоединение Испании к федеративной системе и нанесение экономического удара по Англии. 22 апреля 1808 г. Наполеон писал И. Мюрату, наместнику в Испании: «Нужно, чтобы стало ясно, что я ничего не хочу от Испании, что королевство сохранит свою независимость и свою целостность, но что я хочу династию, которая еще больше связала бы две нации» [*Correspondance de Napoléon Bonaparte 1865, XVII: 31*]. В том же ключе было написано письмо маршалу Бессьеру, командующему императорской гвардией в Испании [*Ibid.: 32*].

Важно также иметь в виду, что Наполеон сделал королем Испании не И. Мюрата, жестоко подавившего восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде, а своего старшего брата, неаполитанского короля Жозефа, имевшего реформаторский опыт и соответствующую репутацию реформатора.

В июне 1808 г. Жозеф прибыл в Байонну, где был провозглашен королем Байоннскими кортесами. Через месяц 7 июля в Испании была принята первая конституция, ставшая основой легитимности власти нового короля. Конституция предполагала: свободу личности, отмену пыток, неприкосновенность жилища, свободу передвижений, равенство всех испанцев перед законом и была адаптирована к традициям Испании. Католицизм был провозглашен «религией короля и нации»

⁴ Фердинанд VII не принимал участия в событиях. Он был символической фигурой и удачно подходил для этой цели, т.к. не успел скомпрометировать себя, а борьбой с доном Годоем отделил себя от «старого режима». В 1809 г. он попросил Жозефа наградить его орденом Испании и сделать испанским принцем. После возвращения на престол Фердинанд поведет политику, прямо противоположную идеям, за которые боролись патриоты [*Mémoires et correspondance du roi Joseph 1855: 106*].

(ст.1), но ряд церковных учреждений, таких как Инквизиция, был постепенно упразднен. Ряд историков рассматривает эту конституцию как один из источников конституции Кадисских кортесов 1812 г. [Juretschke 1962: 144-147]. Министры, чьи посты были предусмотрены конституцией, были испанцами и в прошлом служили Бурбонам. Главным мотивом поддержки ими короля Жозефа являлось противостояние анархии и сохранение монархии в Испании. После капитуляции французского корпуса под Байленом в июле 1808 г. часть министров перейдет на сторону мятежа, среди них были П. Севальос, известный деятель эпохи Просвещения Ховельянос, назначенный министром внутренних дел, Антонио Романильос, приятель Кабарруса (министр финансов в правительстве нового короля), третьим подписавшим Байоннскую конституцию [Hocquelllet 2002: 685].

Параллельно со становлением власти Жозефа на территории Испании стали возникать Хунты, объединения представителей местной власти для решения текущих дел, что являлось типичной практикой для Испании Старого режима [Ibid.: 661]. Летом 1808 г. Севильская хунта объявила себя Верховной центральной хунтой, а в 1810 г. перебазировалась на юг Испании, в Кадис. Цель патриотов, опиравшихся в своей борьбе на английскую помощь, состояла в созыве Кортесов и создании такой власти, которая отражала бы интересы всей нации и положила бы конец хаосу в стране. Одновременно попытки созыва Кортесов с той же целью предпринимались и в наполеоновской Испании.

Основная идея воззваний патриотов заключалась во всеобщем единстве испанцев всех сословий, составляющих «испанский народ» (*el pueblo español*) [Подробнее: Hocquelllet 2004: 84; *El Voto de la Nación española*. 3 de enero. 1810]. А. Кампани, деятель эпохи Просвещения, призывал бороться как «оружием, так и пером». Он писал в 1808 г.: «Наша драгоценная свобода под угрозой, родина в опасности и призывает защитников... Возьмем в руки оружие и Бог благословит намерение такого святого начинания» [Carranу 1808: 1-2].

Стоит отметить, что политическая программа и мотивация действий патриотов, сразу же придавшим четкую идеологическую (освободительную) направленность народному движению, потенциально имела более длительную историческую перспективу. Этому способствовал и объективный фактор, игравший не в пользу «офранцузенных», а именно накопившаяся в народе франкофобия и ксенофобия, связанные с усилением консервативных черт в политике после французской революции. Так, борьба Испании 1793-1795 гг. с Французской республикой сопровождалась большим энтузиазмом среди испанского народа [Национальная идея в Западной Европе в Новое время 2005: 280]. Кроме того, пренебрежение французских солдат, вышедших из революционной армии, к религии компрометировало начинания Жо-

зефа, а религиозные лозунги стали главными лозунгами борьбы с французами.

Таким образом, оформившаяся идея единства нации, «идея Испании», сопровождавшаяся обращением к ее истории, католической вере, национальному наследию, распространялась сверху вниз, попадая на благодатную почву. Хотя мы вынуждены отметить, что первые восстания были спровоцированы сторонниками Фердинанда [Подробнее: La Parra 2008: 33-52] и, в целом, больше были связаны с локальным патриотизмом.

2 августа 1808 г. министры, покинувшие Мадрид вместе с Жозефом, отправившимся на север Испании, составили рапорт в Буитраго, который представлял их программу действий. Они предлагали Жозефу принять один из трех вариантов: «*renoncer, conquérir, ou négocier*» («отказаться от власти, завоевать или вести переговоры»), подчеркивая необходимость переговоров с лидерами мятежников, которые были «или наши друзья или наши родственники» [Mémoires et correspondance du roi Joseph 1855: 467]. Между ними существовали постоянные связи и контакты, министры никогда не преследовались за встречи с родственниками и друзьями из лагеря мятежников.

В указанном рапорте они предложили следующие меры: сепаратный мир с Англией для сохранения испанских колоний, аннексия Португалии, выплата ущерба, нанесенного французской армией, возвращение в казну наворованного Годоем, установление мира между Англией и Францией и начало переговоров на этой почве с лагерем повстанцев. Некоторые из «офранцузенных» советовали Жозефу отказаться от союза с Францией [Ibid.: 470]. Антуан де Лафорэ, французский посол в Мадриде, следующим образом характеризовал мнение министров короля: «Их система определена - нужно спасти их отечество от завоевания и посадить короля на трон посредством переговоров внутренних и внешних, и который, в частности, постарается поставить Испанию вне федеративной системы Его Величества. Как следствие, они думают, что нужно, прежде всего, посодействовать формированию национального органа власти, который смог бы вести переговоры и заставил бы подчиниться; этого можно достичь, только объединив законные Советы с лидерами организованной силы (войсками мятежников – Е.А.)...» [La Forest 1905: 251-252]. Лафорэ все больше убеждался, что проблемы Испании занимают министров гораздо больше, чем проблемы короля; «самая значительная разница между их мнением и мятежом только в выборе монарха...» [Ibid.: 252].

Несмотря на поражение корпуса генерала Дюпона под Байленом летом 1808 г., Наполеон поставил задачу вернуть Жозефу власть. После встречи с Александром I в Эрфурте в октябре 1808 г. он двинул полки Великой армии в Испанию. В результате серии побед и взятия ущелья Сомосьерра 30 ноября 1808 г., путь на Мадрид был открыт.

4 декабря столица Испании капитулировала. Конфликт Жозефа и Наполеона, обострившийся в этот период, не способствовал консолидации элит вокруг испанского короля и заставил говорить об угрозе независимости монархии. Ряд ключевых декретов («чамартинские декреты»), определивших облик страны, были изданы между 4 и 12 декабря от имени Наполеона. Они предполагали отмену феодальных прав и сеньориальной юстиции, отмену инквизиции, конфискацию имущества монашеских орденов, ликвидацию таможенных барьеров между провинциями [Correspondance de Napoléon Bonaparte 1865, XVIII: 89-90]. 2 января 1809 г. в городе Асторга Наполеон принял решение покинуть Испанию.

Конструирование наполеоновской Испании началось в 1809 г. Она включала в себя несколько уровней: король, министры короля, действующие в рамках конституции 1808 г., генерал-губернаторы со своим аппаратом, армия (15 479 человек)⁵, то есть все те испанцы (от дворянства до третьего сословия), которые были включены в новое политическое и культурное пространство.

Важную роль в укреплении власти короля Жозефа играла тщательно продуманная пропаганда, которая также содержала основные составляющие идеи «Испании», ставшей главным призывом патриотов: уважение к католической религии (провиденциализм как оправдание смены власти), традициям и ритуалам испанской монархии, элементы народной культуры (бои быков). Она ориентировалась на особенности мировоззрения основных категорий испанского населения, стремясь, тем самым, лишить их мотивации присоединиться к «мятежу». Ее центральным тезисом являлась задача возрождения Испании, торжество либеральных идей над фанатизмом и невежеством. кроме того, вопреки политике Наполеона, Жозеф всячески подчеркивал свое стремление сохранить целостность и независимость испанской монархии. Он писал: «...я не отказывался настолько от своего титула иностранца, которого было достаточно, чтобы заставить людей гордых, людей, которые не знали другой войны, кроме войны за независимость, меня ненавидеть» [Mémoires et correspondance du roi Joseph 1855: 177]. Подобное поведение вызывало раздражение Наполеона. «Нужно, чтобы король был французом, нужно, чтобы Испания была французской» [Roederer 1909: 239], – сказал он однажды П.-Л. Редереру, известному государственному деятелю Первой империи.

Женитьба императора на австрийской принцессе Марии Луизе способствовала углублению европейского строительства. Захват Римской области в 1809 г., декрет Наполеона от 8 февраля 1810 г. о реорганизации системы управления в областях на север от р. Эбро (в Арагоне,

⁵ Боевое испанской армии на службе короля Жозефа расписание было добыто русским поверенным в делах в Испании П.О. Моренгеймом [АВПРИ: Л. 175 об. – 176].

Каталонии, Наварре, Бискайе), которые отныне были подчинены лично императору, а также присоединение Голландии в июле 1810 г. вызвало беспокойства в окружении короля. Логическим продолжением этой политики стала аннексия Каталонии в 1812 г., что показало бессмысленность усилий Жозефа в деле сохранения целостности монархии.

В 1810 г. начали свою деятельность Кадисские кортесы, собравшие депутатов со всей Испании. Одним из первых решений этих кортесов стало провозглашение свободы слова и печати, равенство между испанцами и жителями Латинской Америки.

В мае 1812 г. вновь встал вопрос о созыве Кортесов в Наполеоновской Испании. О его необходимости Жозеф заявил в июле 1811 г., как начале новой фазы правления и альтернативе военным методам в деле объединения страны [АН: №. 27-29]. Однако принятие Кадисской конституции 19 марта 1812 г. и провозглашение национального суверенитета фактически легализовало патриотов. Это событие осталось в памяти испанцев точкой отсчета национализма и стало квинтэссенцией патриотической риторики, накопившейся в период Просвещения и в борьбе с Наполеоном.

После поражения в битве при Витории Жозеф покинул Испанию. Фердинанд VII постановлением от 30 мая 1813 г. объявил «офранцузенных» лишенными гражданских прав и запретил их женам и детям возвращаться на родину. Только с восстановлением правления кортесов 8 мая 1820 г., им было дозволено возвращение в Испанию, а декретом того же года от 21 сентября им были возвращены их имущества.

Таким образом, «патриоты» и «офранцузенные» стали различными проявлениями одного процесса, а именно формировавшейся в середине интеллектуалов национальной идеи. Обе стороны опирались на иностранную помощь: Англии или Франции. Что обусловило крах Наполеоновской Испании и победу патриотов? В первую очередь, это просчеты самого Наполеона. Конфликт с Жозефом и ужесточение политики в связи с активной поддержкой Англией народного сопротивления делали Наполеона врагом нации и лишали Жозефа необходимого авторитета. Война с Наполеоном и появление соответствующего дискурса, направленного против общего врага, заложили предпосылки для консолидации испанцев, конструирования единой нации. Программа и цели патриотов, в целом схожие с первоначальным намерением Наполеона и «офранцузенных», ориентированные на национальную историю и традиции, но исходившие от испанцев, а не от иностранного монарха, оказались более успешны в долгосрочной перспективе. Кроме того, Фердинанд, ставший фигурой, вокруг которой консолидировались патриоты, занимал более выигрышное положение по сравнению с Жозефом: он не компрометировал себя, не принимая участия в войне.

Список источников и литературы

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133: Канцелярия МИД. Оп. 468. Д. 7526.
- Национальная идея в Западной Европе 2005** - Национальная идея в Западной Европе в Новое время / отв. редактор В. С. Бондарчук. М.: ИКД Зерцало-М; Издательский дом Вече, 2005. 496 с.
- Юрчик 1997** – Юрчик Е.Э. Испанские просветители второй половины XVIII века об исторических судьбах страны: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1997. 25 с.
- AN** – Archives nationales. Archives du Consulat et de la Secrétairerie d'État impériale: Relations extérieures (an VIII-1815). AF/IV/1699. Doss. 8.
- Artola 2008** – Artola M. Los afrancesados. Madrid: Alianza, 2008. 328 p.
- Capmany 1808** – Capmany y de Montpalau A. Centinela contra franceses, parte 1. Madrid: por Gomez Fuentenebro y Compañía, 1808. 99 p.
- Correspondance de Napoléon Bonaparte 1865** – Correspondance de Napoléon Bonaparte, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. en 32 vol. P.: H. Plon, J. Dumaine, 1865. Vol. XVII. 656 p.; Vol. XVIII. 636 p.
- Dauphin 2004** – Dauphin F. La gazette nationale de Saragosse. Entre collaboration et Afrancesamiento // Annales historiques de la Révolution française. 2004. № 336. L'Espagne et Napoléon. P. 147-168.
- Hocquellet 2004** – Hocquellet R. Les élites et le peuple face à l'invasion napoléonienne : pratiques sociales traditionnelles et politique moderne (1808 – 1812) // Annales historiques de la Révolution française. 2004. № 336: L'Espagne et Napoléon. P. 71-89.
- Hocquellet 2002** – Hocquellet R. Les Patriotes espagnols en révolution. La convocation des Cortes extraordinaires de Cadix (1808-1810) // Revue Historique. 2002. T. 304. Fasc. 3 (623). P. 657-691.
- Junco 1994** – Junco J.A. La invención de la Guerra de la Independencia // Studia Historica. 1994. № 12. P. 75-99.
- Junco 2014** – Junco J.A. Las deformaciones de la memoria // El Pais. 2014. URL: https://elpais.com/elpais/2014/12/03/opinion/1417620379_683896.html (дата обращения: 29.09.18).
- Juretschke 1962** – Juretschke H. Los afrancesados en la guerra de Independencia. Su genesis, desarrollo y consecuencias historicas. Madrid: Rialp, 1962. 285 p.
- La Forest 1905** – Correspondance du Comte de La Forest, ambassadeur de France en Espagne 1808-1813, en 7 vol. P.: Alphonse Picard et Fils, 1905. Vol. I. 456 p.
- La Parra 2008** – La Parra E. Fernando VII : impulso y freno a la sublevación contra Napoléon // Mélanges de la Casa de Velázquez. 2008. № 38-1. P. 33-52.

- Luis 2012** – Luis J-Ph. El afrancesamiento, una cuestión abierta // Ayer. 2012. № 86: La Guerra de la Independencia. P. 89-109.
- Mémoires et correspondancedu roi Joseph 1855** – Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph, publiés, annotés et mis en ordre. En 10 vol. P.: Perrotin, 1855. Vol. IV. 512 p.
- Roederer 1909** – Journal du Comte P.L. Roederer; notes intimes et politiques d'un familial des Tuileries. P. : Daragon, 1909. 394 p.
- Morange 2005** – Morange C. ¿Afrancesados o Josefinos? // Spagna contemporanea. 2005. № 27. P. 27-54.

References

- AVPRI** – Arxiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii. F. 133: Kancelyariya MID. Op. 468. D. 7526.
- Nacional'naya ideya v Zapadnoj Evrope 2005** – Nacional'naya ideya v Zapadnoj Evrope v Novoe vremya / otv. redaktor V. S. Bondarchuk. M.: IKD Zerczalo-M; Izdatel'skij dom Veche, 2005. 496 s.
- Yurchik 1997** – Yurchik E.E. Ispanskije prosvetiteli vtoroj poloviny` XVIII veka ob istoricheskix sud'bx strany`: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. M., 1997. 25 s.
- AN** – Archives nationales. Archives du Consulat et de la Secrétairerie d'État impériale: Relations extérieures (an VIII-1815). AF/IV/1699. Doss. 8.
- Artola 2008** – Artola M. Los afrancesados. Madrid: Alianza, 2008. 328 p.
- Capmany 1808** – Capmany y de Montpalau A. Centinela contra franceses, parte 1. Madrid: por Gomez Fuentenebro y Compañía, 1808. 99 p.
- Correspondance de Napoléon Bonaparte 1865** – Correspondance de Napoléon Bonaparte, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. en 32 vol. P.: H. Plon, J. Dumaine, 1865. Vol. XVII. 656 p.; Vol. XVIII. 636 p.
- Dauphin 2004** – Dauphin F. La gazette nationale de Saragosse. Entre collaboration et Afrancesamiento // Annales historiques de la Révolution française. 2004. № 336. L'Espagne et Napoléon. P. 147-168.
- Hocquelllet 2004** – Hocquelllet R. Les élites et le peuple face à l'invasion napoléonienne : pratiques sociales traditionnelles et politique moderne (1808 – 1812) // Annales historiques de la Révolution française. 2004. № 336: L'Espagne et Napoléon. P. 71-89.
- Hocquelllet 2002** – Hocquelllet R. Les Patriotes espagnols en révolution. La convocation des Cortes extraordinaires de Cadix (1808-1810) // Revue Historique. 2002. T. 304. Fasc. 3 (623). P. 657-691.
- Junco 1994** – Junco J.A. La invención de la Guerra de la Independencia // Studia Historica. 1994. № 12. P. 75-99.

- Junco 2014** – Junco J.A. Las deformaciones de la memoria // El Pais. 2014.
URL: https://elpais.com/elpais/2014/12/03/opinion/1417620379_683896.html (дата обращения: 29.09.18).
- Juretschke 1962** – Juretschke H. Los afrancesados en la guerra de Independencia. Su genesis, desarrollo y consecuencias historicas. Madrid: Rialp, 1962. 285 p.
- La Forest 1905** – Correspondance du Comte de La Forest, ambassadeur de France en Espagne 1808-1813, en 7 vol. P. : Alphonse Picard et Fils, 1905. Vol. I. 456 p.
- La Parra 2008** – La Parra E. Fernando VII : impulso y freno a la sublevación contra Napoléon // Mélanges de la Casa de Velázquez. 2008. № 38-1. P. 33-52.
- Luis 2012** – Luis J-Ph. El afrancesamiento, una cuestión abierta // Ayer. 2012. № 86: La Guerra de la Independencia. P. 89-109.
- Mémoires et correspondancedu roi Joseph 1855** – Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph, publiés, annotés et mis en ordre. En 10 vol. P.: Perrotin, 1855. Vol. IV. 512 p.
- Roederer 1909** – Journal du Comte P.L. Roederer; notes intimes et politiques d'un familiar des Tuileries. P.: Daragon, 1909. 394 p.
- Morange 2005** – Morange C. ¿Afrancesados o Josefinos? // Spagna contemporanea. 2005. № 27. P. 27-54.

УДК 94(47)"1837/1839":94(44)"1837/1839"

DOI 10.26170/vvi19-01-03

Код ВАК 07.00.03

В.Н. Земцов*

25-Я ГОДОВЩИНА БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1812 – 1814 ГОДОВ: ФОРМИРОВАНИЕ ДВУХ ТРАДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ*

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

Vladimir N. Zemtsov, Dr. of History, Professor of the Chair of Modern and Current History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltzin; Professor, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

© Земцов В. Н., 2019

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Статья посвящена первому этапу трансформации коммуникативной памяти о событиях большой европейской войны 1812-1814 гг. в культурную память во Франции и России в период 1837-1839 гг. Автор предпринимает попытку сопоставления целей, механизмов и результатов подобной трансформации, а также роли в ней государственных структур. Сделан вывод о том, что 25-я годовщина событий 1812-1814 гг. стала важной вехой конденсации памяти о событиях этой войны. Французский вариант продемонстрировал тип «памяти-поражения», характеризовавшийся трагически-болезненным восприятием исторических событий. Российский вариант, напротив, явил собою «память-славу», и стал активно эксплуатироваться властью. Этот вариант в большей степени, чем «память-поражение», продемонстрировал податливость к подтасовке и мифологизации исторического прошлого.

Ключевые слова: историческая память, военная история, история России, история Франции, большая европейская война, культурная память.

Vladimir N. Zemtsov

THE 25TH ANNIVERSARY OF THE GREAT EUROPEAN WAR OF 1812-1814: FORMATION OF TWO TRADITIONS OF NATIONAL MEMORY

The article is devoted to the first stage of the transformation of the communicative memory of the events of the great European war of 1812-1814 in cultural memory in France and Russia in the period 1837-1839. The author attempts to compare the goals, mechanisms and results of such transformation, as well as the role of state structures in this. It is concluded that the 25th anniversary of the events of 1812-1814 became an important milestone in condensation of the memory of the events of this war. The French version demonstrated the type of “memory-defeat”, characterized by a tragic and painful perception of historical events. The Russian version, on the contrary, showed “memory-glory” and began to be actively exploited by the authorities. This option to a greater extent than the “memory-defeat”, demonstrated compliance to the fraud and the mythologization of the historical past.

Keywords: historical memory, military history, history of Russia, history of France, the great European war, cultural memory.

Историческая память о событиях 1812-1814 гг. является важной составляющей национальной идентичности россиян. Значительное, хотя и менее заметное место, события 1812-1814 гг. занимают в реестре выдающихся событий прошлого в сознании французов. Важной, а до некоторой степени первой, заметной вехой формирования двух национальных традиций восприятия событий конца наполеоновских войн, стала их 25-я годовщина.

К сюжетам, связанным с празднованием в России четвертьвековой годовщины войн 1812-1814 гг. не раз обращались отечественные авторы [Болдина 1997; Горбунов 2012; Секиринский 2012; Ульянова 2013; Ермакова, 2015]. Значительно менее исследовано формирование

французской исторической традиции [Kern 2014; Мильчина 2017]. В нашей публикации мы попытаемся рассмотреть эту проблематику в плане сопоставления особенностей формирования в 1834-1839 гг. этих двух национальных традиций.

Начнем с французской традиции. 30-е гг. XIX в. стали во Франции временем превращения живой, коммуникативной памяти о конце наполеоновской эпохи в память национальную, историческую, в память культурную. Если в предыдущее десятилетие события недавнего прошлого еще только начинали становиться историей, и виртуальные сражения на страницах публикаций оказывались своего рода продолжением боев участников великих событий, судьбы которых по-разному сложились в эпоху Реставрации (единственным исключением, на наш взгляд, был труд Ж. Шамбрэ [Chambrey 1823], который преследовал чисто практическую задачу извлечь опыт военных действий для нужд Военного министерства), то в 30-е гг. ситуация изменилась. Не только многие ветераны наполеоновских войн стали один за другим уходить из жизни, но и государственная власть стала искать возможности воспользоваться «историческим капиталом» в целях консолидации разношерстного общества времен Июльской монархии.

В течение всех 1830-х, да и в первой половине 1840-х гг., не вышло ни одного заметного исторического исследования, посвященного не только тяжелым для Франции годам поражений 1812-1814 гг., но и всей наполеоновской эпохе. Однако отсутствие глубоких исследовательских работ активно компенсировалось иными, более популярными жанрами репрезентации исторического прошлого. Так, художники, литографы и граверы Н. Т. Шарле⁶ и Д. О. М. Раффе⁷ стали создавать романтизированный и героический образ эпохи. Они чувствовали, что не только и не столько победы ушедших в прошлое событий были нужны публике и власти, но и, в большей степени, героика поражений, пришедшихся на период 1812-1815 гг. На полотне Шарле, выставленном в салоне 1836 г., растянувшаяся колонна измученных французских солдат, продирающихся сквозь снега, нагромождения трупов, брошенных пушек и телег, продолжают бороться не только за свою жизнь, но и честь. В одиночную фигуру, упавшую на колени и поднявшую руки перед неприятелем, кто-то из колонны сразу же наводит ружье, намереваясь застрелить труса⁸. Не менее впечатляю-

⁶ Шарле Никола Тучсен (1792-1845), ученик А.Ж. Гро, в 1814 г. служил в Национальной гвардии. В 1836 г. представил публике полотно «Эпизод из наполеоновского похода в Россию».

⁷ Раффе Денни Огюст Мари (1804-1860) выполнил целую серию работ – «Сражение при Люцене», «Сражение при Ватерлоо», «Большой смотр», «Эпизод отступления из России», «Русская кампания», «Переход через Неман», «Маршал Ней в бою у Ковно, 12 декабря 1812 года» и др., расходившихся через литографии в тысячах экземпляров.

⁸ Сегодня это полотно находится в Музее изящных искусств в Лионе.

щими были сюжеты, предложенные Раффе, а также О. Верне⁹, впрочем, большей частью исполненные еще в 1820-е, но активно тиражировавшиеся в 1830-е гг.

Однако самыми значительными событиями во Франции, связанными с 25-летием войн 1812-1814 гг., стало открытие в 1836 г. знаменитой Триумфальной арки в Париже, заложенной еще в 1806 г., и демонстрация в 1835-1839 гг. в здании-ротонде в парижском квартале Марэ панорамы «Битва при Москве-реке» Ж.Ш. Ланглуа.

Начиная с 19 июля 1835 г., когда панорама Ланглуа была открыта, и до января 1839 г. ее посетило 53 тыс. человек. Помимо королеванных особ (в том числе, Луи-Филиппа и членов его семьи, короля и королевы Бельгии и др.), было немало и ветеранов Русской кампании (в том числе знаменитый Д.Ж. Ларрей, главный хирург Великой армии). Отзывы были восторженными.

Приглядимся к этому полотну и к его создателю внимательнее. Жан Шарль Ланглуа (1789-1870), участник наполеоновских войн [см.: Bourseul 1874; Pinet 1910; Robichon 1983; Robichon 2000; Jean-Charles Langlois 2005], оказывается в России только в ноябре 1833 г., будучи прикомандированным в чине шефа эскадрона Главного штаба к маршалу Н.Ж. Мезону, ветерану русского похода 1812 г., а теперь послу в Санкт-Петербурге. Об этой странице жизни Ланглуа известно не так много, в особенности о том, какова была его главная цель пребывания в стране. По всей видимости, он должен был, прежде всего, собирать информацию разведывательного характера. И талант художника, соединенный с опытом службы штабиста, как нельзя лучше помогал выполнению главной задачи. Ланглуа написал несколько портретов русской знати, добился благосклонности императорской фамилии, сам Николай I, осыпав милостями, предложил ему стать его адъютантом.

Когда именно у Ланглуа зародилась идея создания панорамы «Битва при Москве-реке», сказать трудно. Нам думается, что эта идея пришла к Ланглуа еще до приезда в Россию. Многочисленные рассказы сослуживцев о небывалой эпопее русского похода, участие в нем его собственных покровителей – Гувьон Сен-Сира и Мезона, неоднократно уже прежде обращение художника к теме войны в России, наконец, первые успехи в создании батальной панорамы – все это должно было пробудить в Ланглуа, одаренном увлекающейся, дерзкой и одновременно практичной натурой, идею создания чего-то грандиозного на тему Русской кампании Наполеона. Поэтому, оказавшись в России, он решил максимально использовать открывшиеся перед ним возможности. Более месяца Ланглуа ходил и ползал по оврагам и перелескам Бородинского поля, взбирался на холмы и делал зарисовки.

⁹ Верне Орас (1789-1863), автор известных полотен «Сражение при Монмирайе 11 февраля 1814 г.» (1822 г.) и «Сражение при Ханану 30 октября 1813 г.» (1824 г.).

Обращаясь к авторам, которые сами видели сражение, а также к документам (прежде всего, к знаменитому 18-му бюллетеню Великой армии, написанному под диктовку Наполеона в Можайске 10 сентября 1812 г.), Ланглуа попытался «вписать» события битвы 26 августа (7 сентября) 1812 г. в реальную местность. «Он провел целый год в России, изучая место сражения под Москвой, позиции наших и вражеских войск, здешний ландшафт, землю и небо», – написала французская газета “L’Artiste” в день открытия панорамы [Цит. по: Робишон 2002].

Жизнь панорам в XIX в. была недолгой. В январе 1839 г. панорама была закрыта для публики из-за повреждений, и огромное полотно размером 110 на 12 м было передано в Версальский дворец. До наших дней оно не сохранилось. К счастью, остался макет панорамы, состоящий из 6 панно (5 из них были созданы, по-видимому, в 1835 г., одно – в 1838 г.), представляющих собой единое целое общим размером 0,745 м на 6,950 м. По всей видимости, это был окончательный эскиз к будущей панораме, несколько переработанный в дальнейшем для выставки 1839 г. Написанный маслом на холсте, он до 1907 г. хранился в Версальском дворце, а затем поступил в Музей Армии. Долгие годы пролежавший в фондах, он был несколько лет назад размещен в основной экспозиции Музея Армии, благодаря чему у нас появилась возможность его увидеть и изучить. Когда в один из майских дней 2012 г. мы пришли ради этого в Музей Армии, то стали свидетелями любопытной сцены. Перед эскизом панорамы русскоговорящая женщина-экскурсовод решительно остановила группу российских туристов. Полным неподдельного гнева голосом она заклемила Ланглуа, а вместе с ним и всю французскую нацию в бессовестном искажении исторической правды. «Где здесь батарея Раевского? Где здесь село Бородино? Где здесь Багратионовы флеши?» – восклицала она в ярости, предлагая туристам разделить с нею праведный гнев. После ухода туристов мы сделали десятка два снимков с эскиза Ланглуа и начали спокойно изучать французскую панораму. Без труда мы нашли на полотне все три объекта – батарею Раевского, село Бородино и Багратионовы «флеши». Более того, французская панорама вызвала многочисленные аллюзии с хорошо известным российским батальным шедевром – панорамой «Бородинская битва» Ф. А. Рубо, созданной к 100-летней годовщине Отечественной войны 1812 года. Эти очевидные параллели заставили нас решиться провести своего рода экспертизу изображенных на панораме Ланглуа событий, как с точки зрения ее соответствия установленным наукой историческим реалиям, так и с точки зрения обстоятельств ее создания. Результаты этих исследований были нами в свое время опубликованы [Земцов 2013; Земцов 2014]. Мы пришли к выводу, что Ланглуа, несмотря на вполне допустимые для художественного произведения вольности, представил достаточно реалистичную и исторически правдивую картину «битвы

при Москве-реке». Будучи профессиональным военным, пройдя огонь наполеоновских битв, детально изучив поле Бородинского сражения (он это сделал спустя чуть более десятилетия после битвы), Ланглуа создал эмоционально насыщенное и исторически правдивое полотно, отразившее не только героико, прежде всего, французского солдата, но и весь трагизм войны как таковой.

В те же, 30-е гг. XIX в., два известных француза – посол в Санкт-Петербурге маршал Н.Ж. Мезон и ставший позже не менее знаменитым А. де Кюстин, стали свидетелями и, до известной степени, участниками торжеств в России, связанных с празднованием 25-летия войн 1812-1814 гг.

Еще ранее, в сентябре 1834 г., сообщая в Париж об открытии в Москве Триумфальных ворот, Мезон нашел, что они воздвигнуты «в память о наших бедствиях и о поре, для Франции столь мучительной», и что все это сопровождается «малопристойными манифестациями» [Мильчина 2017: 180]. Через два года, в августе 1834 г., состоялось освящение Александровской колонны, что было фактически приурочено к 20-летию взятия Парижа. Освящение колонны, в особенности приглашение на этот акт пруссаков-участников боевых действий во Франции в 1814-1815 гг., Мезон воспринял как событие для французов оскорбительное, в любом случае, вызывающее исключительно горестные чувства. Посол категорически отказался участвовать в освящении колонны, заявив российскому министру иностранных дел К. В. Нессельроде, что «манифестация для нас оскорбительная» [Там же: 205-211]. Мезон, повествуя об этом, не преминул подчеркнуть контраст между тем, как к памяти о событиях 1812-1814 гг. обращался Александр I, старавшийся не затрагивать национальных чувств французов, и как это делает его брат император Николай I, исходивший исключительно из стремления подчеркнуть торжество русского оружия над неприятелем.

Очевидно, что антифранцузскую подоплеку русских празднеств, связанных с годовщиной войн 1812-1814 гг., ощущал не только один Мезон, но и многие его соплеменники. Так, в газете «Конституционный» в номере за 22 ноября 1837 г. со ссылкой на русские издания «Северная почта» и «Отечественные ведомости» сообщалось о двух празднествах. Первое состоялось 2 октября в Москве, где впервые, согласно указу правительства, решили отметить отступление французской армии из России (имелось в виду 25-летие оставление Наполеоном первопрестольной). Был собран московский гарнизон («в большой форме» и при оружии, жители Москвы и близлежащих селений; архиепископ московский и коломенский Филарет отслужил службу в Успенском соборе и возглавил церковную процессию. После религиозной церемонии состоялось народное гуляние, расходы на устройство которого взяло на себя правительство. Второе празднество имело место в Новочеркасске в честь вел. кн. Александра Николаевича, наслед-

ника престола, который был провозглашен атаманом казачьих войск и командиром Атаманского казачьего полка. После религиозной церемонии также состоялось народное гуляние, во время которого опустошались стаканы в память о храбром атамане М. И. Платове, одержавшем многие столь памятные для русских победы. Эти сообщения завершались следующей сентенцией: «Подобными торжествами самодержавное правительство стремится возбудить в полудивилизованном народе (les peuples à demi-civilisés), повинующемуся его скипетру, каковы те дружеские чувства, которые царь-деспот (le czar despote) питает к либеральной и прогрессивной Июльской монархии» [Le Constitutionnel. 1837; Мильчина 2017: 223].

Пиком торжеств, ознаменовавших 25-летие событий 1812-1814 гг., стали празднества на Бородинском поле 1839 г. Астольф де Кюстин, пребывавший тогда в России и настоятельно приглашавшийся Николаем I на Бородинские торжества, предпочел отказаться от подобной милости, но наблюдал их «со стороны». «Ненужным торжеством» и «потешной войной», призванными «единственно распалить национальную гордость русских за счет бедствий нашей страны», назвал он то, что происходило на Бородинском поле в августе 1839 г. [Кюстин 1996: 325] «В тот момент сражения, когда французы, громимые огнем русской артиллерии, бросаются на разящие их батареи, дабы, как вам известно, – писал де Кюстин, – смело и удачно захватить неприятельские пушки, император Николай, вместо того чтоб дать им выполнить сей знаменитый маневр, который справедливости ради должен он был допустить, а ради собственного достоинства – сам командовать, – император Николай, лстя ничтожнейшим своим подданным, заставил отступить на три лье тот корпус нашей армии, которому мы в действительности обязаны были поражением русских, победным маршем на Москву и ее взятием. Судите же сами, как я благодарю Бога, что мне хватило ума отказаться присутствовать при подобной лживой пантомиме!..» [Там же: 328].

Справедливости ради следует сказать, что вопреки предположениям де Кюстина, «военная пантомима», разыгранная в 1839 г. на Бородинском поле, все же не вызвала в Европе какого-либо заметного возмущения. Во Франции также не стали раздувать по этому поводу скандал. В любом случае, очевидно, что французы, не принимая российского торжественно-героического восприятия событий 25-летней давности, предпочли иной, более камерный, проникнутый трагизмом человеческой судьбы и трагизмом целых народов, образ последних лет наполеоновской эпохи.

Как складывалась русская традиция национальной памяти в 30-е гг. XIX в.? Еще в 1832 г., к 20-летию войны 1812 г., на Дворцовой площади в Петербурге была воздвигнута Александровская колонна, а в 1834 г., к 20-летней годовщины победы в 1814 г., появились Московские

триумфальные ворота. Но пиком, конечно же, должны были стать торжества 1839 г. Император Николай I и правительственный лагерь постарались придать этим торжествам особую окраску, превратив эпопею 1812-1814 гг. в символ торжества самодержавно-патриархальных сил над идеей западного либерализма и космополитизма. Идейную и историческую основу для этого должен был заложить труд А. И. Михайловского-Данилевского [Михайловский-Данилевский 1839. См. также: Михайловский-Данилевский 1836; Михайловский-Данилевский 1845-1849]. Начав работу над этим трудом в середине 1830-х гг., автор был допущен к секретным бумагам аракчеевского архива. Работая при непосредственном участии Николая I, Михайловский-Данилевский в январе 1838 г. представил ему рукопись книги. Хорошо известна запись Михайловского-Данилевского, сделанная им 11 (23) февраля 1838 г.: «Сегодняшнюю ночь провел я ужасно, сердце билось, голова горела, мне все чудилось, что мною будут недовольны, что молчание государя на бале гр. Воронцова есть тому непреложное доказательство. Я в такой грусти, что ни за что не могу приняться, решительно убит духом» [Цит. по: Шеин 2013: 98]. После одобрения Николаем I книга все равно прошла еще через сито многослойной цензуры [Тартаковский 1980]. Идея о единстве народа и самодержавия, псевдо-патриотический, высокопарный стиль в отношении русских, уничижительные реплики в отношении противника – все это присутствовало в труде Михайловского-Данилевского, определившего на десятилетия, а в ряде случаев, и на столетия, основу русской национальной традиции восприятия войн 1812-1814 гг. Так, хорошо известно, что Л. Н. Толстой, работая над романом «Война и мир», всем остальным исследованиям предпочел книгу именно Михайловского-Данилевского, называя ее «беспристрастной и совершенной» [Зайденшур 1966; Толстой 1955]. Помимо работы Михайловского-Данилевского, в 1839 г. было переиздано сочинение К. Ф. Толя, изданы книги Н. Д. Неелова и Ф. Н. Глинки [Толь 1839; Неелов 1839; Глинка 1839], выдержанные в подобном работе Михайловского-Данилевского духе.

Однако закрепление принципиальных основ подобной традиции происходило чаще всего, конечно же, через публичные правительственные мероприятия, разнообразные публикации в прессе, через издание эстампов и литографий и через «народные гуляния». Двумя главными событиями в череде государственных мероприятий стали большие маневры («высочайший смотр») на Бородинском поле и закладка в Москве Храма Христа Спасителя.

Для участия в маневрах, в ходе которых должно было состояться и открытие памятника на батарее Раевского, было собрано до 120 тыс. (по другим сведениям, до 150 тыс.) войска, которому предстояло разыграть «подобие Бородинского сражения». Несмотря на то, что ряд представителей иностранных держав был приглашен специ-

ально, была вместе с тем составлена инструкция, согласно которой далеко не всем иностранцам, пожелавшим посетить Бородинское поле в августе 1839 г., дозволялось это сделать [О дозволении 1900].

26 августа 1839 г., за три дня до больших маневров, на Курганной высоте, рядом с могилой П.И. Багратиона, останки которого были перенесены туда в июле того же года, был открыт и освящен огромный в 27,5 м чугунный монумент, увенчанный сияющими золотом главой и крестом. На гранях памятника были помещены надписи о численности сражавшихся на поле армий (при этом численность армии Наполеона была явно завышена) и тексты об отступлении русской армии к Москве, последующем вхождении французов в первопрестольную и вступлении русских войск в Париж. Построение 120-тысячных войск, раскатистое ура, крестный ход во главе с московским митрополитом Филаретом, торжественный молебен – все это запечатлелось как в памяти участников торжеств, так и вошло в национальную память россиян.

Не менее сильное впечатление произвели разыгранные 29 августа 1839 г. сцены самого Бородинского сражения. Однако... В этом спектакле не было «неприятеля»: русские войска изображали только самих себя, распугивая, как говорили очевидцы, только местных зайцев. Более того, Николай I, наблюдавший за действием с того самого холма, где был Наполеон во время боя, не довольствуясь «обороной» русских, неожиданно для всех приказал «перейти в общее наступление». Все оставленные ранее укрепления, и даже село Бородино, были вновь взяты русскими. Государь лично повел кавалерию, изображавшую конницу Уварова и Платова, в тылы «неприятеля», отрезая ему путь отступления! По окончании «сражения» Николай I собрал всех начальников и, делая им различные замечания, сказал, обращаясь к ветеранам, участникам реального сражения 26 августа 1812 г., А. П. Ермолову, К. Ф. Толю и другим: «Не находите ли вы, что если бы фельдмаршал Кутузов действовал так, как мы сегодня, то последствия сражения были бы иные?» А. В. Веригин, подполковник Генерального штаба, участвовавший в организации мероприятий на Бородинском поле, вспоминал, что «общее молчание было ответом на слова государя, хотя по выражению вопрошенных лиц легко было угадать их отрицательное мнение. Из окружающей же толпы в свите государя послышался один голос, достаточно внятно произнесший:

– Да государь забывает, что сегодня не было ни ядер, ни пуль и главное, что не было против него Наполеона.

Правда эта вырвалась из уст генерала Давыдова¹⁰, стоявшего вдалеке и не думавшего, конечно, быть услышанным государем» [Веригин 1885].

¹⁰ Давыдов Е. В. (1786-1842), генерал-майор, участник наполеоновских войн, младший брат Д. В. Давыдова.

После окончания бородинских торжеств войска с Бородинского поля двинулись в Москву для участия в церемонии закладки Храма Христа Спасителя. На самом поле остался монумент, полумифические надписи на котором должны были закрепить «новую память» о Бородинском сражении.

Таким образом, 25-я годовщина войны 1812-1814 гг. стала важной вехой конденсации памяти о событиях относительно недавнего прошлого. Французский вариант преобразования памяти коммуникативной в память культурную продемонстрировал тип «памяти-поражения», характеризовавшийся трагически-болезненным восприятием исторических событий. Вариант российский был ему прямой противоположностью: то была «память-слава», активно эксплуатировавшаяся властью, и в большей степени, чем «память-поражение», проявлявшая склонность к подтасовке и мифологизации исторического прошлого.

Список источников и литературы

- Болдина 1997** – Болдина Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IV и V Всероссийской научной конференции. Бородино, 1995-1996 гг. Бородино, 1997. С. 190-197.
- Веригин 1885** – Веригин А. И. Открытие памятника на Бородинском поле в 1839 г. Из воспоминаний офицера Генерального штаба // Русская старина. 1885. Вып. 4. С. 135.
- Горбунов 2012** – Горбунов А. В. Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII международной научной конференции. Можайск, 5-7 сентября 2011 г. Можайск, 2012. С. 153-161.
- Глинка 1839** – Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839.
- Ермакова 2015** – Ермакова Н. В. 25-я годовщина окончания кампаний 1812-1814 гг. в публикациях 1839 г. // Бородино и освободительный поход русской армии 1813-1814 гг.: материалы международной конференции. Бородино, 3-6 сентября 2014 г. Бородино, 2015. С. 46-61.
- Зайденшнур 1966** – Зайденшнур Э. Е. «Война и мир» Л.Н. Толстого. М., 1966. С. 7-8, 346.
- Земцов 2013** – Земцов В. Н. Ж.-Ш. Ланглуа и его панорама «Битва при Москве-реке» // Электронный научно-образовательный журнал История. 2013. № 1 (17).

- Земцов 2014** – Земцов В. Н. Панорама Ж.Ш. Ланглуа «Битва при Москве-реке»: Бородино глазами французов // Эпоха наполеоновских войн, люди, события, идеи. Материалы XII международной научной конференции. Москва, 25 апреля 2013 г. М.: Изд-во ГБУ «ЦГА Москвы», 2014. С. 15-32.
- Кюстин 1996** – по Кюстин А., де. Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 2.
- Мильчина 2017** – Мильчина В. А. Французы «полезные» и «вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М.: НЛО, 2017.
- Михайловский-Данилевский 1845-1849** – Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. СПб., 1845-1849. Т. 1-6.
- Михайловский-Данилевский 1839** – Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1-4.
- Михайловский-Данилевский 1936** – Михайловский-Данилевский А. И. Описание похода во Францию в 1814 году. Пб., 1836. Т. 1-2.
- Неелов 1939** – Неелов Н. Д. Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839.
- О дозволении 1900** – О дозволении иностранцам присутствовать на Бородинских маневрах только с разрешения графа Бенкендорфа, 6 августа 1839 г. // Русская старина. 1900. Вып. 2. С. 414.
- Робишон 2012** – Робишон Ф. Жан-Шарль Ланглуа и русская кампания // Пинакотекa. 2002. № 13-14.
- Секиринский 2012** – Секиринский С. С. Формирование традиции празднования годовщин войны 1812-1814 годов // Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М.: Кучково поле, 2012. С. 225-242.
- Тартаковский 1980** – Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980.
- Толстой 1955** – Толстой Л. Н. Черновые варианты «Войны и мира» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 15. М.: Художественная литература, 1955. С. 88; № 318а. С. 240.
- Толь 1939** – Толь К. Ф. Описание битвы при селе Бородине, 24-го и 26-го августа 1812 г. СПб.: А. Плюшар, 1839.
- Ульянова 2013** – Ульянова Г. Н. Юбилей Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. М., 2013. С. 498-509.
- Шейн 2013** – Шейн И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: РОССПЭН, 2013.
- Bourseul 1874** – Bourseul E.Ch. Biographie du colonel Langlois. P., 1874.
- Chambray 1823** – Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1823. Т. 1-2.

- Jean-Charles Langlois 2005** – Jean-Charles Langlois 1789-1870. Le spectacle de l'histoire. Musée des Beaux-Arts, Caen. Exhibition catalogue / F. Robichon. Paris; Caen, 2005.
- Kern 2014** – Kern E. Les commémorations de la réconciliation entre la France et la Russie (1812-2012). Saint-Denis: Edilivre, 2014.
- Le Constitutionnel 1837** – Le Constitutionnel. 1837. 22 Novembre. № 326.
- Lettre du 1912** – Lettre du colonel Langlois au baron Larrey sur la Bataille de la Moskowa, Saint-Himer, 3 octobre 1863 // Carnet de la Sabretache. 1912. P. 507-512.
- Pinet 1910** – Pinet G. Le colonel Langlois, peintre de panoramas militaires // Carnet de la sabretache. 1910. P. 609-626.
- Robichon 1983** – Robichon F. Langlois, soldat, peintre et panoramiste // Uniformes. 1983. № 71.
- Robichon 2000** – Robichon F. Le colonel Langlois 1789-1870: un peintre de l'épopée napoléonienne: collections de Musée Langlois. Caen; Paris, 2000.

References

- Boldina 1997** – Boldina E. G. Iz istorii Borodinskikh torzhestv 1839 g. (po dokumentam Tsentral'nogo istoricheskogo arkhiva Moskvy) // Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy IV i V Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Borodino, 1995-1996 gg. Borodino, 1997. S. 190-197.
- Verigin 1885** – Verigin A. I. Otkrytie pamyatnika na Borodinskom pole v 1839 g. Iz vospominaniy ofitsera General'nogo shtaba // Russkaya starina. 1885. Vyp. 4. S. 135.
- Gorbunov 2012** – Gorbunov A. V. Borodinskie torzhestva 1839 i 1912 gg. kak obraztsy prazdnovaniya istoricheskikh yubileev v Rossiyskoy imperii // Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XVII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Mozhaysk, 5-7 sentyabrya 2011 g. Mozhaysk, 2012. S. 153-161.
- Glinka 1839** – Glinka F. N. Ocherki Borodinskogo srazheniya. M., 1839.
- Ermakova 2015** – Ermakova N. V. 25-ya godovshchina okonchaniya kampaniy 1812-1814 gg. v publikatsiyakh 1839 g. // Borodino i osvoboditel'nyy pokhod russkoy armii 1813-1814 gg.: materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Borodino, 3-6 sentyabrya 2014 g. Borodino, 2015. S. 46-61.
- Zaydenshnur 1966** – Zaydenshnur E. E. «Voyna i mir» L.N. Tolstogo. M., 1966. S. 7-8, 346.
- Zemtsov 2013** – Zemtsov V. N. Zh.-Sh. Langlua i ego panorama «Bitva pri Moskve-reke» // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal Istoriya. 2013. № 1 (17).

- Zemtsov 2014** – Zemtsov V. N. Panorama Zh.Sh. Langlua «Bitva pri Moskve-reke»: Borodino glazami frantsuzov // Epokha napoleonovskikh voyn, lyudi, sobytiya, idei. Materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 25 aprelya 2013 g. M.: Izd-vo GBU «TsGA Moskvyy», 2014. S. 15-32.
- Kyustin 1996** – po Kyustin A., de. Rossiya v 1839 godu. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyykh, 1996. T. 2.
- Mil'china 2017** – Mil'china V. A. Frantsuzy «poleznye» i «vrednye»: nadzor za inostrantsami v Rossii pri Nikolae I. M.: NLO, 2017.
- Mikhaylovskiy-Danilevskiy 1845-1849** – Mikhaylovskiy-Danilevskiy A. I. Imperator Aleksandr I i ego spodvizhniki v 1812, 1813, 1814, 1815 godakh. SPb., 1845-1849. T. 1-6.
- Mikhaylovskiy-Danilevskiy 1839** – Mikhaylovskiy-Danilevskiy A. I. Opisaniye Otechestvennoy voyny v 1812 godu. SPb., 1839. Ch. 1-4.
- Mikhaylovskiy-Danilevskiy 1936** – Mikhaylovskiy-Danilevskiy A. I. Opisaniye pokhoda vo Frantsiyu v 1814 godu. Pb., 1836. T. 1-2.
- Neelov 1939** – Neelov N. D. Opyt opisaniya Borodinskogo srazheniya. M., 1839.
- O dozvolenii 1900** – O dozvolenii inostrantsam prisutstvovat' na Borodinskikh manevrakh tol'ko s razresheniya grafa Benkendorfa, 6 avgusta 1839 g. // Russkaya starina. 1900. Vyp. 2. S. 414.
- Robishon 2012** – Robishon F. Zhan-Sharl' Langlua i russkaya kompaniya // Pinakoteka. 2002. № 13-14.
- Sekirinskiy 2012** – Sekirinskiy S. S. Formirovaniye traditsii prazdnovaniya godovshchin voyny 1812-1814 godov // Otechestvennaya voyna 1812 goda v kul'turnoy pamyati Rossii. M.: Kuchkovo pole, 2012. S. 225-242.
- Tartakovskiy 1980** – Tartakovskiy A. G. 1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya. M.: Nauka, 1980.
- Tolstoy 1955** – Tolstoy L. N. Chernovye varianty «Voyny i mira» // Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. T. 15. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1955. S. 88; № 318a. S. 240.
- Tol' 1939** – Tol' K. F. Opianie bitvy pri sele Borodine, 24-go i 26-go avgusta 1812 g. SPb.: A. Plyushar, 1839.
- Ul'yanova 2013** – Ul'yanova G. N. Yubilei Borodinskoy bitvy i problema transformatsii istoricheskoy pamyati: istoriografiya i periodizatsiya // Epokha 1812 goda v sud'bakh Rossii i Evropy. M., 2013. S. 498-509.
- Shein 2013** – Shein I. A. Voyna 1812 goda v otechestvennoy istoriografii. M.: ROSSPEN, 2013.
- Bourseul 1874** – Bourseul E. Ch. Biographie du colonel Langlois. P., 1874.
- Chambray 1823** – Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1823. T. 1-2.

- Jean-Charles Langlois 2005** – Jean-Charles Langlois 1789-1870. Le spectacle de l'histoire. Musée des Beaux-Arts, Caen. Exhibition catalogue / F. Robichon. Paris; Caen, 2005.
- Kern 2014** – Kern E. Les commémorations de la réconciliation entre la France et la Russie (1812-2012). Saint-Denis: Edilivre, 2014.
- Le Constitutionnel 1837** – Le Constitutionnel. 1837. 22 Novembre. № 326.
- Pinet 1910** – Pinet G. Le colonel Langlois, peintre de panoramas militaires // Carnet de la sabretache. 1910. P. 609-626.
- Robichon 1983** – Robichon F. Langlois, soldat, peintre et panoramiste // Uniformes. 1983. № 71.
- Robichon 2000** – Robichon F. Le colonel Langlois 1789-1870: un peintre de l'épopée napoléonienne: collections de Musée Langlois. Caen; Paris, 2000.

УДК 94(460).06:821.111-94
DOI 10.26170/vvi19-01-04
Код ВАК 07.00.03

T.A. Kosykh

**ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В КРАСНЫХ МУНДИРАХ:
БРИТАНСКИЕ СОЛДАТЫ В МАДРИДЕ
(АВГУСТ–ОКТЯБРЬ 1812 Г.)^{*}**

Статья посвящена восприятию Мадрида в дневниках, мемуарах и письмах британских солдат и офицеров в период пребывания подразделений армии Веллингтона в испанской столице. Рассматриваются проблемы взаимоотношений британцев и местных жителей, отдельные аспекты повседневной жизни британских солдат в Мадриде 1812 г.

Ключевые слова: наполеоновские войны, британская армия, пиренейские войны, военная история, диалог культур, взаимодействие культур, британские солдаты, дневники, мемуары, письма.

Tatiana A. Kosykh

**TRAVELLERS IN REDCOATS: BRITISH SOLDIERS IN MADRID
(AUGUST-OCTOBER 1812)**

The article is devoted to the perception of Madrid in diaries, memoirs and letters of British soldiers and officers in the period letters of British soldiers and officers during the stay of Wellington's Army in the Spanish capital. Deals with

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00226 «Распространение либеральных ценностей в регионах традиционной культуры периода Французской революции и Наполеоновских войн: методы и результаты»).

problems of relations between the British and local residents, aspects of the daily life of British soldiers in Madrid in 1812.

Keywords: Napoleonic Wars, British Army, Pyrenean Wars, military history, dialogue of cultures, interaction of cultures, British soldiers, diaries, memoirs, letters.

12 августа 1812 г. на улицах Мадрида царила праздничная атмосфера: жители города с воодушевлением встречали 36-тысячную армию герцога Веллингтона. «Они называли нас избавителями и спасителями», – сообщал в письме от 18 августа рядовой 51-го полка легкой пехоты Уильям Уилер, – «повсюду слышались крики “Да здравствует Веллингтон!”, “Да здравствуют англичане!”, “Да здравствует Испания!”» [Wheeler 1951: 91] и, казалось, люди обезумели от радости. Такое изъяснение благодарности испанцев за освобождение столицы от французской оккупации для британцев было долгожданным. С момента вступления британской армии в войну на Пиренейском полуострове прошло четыре года, однако подобные энтузиазм и радушие испанцев казались британцам большой редкостью. Среди солдат, прибывших с берегов туманного Альбиона, преобладали представления о холодности и надменности испанцев, их нежелании признать подвиг каждого британского солдата, сражающегося и умирающего во имя свободной Испании.

Образ Испании и ее жителей, отраженный в письмах, дневниках и мемуарах британских солдат и офицеров, а также вопросы межкультурной коммуникации британской армии и местного населения, стали предметом исторических изысканий сравнительно недавно. К числу подобных работ, выполненных в русле «антропологического поворота» в военной истории, стоит относить труды Чарльза Исдейла, Гэвина Дейли и других [Daly 2013; Esdaile 2008; Gies 2014; Kennedy 2013]. Среди исследований, посвященных образу Мадрида в восприятии британских солдат в годы Пиренейской войны, можно выделить работу Г. Дэйли [Daly 2013 II: 117-135]. В рамках данной статьи мы обратимся непосредственно к сюжету вступления армии под предводительством Веллингтона в Мадрид и пребывания британских солдат в испанской столице в августе-октябре 1812 г.

В качестве источников были использованы мемуары и письма восьми британцев – двух солдат [Donaldson 1845; Wheeler 1951] и шести офицеров [Aitchison 1981; Bragge 1963; Simmons 1899; Warre 1909;

Косых Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук, ассистент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

Kosykh Tatiana Anatolyevna, Candidate of History, Research Fellow of the State Academic University for the Humanities, assistant of the Chair of General History of the Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Email: kskhtt@gmail.com.

© Косых Т. А., 2019

Webber 1991; Wood 1825] армии Веллингтона. Стоит отметить, что ценность данных нарративов состоит не только в подробном описании военных действий и пережитом опыте каждого из авторов, но и, что особенно важно, в специфике их произведений, напоминающих по структуре травелоги. Солдаты, как отмечает английская исследовательница К. Кеннеди, были подобны «туристам в униформе», жаждущим «странствий и знакомств с незнакомыми культурами» [Kennedy 2013: 92]. Пожалуй, самым ярким примером того, когда британские солдаты и офицеры превратились в путешественников в красных мундирах, стало вступление армии Веллингтона в Мадрид.

В ходе военных действий на Пиренейском полуострове британские солдаты столкнулись с чуждым и экзотическим окружающим ландшафтом, непривычными погодными условиями и сопутствующими военным действиям болезням и невзгодам. Все это, разумеется, наложило отпечаток на восприятие ими испанцев. Общее настроение британцев отражено в письме Уильяма Уорра, адъютанта генерал-майора Фергюсона, своей матери: «Они хотят, чтобы мы сражались за них, но не соизволили вежливо обращаться с нами. Они скрывают провизию, отгоняют скот и, когда могут, убегают и сами» [Warre 1909: 46]. По сути, в сознании британских солдат сформировалось представление о «неблагодарной Испании» [Daly 2013: 104] и ее жителей, не понимающих всего героизма британцев.

Все изменилось после череды победоносных сражений британской армии под предводительством Веллингтона в 1812 г. Летом этого года Уильям Уорр, пораженный обращением испанцев, писал отцу из Саламанки: «Испанцы повсюду принимали нас с величайшей сердечностью и радостью как избавителей от французской тирании. Многие проливали слезы от счастья, обнимали нас и каждый стремился пожать руку» [Warre 1909: 168]. Однако ни одно празднование победы британцев не сравнилось с тем, что войско ожидало в Мадриде.

Жители столицы встретили армию Веллингтона с восторгом, и торжества по случаю освобождения города от сбежавшего в Валенсию Жозефа Бонапарта, правившего в Испании под именем Хосе I, продлились три дня [Oman 1914: 514-517]. Лейтенант 3-го личного Его Величества Короля драгунского полка Уильям Брагге в письме от 18 августа сообщал, что праздничность городу придавало ночное освещение «огромными восковыми свечами» [Bragge 1963: 69]. Очевидное расположение жителей столицы к британцам и Веллингтону выразилось также в том, что главнокомандующего почти сразу после вступления в город с эскортом сопроводили в Королевский дворец, который совсем недавно занимал Хосе I [Daly 2013 II: 122]. В честь армии освободителей были даны балы.

Большая часть армии Веллингтона, состоявшей не только из британцев, но и португальцев, находилась в Мадриде две недели, по-

сле чего вместе с главнокомандующим отправилась на север в Бургос. Оставшиеся солдаты пребывали в Мадриде и его окрестностях почти три месяца – до конца октября [Ibid.: 117]. Каждый из таких английских путешественников в красных мундирах стремился составить собственное впечатление о городе. В течение тех дней или месяцев, проведенных в столице, они зачастую «носили» несколько «шляп»: являясь солдатами в один день и туристами с карандашом и журналом в руках в другой [Ibid.: 118].

Оказавшись в Мадриде, британцы были счастливы возможности «отдохнуть и осмотреть достопримечательности» [Esdaille 2008: 228]. Без сомнения, город их очаровал. Лейтенант 3-ей гвардейской пехотной дивизии Джон Эйчисон в письме от 22 августа сообщал своим братьям: «город столь красив, достопримечательности настолько многочисленны и превосходны, [...] а женщины так привлекательны и приветливы, что я чувствую себя абсолютно неспособным судить обо всем беспристрастно» [Aitchison 1981: 189-190]. Восторженность в описании города свойственна и капитану Королевской артиллерии Уильяму Уэбберу. В дневнике он сетовал, постоянно повторяя такие эпитеты при характеристике Мадрида как «красивый», «великолепный», «превосходный», что в данном случае всех известных ему слов похвалы оказывается недостаточно [Webber 1991: 82].

Восхищение британских солдат и офицеров Мадридом усиливалось, когда они сравнивали столицу Испании с Лиссабоном. «Нет отвратительной грязи и выбросов повсюду, – отмечал в мемуарах майор стрелковой бригады Джордж Симмонс, – что весьма приятно» [Simmons 1899: 248]. В то же время, как полагал Уильям Брагге, Мадрид определенно может считаться «лучшим в мире городом для проживания джентльмена» [Bragge 1963: 69]. Более того, капитан Брагге сообщал, что единственный в Мадриде Королевский дворец «превосходит любой, что имеется в Англии» [Ibidem]. В итоге капитан написал отцу: «как ты можешь заметить, мы сожалеем, что город придется оставить», поскольку «улицы, дома, фонтаны и места для прогулок столь хороши, что, если что-то когда-нибудь в будущем и заставит меня покинуть Англию, так это соблазн провести зиму в Мадриде» [Ibidem]. Разумеется, ничего подобного англичане не писали о Лиссабоне.

Однако полное противопоставление Мадрида и Лиссабона не совсем точно, учитывая голод, который пережила столица Испании в 1811 – начале 1812 гг. [Fraser 2008: 432]. К моменту прибытия британской армии в Мадрид снабжение было восстановлено, но последствия так называемой «великой катастрофы» 1808–1814 гг. еще долго определяли жизненный уклад города. Так, капитан 82-го полка Джордж Вуд вспоминал: «я никогда не был свидетелем большего числа сцен людских страданий» [Wood 1825: 137]. Тем не менее, в текстах офицерах почти не упоминаются бедняки и обездоленные. Большинство

британских солдат и офицеров в своих сочинениях и письмах скорее обращало внимание на достопримечательности Мадрида.

Действительно, словно позабыв о войне, британские офицеры увлеченно посещали достопримечательности столицы: Королевский дворец, дворец Прадо, парки и музеи. Военный журнал У. Уэббера позволяет нам воссоздать времяпрепровождения офицеров в Мадриде. Капитан не был расквартирован в столице и проживал в Аранхуэсе, однако ему удалось дважды посетить город. Его первый визит состоялся в начале октября, когда он посетил Королевский дворец. В ходе второй недельной поездки в Мадрид, он успел отужинать с офицерами и побывать дважды на балу, прогуляться по Каса-де-Кампо, заглянуть в театр, посмотреть на танцоров болеро и посетить музеи [Webber 1991: 70-82, 88-92].

Британцев одолевало любопытство и страх не успеть осмотреть все. Недаром лейтенант Эйчисон писал в письме домой о том, что достопримечательностей настолько много, что «их осмотр займет несколько дней» [Aitchison 1981: 189]. Самым популярным местом был Королевский дворец, недавняя резиденция Жозефа Бонапарта. Даже несмотря на усилия французов вывезти все предметы роскоши, солдаты и офицеры пришли в восхищение от сооружения. Тот же Эйчисон писал, что визит во дворец превзошел все его ожидания [Ibid.: 187]. Следующим пунктом «программы» была Королевская академия изящных искусств, основанная в 1752 г., где находились полотна Рубенса, Рафаэля и других. Мемуары свидетельствуют, что интерес к музею был не только у офицерского состава армии. К примеру, сержант 94-го пехотного полка Джозеф Дональдсон с интересом просмотрел естественнонаучную коллекцию академии. Согласно воспоминаниям сержанта, его особенно впечатлили скелет мамонта и чучело боа-констриктора [Donaldson 1845: 172].

После дня, проведенного в музеях или королевской резиденции, британские солдаты и офицеры могли насладиться вечерним променадом вдоль дворца Прадо по парку Каса-де-Кампо. Один из участников такой прогулки, капитан Уильям Уэббер, отмечал необычайное сходство места с Сент-Джеймским парком [Webber 1991: 91]. Для британских солдат подобное завершение дня напоминало мирную жизнь в Англии, которой им так не хватало в разгар военных действий.

Однако война давала о себе знать. В конце октября армия Веллингтона оставляет Мадрид и возвращается в Португалию, следуя по менее примечательной для британцев сельской местности. Основываясь на имеющемся материале писем, дневников и мемуаров британских солдат и офицеров, можно сделать вывод о том, что во всей мозаике британских образов отдельных городов и территорий Пиренейского полуострова Мадрид занимает особое место. Вступление британской армии в столицу было долгожданным событием для многих из

британцев, жаждущих посетить цивилизованный город, а не отдаленные окраины Испании. Именно жители Мадрида воспринимались британцами положительно, поскольку они проявили радушие и искреннюю благодарность за избавление от гнета французской оккупации. В то же время, оказавшись в столице Испании, получив признание собственного героизма, британские солдаты мгновенно превратились в путешественников в красных мундирах, желавших забыть о кровопролитиях и бедствиях, что приносит война, и оказаться на месте юных английских джентльменов, отправлявшихся в «гран-туры» по континентальной Европе десятилетиями ранее.

Список источников и литературы

- Aitchison 1981** – Aitchison J. *An Ensign in the Peninsular War. The Letters of John Aitchison* / ed. by W. F. K. Thompson. L.: M. Joseph, 1981.
- Bragge 1963** – Bragge W. *Peninsular Portrait 1811–1814: The Letters of Captain William Bragge* / ed. by S. A. C. Cassels. Oxford: Oxford University Press, 1963.
- Daly 2013** – Daly G. *The British Soldier in the Peninsular War: Encounters with Spain and Portugal, 1808–1814*. NY: Palgrave Macmillan, 2013.
- Daly 2013 II** – Daly G. *Liberators and Tourists: British Soldiers in Madrid During the Peninsular War // Soldiering in Britain and Ireland, 1750–1850: Men of Arms* / Ed. by Kennedy and M. McCormack. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. P. 117–135.
- Donaldson 1845** – Donaldson J. *Recollections of the Eventful Life of a Soldier*. Philadelphia: G.B. Zieber and Co, 1845.
- Esdaile 2008** – Esdaile Ch. *Peninsular Eyewitnesses: The Experience of War in Spain and Portugal 1808-1813*. L.: Pen and Sword, 2008.
- Fraser 2008** – Fraser R. *Napoleon's Cursed War: Popular Resistance in the Spanish Peninsular War*. L.: Verso, 2008.
- Gies 2014** – Gies D.T. «Such is Glorious War»: British Reflections on the Peninsular War in Spain // *Bulletin of Spanish Studies*. 2014. Vol. XCI. № 9-10. P. 261–272.
- Kennedy 2013** – Kennedy C. *Narratives of the Revolutionary and Napoleonic Wars: Military and Civilian Experience in Britain and Ireland*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
- Oman 1914** – Oman Ch. *A History of the Peninsular War*. Vol. 5. Oxford: Clarendon Press, 1914. P. 514–517.
- Simmons 1899** – Simmons G. *A British Rifle Man: the Journals and Correspondence of Major G. Simmons, Rifle Brigade, during the Peninsular War and the Campaign of Waterloo* / ed. by W. Verner. L.: A. and C. Black, 1899.
- Warre 1909** – Warre W. *Letters from the Peninsula, 1808–1812* / ed. by E. Warre. L.: J. Murray, 1909.

- Webber 1991** – Webber W. *With the Guns in the Peninsula: The Peninsular War Journal of 2nd Captain William Webber* / ed. by R. H. Wollocombe. L.: Greenhill Books, 1991.
- Wheeler 1951** – Wheeler W. *The Letters of Private Wheeler, 1809-1828* / ed. by L. Hart. L.: Windrush Press, 1951.
- Wood 1825** – Wood G. *The Subaltern Officer. A Narrative*. L.: Septimus Prowett, 1825.

References

- Aitchison 1981** – Aitchison J. *An Ensign in the Peninsular War. The Letters of John Aitchison* / ed. by W. F. K. Thompson. L.: M. Joseph, 1981.
- Bragge 1963** – Bragge W. *Peninsular Portrait 1811–1814: The Letters of Captain William Bragge* / ed. by S. A. C. Cassels. Oxford: Oxford University Press, 1963.
- Daly 2013** – Daly G. *The British Soldier in the Peninsular War: Encounters with Spain and Portugal, 1808–1814*. NY: Palgrave Macmillan, 2013.
- Daly 2013 II** – Daly G. *Liberators and Tourists: British Soldiers in Madrid During the Peninsular War // Soldiering in Britain and Ireland, 1750–1850: Men of Arms* / Ed. by Kennedy and M. McCormack. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. P. 117–135.
- Donaldson 1845** – Donaldson J. *Recollections of the Eventful Life of a Soldier*. Philadelphia: G.B. Zieber and Co, 1845.
- Esdale 2008** – Esdale Ch. *Peninsular Eyewitnesses: The Experience of War in Spain and Portugal 1808-1813*. L.: Pen and Sword, 2008.
- Fraser 2008** – Fraser R. *Napoleon's Cursed War: Popular Resistance in the Spanish Peninsular War*. L.: Verso, 2008.
- Gies 2014** – Gies D.T. «Such is Glorious War»: British Reflections on the Peninsular War in Spain // *Bulletin of Spanish Studies*. 2014. Vol. XCI. № 9-10. P. 261–272.
- Kennedy 2013** – Kennedy C. *Narratives of the Revolutionary and Napoleonic Wars: Military and Civilian Experience in Britain and Ireland*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
- Oman 1914** – Oman Ch. *A History of the Peninsular War*. Vol. 5. Oxford: Clarendon Press, 1914. P. 514–517.
- Simmons 1899** – Simmons G. *A British Rifle Man: the Journals and Correspondence of Major G. Simmons, Rifle Brigade, during the Peninsular War and the Campaign of Waterloo* / ed. by W. Verner. L.: A. and C. Black, 1899.
- Warre 1909** – Warre W. *Letters from the Peninsula, 1808–1812* / ed. by E. Warre. L.: J. Murray, 1909.
- Webber 1991** – Webber W. *With the Guns in the Peninsula: The Peninsular War Journal of 2nd Captain William Webber* / ed. by R. H. Wollocombe. L.: Greenhill Books, 1991.

Wheeler 1951 – Wheeler W. The Letters of Private Wheeler, 1809-1828 / ed. by L. Hart. L.: Windrush Press, 1951.

Wood 1825 – Wood G. The Subaltern Officer. A Narrative. L.: Septimus Prowett, 1825.

УДК 94(47).072.5:94(420).07

DOI 10.26170/vvi19-01-05

Код ВАК 07.00.03

*А.А. Постникова**

РУССКАЯ КАМПАНИЯ 1812 Г. И БРИТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: «РОЖДЕНИЕ» ПАМЯТИ О ВОЙНЕ *

Автор на основе документов Национального архива Великобритании и периодической печати проанализировала истоки образа русской кампании 1812 г. в представлении британцев. В начале войны английское правительство и политическая оппозиция проявляла недоверие к Александру I, будучи не уверенным в серьезных намерениях России довести войну с Францией до победного конца. После того как победа России все же состоялась, британское правительство, стремясь сохранить и упрочить русско-английский союз, изменило свое отношение. Однако значительная часть политических кругов Лондона в лице парламентариев продолжала сохранять скептицизм по отношению к России, не соглашаясь на предоставление ей какой бы то ни было помощи со стороны Британии. Депутаты упорно объясняли победу России результатом проявления «инстинктивного патриотизма» и варварства. Тем самым под влиянием политической оппозиции образ русской кампании в представлении британцев стал в большей степени «профранцузским».

Ключевые слова: историческая память, имагология, наполеоновские войны, Отечественная война, русско-английские отношения, международные отношения, политическая оппозиция, политические деятели.

Алена Александровна Постникова, старший научный сотрудник Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26.

Alena A. Postnikova, senior research associate of the Ural Federal University, associate professor of general history of the Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

© Постникова А. А., 2019

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

**RUSSIAN CAMPAIGN OF 1812 AND THE BRITISH SOCIETY:
“BIRTH” IN MEMORY OF WAR**

The author analyzed the role of the Britain in the Russian campaign of 1812 and the origins of the formation of British memory of this war on the basis of documents from the National Archives of Great Britain. The author tries to find the answers to the following questions. How was the British public opinion of Russian campaign of 1812 formed? What role did the state policy of the British ruling circles play in this? At the beginning of the war, the British government showed no confidence in Alexander I, being not sure of Russia's serious intentions to bring the war with France to a victorious end. After the Russian victory the British government, changed its attitude in an effort to preserve and strengthen the Russian-British alliance. However, a significant part of London's political circles continued to remain skeptical of Russia, not agreeing to the provision of any kind of assistance from Britain. Deputies persistently explained the victory of Russia as the result of the manifestation of “instinctive patriotism” and barbarism.

Keywords: Russian campaign, intercultural interaction, historical memory, imagology, Great Britain.

В январе 2015 года в Британском музее была открыта интереснейшая выставка «Бонапарт и Британия: пропаганда Наполеоновской эпохи», на которой можно было увидеть подлинные карикатуры тех далеких времен. Как, вероятно, и следовало ожидать, экспонаты убеждали посетителей в том, что именно Великобритания, и ни какая другая страна, сыграла главную роль в разгроме наполеоновской Франции. Несколько карикатур оказались посвященными русской кампании 1812 г. Наиболее примечательными из них были две. На одной из них (автор Уильям Элмс) Генерал Мороз на фоне горящей Москвы брил маленького Бони, а на другой (автор Джордж Круикшанк) суровый русский мужик учил Наполеона танцам. Подобные изображения, как полагаем, хорошо отразили стереотипы британцев в отношении войны 1812 г., когда победителями Наполеона оказывались зима и суровый народ, сам являвшийся воплощением природной стихии, но отнюдь не русская армия.

Каким образом шло формирование подобных стереотипов применительно к русской кампании 1812 г. у британцев? Какую роль в этом сыграла государственная политика британских правящих кругов? Автор статьи пытается найти ответы на эти вопросы.

Британское правительство и общественные круги, как политические, так и деловые, начиная с 1807 г. внимательно наблюдали за развитием российско-французских отношений, с нетерпением ожидая разрыва Тильзитского договора. С начала 1811 г. британский кабинет уже с нетерпением ждал момента, когда Россия начнет военные действия против Франции. В этот период британским агентом в Санкт-Петербурге был некто португальский капитан Гуердес (Guerdes), кото-

рый с весны 1811 г. отправлял в Лондон сообщения о развитии российско-французских отношений [The National Archives: FO 65/77]. В своих секретных посланиях он неоднократно отмечал нерешительность русского императора по отношению к вопросу о войне с Францией. Так, в мае 1811 г. Гуердес, пристально наблюдая за реакцией российского правительства на агрессивные действия Наполеона, написал в Лондон несколько писем. В письме от 8 мая он отмечал, что «Россия не хочет войны и будет воевать лишь тогда, когда встанет вопрос о ее существовании. Император Александр делает все возможное для сохранения союза (русско-французского – А.П.)» [Ibid.: 8 мая 1811 г.]. Через два дня, размышляя о позиции Франции, он сообщил, что Бонапарт не намерен развязывать войну с Россией. По мнению Гуердеса, нерешительность русской стороны значительно «способствует усилению Франции и приводит к увеличению ее войск на границе с Россией. И это при том что российское правительство воспринимает войну как неизбежность и осуществляет всю необходимую подготовку к обороне, но не к наступлению» [Ibid.: 10 мая 1811 г.]. По мысли португальского капитана, подобная нерешительная позиция характерна только для российского императора, в то время как двор настроен более решительно и в особенности возмущен оккупацией Ольденбурга Францией [Ibid.: 13 мая 1811 г.].

В последующих письмах в Лондон Гуердес высказал предположение о том, что, возможно, позиция Александра I изменится после подписания мира с Турцией [Ibid.: 18 декабря 1811 г.]. Однако в мае 1812 г., когда согласие с Турцией было достигнуто, Гуердес вновь выразил возмущение нерешительностью русских в ситуации, когда «со стороны Франции война уже очевидна» [Ibid.: 13 мая 1811 г.].

С началом войны между Россией и Францией в английской периодической печати стали активно публиковаться как русские, так и французские сообщения о ходе действий, создавая видимость того, что Великобритания является только сторонним наблюдателем и никакой роли в событиях в далекой России не играет. Однако в действительности Лондон все же с нетерпением ожидал первых результатов боевых столкновений. 7 июля Гуердес сообщил из Санкт-Петербурга, что, согласно «рапортам, которые мне были представлены, Бонапарт, к счастью, вынужден был отказаться от своих первоначальных целей молниеносного разгрома русских сил» [Ibid.: 7 июля 1812 г.].

Сомнение по поводу способности русских победить Наполеона продолжали одолевать англичан и после подписания договора в Эребро¹¹, который не обязывал Лондон проявлять активную позицию в

¹¹ Два идентичных по тексту мирных договора между Великобританией и Россией и между Великобританией и Швецией, завершившие англо-русскую и англо-шведскую войны и заключающие союзы, направленные против наполеоновской Франции. Оба договора были подписаны 6 (18) июля 1812 года в шведском городе Эребру.

ходе и по отношению к войне, идущей в России. Английское правительство только заявило, что поможет России поставками оружия и отправит в Санкт-Петербург в качестве чрезвычайного и полномочного посла лорда Дж. Каткарта¹².

Пассивная позиция Лондона по отношению к русско-французской войне во многом была предопределена не мнением принца-регента Георга и министров, но позицией политических кругов Великобритании. 21 июля, после подписания русско-английского договора, депутаты парламента обсуждали вопрос о войне между Россией и Францией. Дебаты открыл министр иностранных дел Р.Б. Каслри. Он акцентировал внимание на том, что Великобритания в данной ситуации выступает мировым арбитром и стремится к достижению мира в Европе [The Parliamentary Debates 1812: 1139]. В соответствии с этой позицией Каслри попытался убедить депутатов в том, что основная причина войны – это агрессивные действия Франции.

После выступления Каслри начались «жаркие» дебаты по поводу причин войны. Большинство депутатов выразило сомнение в том, что Англия действительно владеет всей необходимой информацией о начале войны. Поэтому депутаты выразили желание, чтобы Великобритания не спешила с оказанием помощи России и тем более не принимала участия в военных действиях. Так, член палаты общин А. Хатчинсон после заявил, что отправка британских войск в Россию «ухудшило бы наше положение» [Ibid.: 1141]. Он высказал мысль, что «Россия вообще не имела права требовать от Франции освобождения каких-либо территорий» [Ibid.: 1142]¹³, представив тем самым императора Александра I в качестве агрессора. Часть депутатов поддержала эту мысль, выразив сомнения по поводу искренности русского императора в отношении Великобритании и отметила, что Россия уже однажды предала интересы англичан, подписав Тильзитский мир.

Каслри был вынужден выразить солидарность с депутатами, заявив, что правительство Великобритании всегда осторожно относилось к России. Он сообщил, что британский кабинет дал знать России о невозможности оказать ей помощь, так как она сама решила на войну [Ibid.: 1147]. Дж. Каннинг, ранее занимавший пост министра иностранных дел, подводя итоги данного обсуждения, высказал желание, чтобы правительство не отходило от принципов британской внешней политики и служило европейским интересам, а не желаниям отдельной страны.

¹² Дж. Каткарт привез с собой в Россию 500 тыс. ф.ст. Однако российское правительство так и не запросило этой суммы в течение 1812 г. Как отмечает российский историк А.А. Орлов, «равнодушие Александра к британским деньгам поразило Каткарта...» [Орлов 2005: 216].

¹³ Речь шла о требовании России вывести наполеоновские войска с территории Пруссии и эвакуировать ряд крепостей.

В результате дебатов, прошедших в парламенте 24 июля 1812 г., Каслри пишет Каткарту письмо, в котором старается убедить его в необходимости дать понять русскому двору, что Великобритания не может оказать существенную помощь России в этой войне. Обратившись к проблеме «голландского долга» России, Каслри написал, что Великобритания сможет в ближайшей перспективе частично этот долг покрыть, выплатив 4,5 млн ф. ст. Однако в ближайшее время, по словам министра, английский парламент не одобрит эти выплаты: «Вы должны показать российскому двору, что английское правительство совершенно не имеет возможности обратиться к парламенту с просьбой оказания денежной помощи (России – А.П.), так как война (России – А.П.) с Францией только началась, и Британии, возможно, еще придется понести расходы» [The National Archives. FO 95/ 229: 24 июля 1812 г.]. В сущности, Каслри попытался донести до Петербурга мысль о том, что вопрос о денежных выплатах британский кабинет поставит перед парламентом только после завершения кампании победой русской армии.

В том же письме Каслри выразил сомнения в решимости России вести войну с Францией до победного конца: «Если граф Румянцев обратит внимание на задержку, которая имела место в отношении отправки Вашей Светлости в Санкт-Петербург, Вы напомним ему, что Россия согласилась подписать договор с Великобританией только в ситуации войны с Францией. В связи с этим у английского правительства есть все основания на данном этапе не доверять России» [Ibidem]. Это послание было получено Каткартом 5 августа 1812 г. В тот же день британский посол подтвердил в письме Каслри, что будет следовать обозначенным инструкциям [Ibid.: 5 августа 1812 г.]. Таким образом, факт того, что Россия решила на сближение с Великобританией только под угрозой и в состоянии войны с Францией стал главным аргументом английского правительства, оправдывающим его пассивную позицию.

Вместе с тем Лондон не мог не осознавать, что для координации совместных действий против французов неразумно было бы полностью отказаться от предоставления какой-либо союзнической помощи. 30 августа Каслри написал Каткарту, что британское правительство решило оказать помощь России, отправив ей оружие: «Милорд, Ваша Светлость обозначили необходимость оказания экстренной помощи российскому правительству в деле снабжения армии. Я распорядился об отправке в Россию 50 тыс. ружей» [Ibid.: 30 августа 1812 г.]. Помимо этого, Каслри начал дипломатическую переписку с австрийским правительством, чтобы выяснить его настроения по поводу войны с Россией. 4 сентября Каслри сообщил Каткарту о первых итогах переговоров с министром иностранных дел Австрии К. Меттернихом, отметив, что австрийский двор поддерживает англичан в их стремлении восстановить независимость европейских государств. Однако, по словам Каслри, Австрия не намерена на данном этапе осложнять отноше-

ния с Парижем из-за возникших между Францией и Россией серьезных противоречий: «Я полагаю, что граф Меттерних в большей степени недоволен поведением России (чем действиями Франции – А.П.) и ее вмешательством в дела Австрии и Пруссии» [Ibid.: 4 сентября 1812 г.].

Таким образом, британское правительство к началу сентября, находясь в «ловушке» обстоятельств, было вынуждено вести себя по отношению к России очень осторожно. Это было predetermined, с одной стороны, сомнениями парламента по поводу прочности русско-английского союза, а, с другой стороны, профранцузской, в целом, позицией Австрии в отношении России.

Учитывая данное обстоятельство, Лондон не стремился к тому, чтобы афишировать свою поддержку России. Так, британский дипломат Э. Тортон в письме от 4 сентября 1812 г. убеждал Каткарта в том, что английское общество не должно знать о действиях британского правительства в отношении России: «...общественное мнение не должно считать, что принц-регент ввязался в войну на континенте против французской армии. Россия, возможно, тоже не планирует жертвовать своими силами... Хотя у нашего двора и есть надежда, что русские силы окажутся пригодными для ведения войны» [Ibid. FO 65/78: 4 сентября 1812 г.].

Несмотря на сомнения в способностях русской армии успешно вести военные действия, ключевые британские политики пытались преодолеть стереотипные представления, господствовавшие тогда в Лондоне.

Так, 9 сентября Каткарт на основе сообщения генерала Р.Т. Вильсона написал в Лондон о сражении в Смоленске. Он, стремясь убедить английских министров в способности России победить Наполеона, обратил внимание на то, что, несмотря на отступление русской армии, солдаты императора Александра проявляют редкую храбрость. Каткарт, ссылаясь в своем письме на мнение Вильсона, главным виновником в тактике отступления назвал главнокомандующего 1-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли и выразил надежду, что назначение главнокомандующим объединенными армиями М.И. Кутузова приведет к изменению в действиях русских войск.

В следующем письме от 13 сентября в Лондон Каткарт с радостью сообщил о победе русских при Бородине: «Его Императорское Величество победил в самом масштабном действе этой кампании» [Ibid. FO 95/228: 13 сентября 1812 г.]. Получив это сообщение 7 октября одновременно с бюллетенями Великой армии, где говорилось о победе Наполеона в этом сражении и его вхождении в Москву, Каслри был в недоумении. Поэтому в письме Каткарту от 10 октября он потребовал разъяснить это противоречие: «Милорд, я получил ваши письма от 12 и 18 сентября о сражении на Бородино, которое, по Вашим словам, завершилось великой победой русской армии. В то же

время выясняется, что Бонапарт смог войти в Москву. Невозможно соединить два этих факта. Я не сомневаюсь относительно Вашей преданности и думаю, что Ваша Светлость разъяснит подобное противоречие. На данный момент меня тревожат сомнения по поводу устойчивости нашего положения. В соответствии с 19-м бюллетенем французской армии мы остаемся в тяжелой ситуации, так как русская армия продолжает отступление» [Ibid. FO 95/229: 10 октября 1812 г.].

Оккупация Наполеоном Москвы вызвала еще большее недоверие к русскому императору со стороны английских правящих кругов. Каслри сообщил Каткарту, что принц-регент, узнав о вхождении Великой армии в Москву,отреагировал довольно агрессивно по отношению к России, заявив, что после подобного события «ресурсы Великобритании не могут быть использованы в целях оказания помощи армии Его Императорского Величества. Россия должна обходиться исключительно силами своей армии» [Ibid.: 17 октября 1812 г.].

Каткарт в последующих письмах попытался реабилитировать авторитет императора Александра I в глазах британского кабинета. 22 сентября он объяснил Каслри, что оставление Москвы в данных обстоятельствах является разумным стратегическим маневром русской армии. Каткарт пояснил, что поджег город сам народ, благодаря чему армия Наполеона в Москве претерпевает серьезные трудности. Получив это письмо, Каслри ответил на него 20 октября, настаивая на том, что принц-регент под влиянием подобного объяснения не изменит своей позиции [Ibid.: 22 сентября 1812 г.]. Министр отметил, что факт сожжения Москвы не может рассматриваться как пример военных успехов России: «Когда национальное бедствие настолько масштабно, как оккупация врагом древней столицы в сердце Империи, правительству остается уповать только на мужество и героизм своего народа» [Ibidem].

Оккупация Наполеоном Москвы возмутила не только британское правительство, но и английскую общественность. Несмотря на то, что официальные круги не давали повода для заявлений о совместных действиях Великобритании и России против Франции, все же оппозиционные политические круги воспользовались фактом неудач русской армии для критики правительства. В частности, публицист и историк У. Коббет в своем журнале «Политикал Регистер» на основе анализа бюллетеней Великой армии подверг сомнению ту информацию, которую представляли официальные газеты в отношении хода русской кампании: «Наполеон уже в Москве, и все же нам постоянно напоминают о храбрости и патриотизме русских. Разве они оставили неприятелю древнюю столицу из чувства патриотизма?» [Political Register 1812].

Коббет обратился к отзывам на известия о Бородинском сражении, обратив внимание на некое противоречие между опубликованным в газетах донесением Каткарта, сообщавшем в победе русских, и бюллетенем Великой армии, в котором говорилось о победе французов. Пуб-

ликации, подобные тем, которые делал Коббет, конечно же ослабляли веру английского общественного мнения в успех русского оружия.

Между тем, Каткарт ненавязчиво продолжал пытаться убеждать в своих письмах английское правительство в том, что русский император уверен в благоприятном для русских исходе войны, и что он заинтересован в сотрудничестве с Лондоном. В этом ключе Каткарт и описал Каслри 30 сентября две примечательные беседы с Александром I. В ходе них русский император убеждал Каткарта в том, что потеря Москвы не является важным событием стратегического характера, так как главная задача заключается в сохранении Санкт-Петербурга, которому опасность не угрожает [The National Archives. FO 95/228: 30 сентября 1812 г.].

В целях укрепления русско-английских отношений и в плане подтверждения готовности вести войну до победного конца Александр I отправляет в Лондон в качестве посла Х.В. Ливена, дав ему следующие устные инструкции: «Эти решения остаются постоянно неизменными, и именно в то время, когда Наполеон находится в моем кабинете в Кремле, я посылаю вас в Лондон, чтобы выразить твердую уверенность, что я не заключу мира до тех пор, пока враг не будет изгнан из пределов нашей страны. ...Но я прошу у него всего лишь военное снаряжение и оружие» [Документы внешней политики России: 778]. Александр I стремился убедить Лондон в том, что Россия готова идти на решение общеевропейских проблем совместно с британцами и ждет от них помощи только в виде военного снаряжения.

В свою очередь, английское правительство, осознавая, что Александр I вынужден сейчас искать компромиссы, стремилось этим воспользоваться для решения собственных проблем. В этом плане, возможно, что постоянное напоминание о неудачах русской армии в сообщениях министерства иностранных дел Великобритании служило весомым аргументом в плане того, чтобы склонить Россию к решению вопросов экономического характера к выгоде Великобритании. Лондон, начиная с начала сентября 1812 г., неоднократно настаивал на том, чтобы восстановить торговые отношения между странами, существовавшие до 1807 г., без учета русского таможенного тарифа от 19 декабря 1810 г.

Уже после того как отгремели орудия на Бородинском поле Каткарт во время встречи с министром иностранных дел графом Н.П. Румянцевым поднял этот вопрос [The National Archives. FO 95/228: 16 сентября 1812 г.]. По словам Каткарта, Румянцева достаточно скептически отреагировал на подобное предложение и начал приводить массу аргументов, убеждая собеседника в том, что Петербург не может повлиять на стихийный характер проблем экономического характера. Получив сообщение об этой встрече, Каслри решительно заявил, что «Великобритания требует сделать все возможное, чтобы восстановить торговое законодательство в соответствии с ее интересами» [Ibid. FO 95/229: 20

октября 1812 г.]. В своих письмах Каслри неоднократно возвращался к этой проблеме. С конца ноября, когда победа России в войне была уже очевидной, он все более настойчиво начал требовать решения вопроса о восстановлении российско-британских торговых отношений. Так, 26 ноября он отправляет Каткарту следующие инструкции: «Я надеюсь, что правительство России в ближайшее время осознает целесообразность восстановления торговых отношений. Я предполагаю, что лучшее средство осуществления этой прекрасной идеи – восстановить торговый договор 1807 г.» [Ibid.: 26 ноября 1812 г.]. Тем самым, английское правительство, занимая пассивную позицию в отношении войны, которую вела Россия, вместе с тем с нетерпением ожидало от русских уступок в области экономических соглашений.

Как представляется, российское правительство не стремилось идти на безоговорочное удовлетворение требований англичан, ожидая от них более активных действий. И все же в начале октября Александр I вновь продемонстрировал пример союзнической помощи, подняв вопрос об отправке в Британию двух эскадр Балтийского флота. 3 октября Каткарт написал Каслри о том, что общался с министром военно-морского флота по поводу отправки русских кораблей в Великобританию. Каткарт с возмущением сообщил, что министр интересовался, будут ли британцы платить русским за службу. На этот вопрос он ответил, что хотя правительство России проявляет в этом вопросе заинтересованность, Великобритания не предполагала и не предполагает давать каких-либо денежных обязательств [Ibid. FO 65/80: 3 октября 1812 г.]. В этот же день Каткарт уведомил русского императора о поставках британского оружия. «Русский император выразил свою благодарность за эту важную услугу», – отметил он в письме в Лондон [Ibid. FO 95/228: 3 октября 1812 г.].

В своих посланиях, начиная с середины октября, Каткарт сообщает о множестве проблем, в которыми столкнулся Наполеона в период отступления, и убеждает Лондон в скорой победе русских [Ibid. FO 65/80: 16 по 24 октября 1812 г.]. Убедившись в положительном для России исходе войны, Каткарт и Каслри вновь предпринимают действия, дабы расстроить союзнические отношения Франции с другими государствами. 30 октября Каткарт информировал Каслри о результатах своей переписки с Пруссией: «Я представил правительству Пруссии достаточные доводы в пользу необходимости проявить независимость по отношению к Франции, руководствуясь не только общими интересами, но также и стремлением освободиться от влияния со стороны той силы, которая может стремиться к уничтожению [в Пруссии] правящей династии. Я надеюсь, что правительство Пруссии осознает этот момент» [Ibid.: 30 октября 1812 г.].

В письмах начала ноября Каткарт выражал восхищение патриотизмом русского народа, благодаря которому удалось одержать победу

над Наполеоном. В послании от 11 ноября Каткарт так описал Каслри положение, в котором оказалась Великая армия в период отступления к Смоленску: «Вся дорога покрыта обозами, лошадьми, телами солдат» [Ibid.: 11 ноября 1812 г.]. Он отметил, что Кутузов, оттеснив Наполеона при Малоярославце, смог прикрыть Калугу и заставить французов идти по разоренной дороге. В заключении Каткарт отметил: «События явили патриотизм народа Российской империи». В то же время, основываясь на сообщениях Вильсона, Каткарт неоднократно докладывал о варварском поведении французов. 25 ноября, к примеру, он сообщил о бесчинствах наполеоновских солдат в Смоленске: «Французы с обычной жестокостью и безрассудностью осквернили древний собор в Смоленске» [Ibid.: 25 ноября 1812 г.].

Каслри, получая письма, свидетельствующие о неудачах Наполеона, наконец решил выразить благодарность России через русского посла П.А. Николаи. 12 ноября он пригласил Николаи в свою личную резиденцию, «зачитав [там] последние письма милорда Каткарта, относящиеся к военным событиям и с благородной правдивостью повествующие о великом подвиге, свидетелем которого имеет счастье быть этот посол, совершенном народом в борьбе против самого жестокого врага, когда-либо осквернявшего землю» [Документы внешней политики России: 599]. Во время этой беседы Николаи поднял вопрос об оказании Англией денежной помощи России. Однако, как отметил Николаи в своем сообщении в Петербург, министр уклончиво дал понять, что по этому вопросу русскому правительству не на что надеяться [Там же].

23 ноября Каткарт сообщил в Лондон, что Наполеона в России ожидает окончательное поражение [The National Archives. FO 65/80: 23 ноября 1812 г.]. Однако 30 ноября, получив информацию о том, что французский император преодолел р. Березину, он с недоумением написал в Лондон: «Витгенштейн и Чичагов должны были незамедлительно атаковать силы Бонапарта при переправе через Березину, но адмирал не вступил в сражение» [Ibid.: 30 ноября 1812 г.]. Каткарт сообщил, что в соответствии с донесениями генерала П.Х. Витгенштейна, адмирал П.В. Чичагов стоял поблизости, но не вступил в сражение. Каткарт выразил недоумение в отношении того, что русские дали Наполеону спокойно пересечь Березину с незначительными потерями: «В настоящий момент я не имею никаких объяснений на тот счет, почему неприятелю позволили беспрепятственно расположиться на высотах Березины и перейти с незначительными трудностями на правый берег, в то время как адмирал находился между Борисовым и Минском» [Ibidem]. Только 12 декабря Каткарт смог с определенностью заявить о победе русских и разгроме армии Наполеона [Ibid. FO 65/90: 12 декабря 1812 г.]. Те же письма, в которых посол выражал сомнения в успехе русских, дойдут до Лондона только 6 декабря, когда вопрос о создании антифранцузской коалиции стоял уже на повестке дня.

Под воздействием сообщений об успехах русской армии позиция британского кабинета в отношении России кардинально изменилась. Однако многие политики все еще продолжали находиться под властью сомнений по поводу исхода русской кампании. Это явственно проявилось в ходе обсуждения «русского вопроса» в парламенте 30 ноября. Сессия парламента открылась с дискуссии в палате общин вокруг послания принца-регента, в котором Георг отметил военные успехи сил, борющихся с Наполеоном в Испании и в России. Рассуждая о причинах победы русских, он не связывал эти успехи с действиями русской армии, а лишь уклончиво сослался на слова великого полководца древности: «Александр Великий под воздействием некоторых обстоятельств охарактеризовал предков русских как грабителей и варваров, обладавших храбростью дикарей во время борьбы с теми, кто к ним вторгся» [The Parliamentary Debates: 52].

Дискуссию открыл член парламента Харт Дэвис. Он высказал слова благодарности русскому народу за его подвиги. Однако большинство членов парламента не поддержало выступающего. Основная часть депутатов была склонна объяснять успехи России исключительно «варварским» патриотизмом. От лица скептически настроенных депутатов выступил Каннинг, который произнес следующее: «...захватчик, вторгшийся в Россию, польстил этой стране, считая ее жителей цивилизованными. Как благородный адресант (принц-регент – А.П.) справедливо заметил, страна, по отношению к которой он употребил слово варварство, и которая находится в состоянии рабства, не могла вдохновиться на борьбу благородным патриотическим чувством. Это скорее пример инстинктивного патриотизма... это не война народа, это война правительства» [Ibid.: 64]. По всей видимости, в своем стремлении принизить успехи России часть членов парламента преследовала цель отказать кабинету в реализации планов помощи русским. Так, Каннинг заявил, что британское правительство должно обратиться к императору Александру со следующими словами: «Если Вы ввязались в войну с Францией, преследуя свои интересы, мы будем помогать Вам, насколько позволяют наши ресурсы; но эта помощь не будет ориентирована на реализацию целей вашей политики, так как наши основные интересы связаны с Испанией» [Ibid.: 66].

Каслри выразил согласие со словами Каннинга, заявив, что, действительно, Англия не должна оказывать помощь России в ущерб испанским делам [Ibid.: 83]. Вместе с тем он акцентировал внимание на том, что император России, будучи человеком благородным, не обращался за денежной помощью. Министр счел также необходимым возразить на заявления о варварстве русских, отметив, что только народ, обладающий «героической доблестью и благородством», мог достичь таких значимых результатов [Ibid.: 89]. Это встретило возражение со стороны депутата Витбрета, который поставил под сомнение

благородство того народа и той власти, которые оказались способны сжечь Москву, подвергнув собственных жителей великой опасности [Ibid.: 94]. Разгоревшуюся дискуссию остановил Понсонби, который заявил, что бессмысленно обсуждать проблемы варварства или цивилизованности России, и что просто нужно признать факт достойного поведения русского народа [Ibid.: 110].

Несмотря на скептическое отношение, проявившееся в британских политических кругах по отношению к военным успехам России, английская общественность встретила эти успехи в целом восторженно. Ливен писал канцлеру Н.П. Румянцеву: «22 ноября были получены письма от Каткарта. Впервые успехи союзной державы отмечались здесь столь торжественно, все население Лондона приняло эти известия с восторгом, и радостное волнение охватило представителей всех классов. Он узнал из дневных газет, что принц-регент направил послание парламенту» [Документы внешней политики России: 626]. Ни русский посол, ни Каслри не сочли нужным информировать Петербург о ходе обсуждения «русского вопроса» в парламенте, создав у российского правительства впечатление, будто весь Лондон охвачен восторгом по поводу успехов русской армии.

15 декабря Каслри направил письмо Каткарту, в котором радостно сообщал, что результаты войны имели следствием существенный дипломатический успех, так как Австрия и Пруссия изменили свою позицию в отношении Франции [The National Archives. FO 65/78: 15 декабря 1812 г.]. Министр отметил, что в своем недавнем письме граф Меттерних заявил, что «вне границ России не будет поддерживать Бонапарта». Однако Каслри выразил сомнение в том, что Австрия предъявит ультиматум Бонапарту и начнет против него военные действия: «Необходимо готовиться к значительным трудностям в том, чтобы убедить Австрию, будто свобода Германии в данный момент полностью зависит от ее решения». В качестве главной причины этих трудностей Каслри отметил серьезные противоречия, существующие между Россией и Австрией.

Учитывая факт победы русского оружия и будучи заинтересованным в продолжении Россией войны против Наполеона, британское правительство стало демонстративно проявлять солидарность с русскими. 17 декабря Каслри сообщил Каткарту, что, учитывая все обстоятельства успехов русской армии, принц-регент направил послание парламенту с просьбой одобрить оказание России денежной помощи: «Патриотические усилия, которые были проявлены жителями России, их жертвы, их страдания от варварских разрушительных действий неприятеля, вызвали у британской нации чувства сострадания» [Ibid. FO 95/229: 17 декабря 1812 г.].

В тот же день состоялось обсуждение вопроса о финансовой поддержке России в парламенте. Принц-регент направил послание

обеим палатам, в котором просил одобрить финансовую помощь России, аргументируя это тем, что народ этой страны понес значительные убытки от французской агрессии [The Parliamentary Debates: 316]. Однако, несмотря на просьбу принца-регента, общее настроение депутатов парламента было не на стороне России. Речь лорда Холланда продемонстрировала, что парламента не намерен одобрять подобные устремления кабинета. Хотя он выразил восхищение патриотизмом русского народа, однако задался вопросом: «Почему необходимо 200 тыс. фунтов отдавать России на войну, в которую она сама ввязалась, а не предоставить эти деньги Испании?» [Ibid.: 331]. Каслри, пытаясь убедить депутатов парламента, пояснил, что эта денежная помощь обеспечит участие России в дальнейшей борьбе против Наполеона [Ibid.: 332]. После его выступления несколько депутатов выразили возмущение тем, что британское правительство собирается забрать эти деньги у собственного народа [Ibid.: 334].

Британское правительство сделало все возможное, чтобы мнение парламента никоим образом не повлияло на развитие российско-английских отношений. Этим объясняется то, что из Лондона в Санкт-Петербург направлялась информация исключительно о положительных отзывах британцев по поводу победы русских в войне с Наполеоном. Так, Ливен, к примеру, в письме к Румянцеву от 15 декабря отмечал «энтузиазм, который выражает английский народ по отношению к нашему народу и нашему августейшему монарху» [Документы внешней политики России: 616]. 31 декабря в лондонской газете были опубликованы итоги русской кампании 1812 г., свидетельствующие о разгроме Наполеона. Пресса особо отмечала победу русской армии в сражении на Березине.

Таким образом, представления Лондона о русской кампании 1812 г. трансформировались под влиянием результатов военных действий. В начале войны британское правительство проявляло недоверие к Александру I, будучи не уверенным в серьезных намерениях России довести войну с Францией до победного конца. При этом британскому кабинету приходилось действовать осторожно в связи со скептическим отношением к России со стороны парламента. Все это предопределило относительно пассивную позицию Британии по отношению к тому, что происходило на российском театре военных действий. После того как победа России все же состоялась, британское правительство, стремясь сохранить и упрочить русско-английский союз, изменило свое отношение. Однако значительная часть политических кругов Лондона в лице парламентариев продолжала сохранять скептицизм по отношению к России, не соглашаясь на предоставление ей какой бы то ни было помощи со стороны Британии. Депутаты упорно объясняли победу России результатом проявления «инстинктивного патриотизма» и варварства. Именно подобные представления, но не сообщения Каткарта

и Вильсона о военных победах русской армии, стали основой для формирования «британского» образа русской кампании. Основными факторами победы России в представлении британцев стали не военные успехи, а «мороз» и «русский мужик».

Список источников и литературы

- Документы внешней политики России** – Документы внешней политики России. М., 1962. Т. 6.
- Орлов 2005** – Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. М., 2005.
- The National Archives** – The National Archives (NA). FO 65/77; 65/78; 65/80; 65/90; 95/228; 95/ 229.
- The Parliamentary Debates** – The Parliamentary Debates. L., 1812. Vol. XXIII – XXIV.
- Political Register** – Political Register. L., 1812.

References

- Dokumenty vneshnej politiki Rossii** – Dokumenty vneshnej politiki Rossii. Moskva, 1962. T. 6.
- Orlov 2005** – Orlov A. A. Soyuz Peterburga i Londona. Moskva, 2005.
- The National Archives** – The National Archives (NA). FO 65/77; 65/78; 65/80; 65/90; 95/228; 95/ 229.
- The Parliamentary Debates** – The Parliamentary Debates. London, 1812. Vol. XXIII – XXIV.
- Political Register** – Political Register. London, 1812.

УДК 97(73)"1812"

DOI 10.26170/vvi19-01-06

Код ВАК 07.00.09, 07.00.03

*В. А. Шихов**

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА 1812-1815 ГГ.

Шихов Владимир Анатольевич, аспирант института общественных наук Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; учитель истории и обществознания в МОУ Гимназия (г. Нижняя Салда).

Shikhov Vladimir Anatolievich, postgraduate student of the historical faculty of the Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia; Teacher of History and Social Science of Gimnasium, Nizhnyaya Salda, Russia.

Телефон/Phone 89193916894. E-mail: shihoff2013@yandex.ru

© Шихов В. А., 2019

Статья посвящена малоизученному аспекту американской истории – американскому общественному мнению относительно англо-американской войны 1812 – 1815 гг. Рассматриваются особенности позиций различных сегментов американского общества в зависимости от региональных или партийных критериев. Анализируется процесс перемен в общественном мнении в зависимости от хода военных действий, от эволюции взглядов самого американского общества. Делается вывод о значимости последствий войны для формирования американского менталитета и самоидентичности.

Ключевые слова: республиканская партия, федералистская партия, двухпартийная система, промышленная революция, американский менталитет, англо-американские войны, политическая история.

Vladimir A. Shikhov

THE EVOLUTION OF AMERICAN PUBLIC OPINION ON THE ANGL0-AMERICAN WAR 1812-1815 GG.

The article is devoted to the problem of American public opinion on the Anglo – American war of 1812-1815. The positions of certain parts of American society depending on regional or party criteria are considered. The author analyzes the process of changing public opinion depending on the course of hostilities, the three-stage evolution of the views of American society. The conclusion is made about the significance of the consequences of the war for the formation of the American mentality and self-identity.

Keywords: Republican party, federalist party, bipartisan system, industrial revolution, American mentality, Anglo-American wars, political history.

Англо-американская война 1812 – 1814 (1815) гг. является одним из трех, наряду с Американской революцией и Гражданской войной, краеугольных камней, которые образуют фундамент того, что можно назвать американским национальным самосознанием. В подтверждение этому можно привести два факта, свидетельствующие об отношении американского общества к событиям той войны. Во-первых, англо-американский конфликт 1812 – 1814 (1815) гг. прочно вошел в историческую память американского народа под названием Вторая война за независимость, что свидетельствует об укоренившемся в сознании американцев отношении к причинам и ходу войны. Во-вторых, согласно опросам общественного мнения сегодня, 77 % американцев уверены, что война способствовала формированию их национальной идентичности [Алентьева, Тимченко 2018: 208].

Англо-американская война 1812 – 1814 (1815) гг. привела к значительным изменениям во всех сферах жизни американского общества. Она явилась толчком для промышленного переворота на территории Соединенных Штатов в силу того, что американской экономике в условиях эмбарго потребовалось импортозамещение. Последствия войны в экономической сфере привели к появлению такого феномена

американской экономики, как транспортная революция, которая вывела Соединенные Штаты к концу века на первое место по большинству важнейших экономических показателей. Не менее грандиозные изменения война и связанные с ней последствия произвели в политической сфере. Исчезла с политической арены федералистская партия и произошло разрушение первой двухпартийной системы США. Наступившее позднее однопартийное правление республиканцев получило название «эры доброго согласия». На международной арене война позволила Соединенным Штатам показать, что они являются равноправными дипломатическими партнерами для ведущих мировых держав того времени, и это привело к выработке самостоятельного, основанного на собственных национальных интересах, внешнеполитического курса. основополагающие идеи, озвученные Дж. Адамсом и Дж. Монро в 1823 г., получили название «Доктрина Монро».

Не менее значимые изменения произошли в американском обществе после окончания войны и в культурной сфере. Именно в 20-30-е годы свершается так называемая «культурная революция». Этот переворот связан в первую очередь с именем Ральфа Уолдо Эмерсона. Его речь под названием «Американский ученый», обращенная к гарвардскому обществу «Фи-Бетта-Гамма», стала декларацией культурной независимости американцев. «Мы слишком долго прислушивались к изящным речам европейских муз... Пора Америке стать не только политической, но и культурной столицей мира» [Макинерни 2011: 242].

Грандиозные изменения, связанные с последствиями англо-американской войны 1812-1814 (1815) гг., происходят и в социальной сфере. Происходя они в двух аспектах. Во-первых, это второе Великое пробуждение – религиозный подъем, охвативший страну еще с конца XVIII в. и достигший апогея в 1820-1830-х гг. Это движение повлияло на все аспекты жизни американского общества, а многие его представители стали инициаторами ряда реформ джексоновской эпохи. Один из таких религиозно-политических деятелей, Хорейс Манн, так охарактеризовал главную идею этого движения: «Стыдитесь умереть прежде, чем одержите какую-то победу ради человечества» [Римини 2015: 156]. Во-вторых, происходят качественные изменения в американском самосознании на ментальном уровне. Без этих изменений, способствовавших самоидентификации американцев, что было бы невозможно без вспышки патриотизма и национализма, частых спутников войны, были бы немыслимы экономическая, политическая и культурная революции.

Действительно, англо-американская война 1812-1814 (1815) гг. вызвала рост патриотизма и усиление национализма. Можно привести несколько свидетельств этому. В самый тяжелый период войны, осенью 1814 года, рождается один из главных символов американского государства и американской нации – национальный гимн республики.

Френсис Скотт Ки сочинил патриотические стихи «Звездно-полосатый флаг», вдохновленный героической обороной Балтимора, которому грозила участь сожженного англичанами Вашингтона [Макинерни 2011: 158]. Через год, в сентябре 1815 года «Уикли реджистер» обращает внимание на то, что «американский народ все более и более начинает сознавать свой национальный характер». Символично, что это был первый газетный номер, набранный шрифтом американского производства [История США 1983: 286]. Современник тех событий Альберт Галлатин, бывший одно время министром финансов, писал: «Война возобновила и оживила национальные чувства и характер американцев, несколько ослабевший со времен Революции... люди поняли, что могут чувствовать и действовать как единая нация» [Алентьева, Тимченко 2018: 204]. А известный отечественный американист Н.Н. Болховитинов важнейшим итогом англо-американского противостояния прямо указывает на «консолидацию американского народа как самостоятельной нации» [Болховитинов 1980: 251].

Однако подобное патриотическое единодушие по отношению к войне, подобное сплочение всего народа в рамках самостоятельной американской нации в борьбе с общим врагом не было характерно для всего американского общества того времени не было характерно для всего периода военных действий. Американское общественное мнение менялось по ходу войны и в своих трансформациях прошло три этапа.

Первый этап связан с отношением американцев к причинам англо-американской войны 1812-1814 (1815) гг., а также к самому факту начала боевых действий. Выделяется целый комплекс причин, приведший к появлению вооруженного конфликта. Среди них так называемые «указы в совете», «канадский фактор», фактор посреднической торговли. Но главную роль сыграли экспансионистские планы американских «ястребов». В конгрессе США отдавали себе отчет в том, что независимости и территориальной целостности Соединенных Штатов ничего не угрожает. Спикер палаты представителей Г. Клей на одном из заседаний прямо заявил, что «на нашей границе нет вражеских войск, которые грозили бы нам вторжением», и приходил к выводу, что война с Англией будет завоевательной. А вашингтонская «Нэшнл интеллидженсер» отмечала, что сама идея об угрозе США со стороны Великобритании «слишком абсурдна, чтобы заслуживать даже мимолетного рассмотрения» [История США 1983: 279].

Однако население в большинстве своем не поддерживало экспансионистские планы американского правительства и крайне скептически отнеслось к началу войны. Воинственный энтузиазм, проявляемый на местах, не трансформировался в приток добровольцев в американскую армию. Начиная с января 1812 г. конгресс издавал постановления об увеличении регулярной армии в начале с 10 тыс. на 25 тыс. человек, потом на 50 тыс., а в апреле было принято решение о призыве

100 тыс. человек в милицию штатов. Но все эти решения оставались на бумаге и в реальности к началу военных действий американская армия вторжения («канадская армия») насчитывала менее 7 тыс. человек [Там же: 281]. Объявление войны разъединило американское общество в зависимости от партийной принадлежности и региональных интересов. Прослеживается четкая зависимость: Республиканская партия и ее сторонники выступали за войну, федералисты против войны. Южные и западные штаты приветствовали начало войны и агитировали за активные экспансионистские действия, штаты Новой Англии и северо-востока, в целом, выступали против развязывания англо-американского конфликта. Не касаясь глубинных причин этого размежевания, укажем только, что политический водораздел в данном случае пролегал в экономической сфере, а именно какое направление американской экономики должно было получить приоритетное значение. В подтверждение этого можно привести анализ голосования в Сенате США об одобрении резолюции об объявлении войны, проведенный сейлемской газетой «Эссек реджистер» из Массачусетса. Согласно этому анализу, за войну проголосовали все сенаторы от западных и южных штатов, а также те сенаторы от Новой Англии и среднеатлантических штатов, которые принадлежали к республиканской партии. Против войны выступили только сенаторы-федералисты от средних и северо-восточных штатов [Алентьева, Тимченко 2018: 98].

Начало военных действий не изменило в целом негативного отношения значительной части американского общества к войне. Подобное мнение укрепилось в результате неудачных действий американской армии на первом этапе войны. Война стала казаться даже не ошибкой, а катастрофой. Вторжение в Канаду по трем направлениям окончилось поражением. Генерал У. Халл 16 августа 1812 г. позорно капитулировал в Детройте, а численность армии к концу 1812 г., установленная в 58 тыс., не достигала и половины. Тем временем, Англия ввела блокаду восточного побережья от устья Миссисипи до Нью-Йорка, за исключением Новой Англии, рассчитывая на ее отделение от Соединенных Штатов.

Однако настроения в американском обществе к концу года несколько изменились. И связано это было не с изменением отношения к войне собственно американского народа, а с трансформацией позиции политической и экономической элиты срединных штатов, прежде всего, Пенсильвании и Нью-Йорка. Об этом свидетельствуют результаты президентских выборов 1812 г. Именно изменение позиции этих штатов, в отличие от голосования в Сенате по резолюции о начале войны, во многом решили исход выборов в пользу Дж. Мэдисона. Причины подобной трансформации носят, прежде всего, экономический характер. Во-первых, от войны выигрывала местная промышленность, во многом сконцентрированная в Пенсильвании. Во-вторых, в связи с

военными займами укрепились позиции банковской буржуазии, форпостом которой был Нью-Йорк.

Но в дальнейшем характер войны стал существенно меняться, и на третьем этапе приобрел оттенок борьбы за независимость, что существенно сказалось на американском общественном мнении. Теперь война стала носить освободительный характер. Если в начале войны американцы, как правило, стремились уклониться от вступления в армию, то, начиная с 1814 г., происходит патриотический подъем. Этому можно найти две причины. Во-первых, военные действия были перенесены на американскую территорию. К экономическим тяготам, которые негативно сказывались на отношении простых американцев к войне, прибавилось моральное унижение, которое, наоборот, изменило общественное мнение в пользу национально-патриотического подъема. Оккупация англичанами Мэна, Мэриленда, Виргинии и сожжение ими Вашингтона привела к переменам отношения американского общества к войне, которая с этого момента стала восприниматься как «вторая Война за независимость». Во-вторых, сказалось противодействие федералистских штатов войне с Англией. Противодействие выразилось в антивоенной агитации, продолжении торговли с Канадой, выдаче кредитов англичанам. Все это стало восприниматься на фоне сожженного Вашингтона как факт прямой измены. Довершило политическое падение федералистской партии проведение в конце 1814 г. конвента в Хартфорде, где обсуждался вопрос об отделении северо-восточных штатов. Партия так и не смогла оправиться от последствий войны, что привело к появлению на американской политической арене ситуации, которую одна бостонская газета охарактеризовала как «эра доброго согласия», а некоторые историки называли «периодом партийного руководства» [Макинерни 2011: 159].

Таким образом, можно видеть, что эволюция американского общественного мнения в отношении войны с Англией включала три этапа. Вначале большая часть американского народа была настроена скорее негативно в отношении войны, а позиция элит была четко определена региональными и партийными интересами. К концу 1812 г. происходят некоторые изменения в настроении экономических и политических элит ряда северо-восточных штатов под воздействием, прежде всего, экономических факторов, связанных с получением прибыли от ведения военных действий. Это укрепило позиции администрации Мэдисона, позволило ему выиграть президентские выборы и продолжить войну. Однако отношение большинства простых американцев к войне не поменялось. Наконец в 1814 г. взгляды большинства американского общества, начинают меняться не под воздействием экономических факторов, как ранее, а в связи с изменением характера войны, превращением ее из завоевательной в оборонительную. И главным изменением, связанным с окончанием войны стало появление

национального самосознания, ощущение того, что возникло новое общество граждан. «Люди больше не называли себя ньюйоркцами, виргинцами или пенсильванцами, но с гордостью именовались американцами. Их объединила победа над врагом и уникальная в западном мире республиканская форма правления» [Римини 2015: 103].

Список источников и литературы

- Алентьева, Тимченко 2018** – Алентьева Т. В., Тимченко А. И. Англо-американская война 1812 – 1815 гг. и американское общество. СПб.: Алетейя, 2018.
- Болховитинов 1980** – Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980.
- Вуд 2016** – Вуд Г. С. Идея Америки. М.: «Весь Мир», 2016.
- История США 1983** – История США: в 4-х тт. Том 1. М.: Наука, 1983.
- История США 2009** – История США. Подробный справочник. М.: АСТ, 2009.
- Макинерни 2011** – Макинерни Д. США. История страны. М.: Эксмо, 2011.
- Макферсон 2012** – Макферсон Дж. Боевой клич свободы. Гражданская война 1861-1865. Екатеринбург: Гонзо, 2012.
- Римини 2015** – Римини Р. Краткая история США. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015.
- Согрин 2013** – Согрин В. В. Центральные проблемы истории США. М.: Изд-во «Весь Мир», 2013.
- Согрин 2010** – Согрин В. В. Исторический опыт США. М., 2010.

References

- Alent'eva, Timchenko 2018** – Alent'eva T. V., Timchenko A. I. Anglo-amerikanskaja vojna 1812 – 1815 gg. i amerikanskoe obshhestvo. SPb.: Aletejja, 2018.
- Bolhovitinov 1980** – Bolhovitinov N. N. SShA: problemy istorii i sovremennaja istoriografija. M.: Nauka, 1980.
- Vud 2016** – Vud G. S. Ideja Ameriki. M.: «Ves' Mir», 2016.
- Istorija SShA 1983** – Istorija SShA: v 4-h tt. Tom 1. M.: Nauka, 1983.
- Istorija SShA 2009** – Istorija SShA. Podrobnyj spravocchnik. M.: AST, 2009.
- Makinerni 2011** – Makinerni D. SShA. Istorija strany. M.: Jeksmo, 2011.
- Makferson 2012** – Makferson Dzh. Boevoj klich svobody. Grazhdanskaja vojna 1861-1865. Ekaterinburg: Gonzo, 2012.
- Rimini 2015** – Rimini R. Kratkaja istorija SShA. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2015.

Sogrin 2013 – Sogrin V. V. Central'nye problemy istorii SShA. M.: Izd-vo «Ves' Mir», 2013.

Sogrin 2010 – Sogrin V. V. Istoricheskij opyt SShA. M., 2010.

УДК 94(47).072.5:303.446

DOI 10.26170/vvi19-01-07

Код ВАК 07.00.02, 07.00.03

*Е.В. Шукман**

РОССИЯ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ГЕНЕРАЛА Т.Р. ВИЛЬСОНА

Статья посвящена личности и деятельности в России британского генерала Т. Р. Вильсону. Автор проанализировала различные точки зрения в британской и отечественной историографии на предмет характеристики Вильсона и оценки его пребывания в России во время кампании 1812-1813 гг. На основе дневника и писем генерала Вильсона сделан вывод о значительной роли, которую он сыграл в ходе событий 1812-1813 гг., а также о достаточно объективных и непредвзятых оценках, которые были им даны русскому генералитету и русской армии. Автор останавливается также на особенностях восприятия Вильсоном русской природы, климата, городов и русского народа.

Ключевые слова: Отечественная война, наполеоновские войны, образ России, британская историография, политические деятели.

Elena V. Shukman

RUSSIA THROUGH THE EYES OF THE BRITISH GENERAL T. R. WILSON

The article is devoted to the personality and activity of the British General TR in Russia. Wilson. The author analyzed various points of view in British and Russian historiography on the subject of characterizing Wilson and assessing his stay in Russia during the campaign of 1812-1813. On the basis of the diary and letters of General Wilson, a conclusion was made about the significant role he played during the events of 1812-1813, as well as about fairly objective and unbiased assessments that were given to them to the Russian generals and the Russian army. The author also dwells on the peculiarities of Wilson's perception of Russian nature, climate, cities and the Russian people.

Шукман Елена Владимировна, студент III курса Института общественных наук Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

Elena V. Shukman, student of Institute of social sciences Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

© Шукман Е. В., 2019

Keywords: Patriotic war, Napoleonic wars, the image of Russia, British historiography, political figures.

Наполеоновские войны были одним из наиболее ожесточенных глобальных конфликтов в истории человечества. Как отмечает российский историк А.А. Орлов, это была не просто череда битв, но противостояние принципиально разных подходов Лондона и Парижа к проблеме существования Европы как единого организма [Орлов 2005: 368]. Однако Великобритания не могла в одиночку противостоять Франции, поэтому британские политики прибегали к созданию анти-французских коалиций. В разное время многие европейские страны, такие как Австрия, Пруссия, Россия были участниками подобных коалиций, в центре которых, как правило, оказывалась Англия.

Всякий раз, когда Россия и Великобритания в очередной раз оказывались в одном военно-политическом союзе, экономические и политические связи между ними заметно укреплялись. При этом следует помнить, что Россия практически не имела собственного коммерческого флота, поэтому морские перевозки осуществлялись в основном на британских кораблях [Там же: 33-34]. В Россию из Великобритании регулярно поставлялся свинец, фабричные изделия, колониальные товары. Помимо этого, российские дипломаты не раз изучали возможности приобретения в Великобритании крупной партии пехотных ружей. В конечном итоге закупка ружей состоялась, и в 1807 г. они в комплекте со всем необходимым снаряжением были отправлены в Россию. Однако все переговоры по осуществлению этой закупки проходили по военным и дипломатическим каналам, и гражданские чиновники не были посвящены в детали операции, и это привело в дальнейшем к ряду технических сбоев.

Развитие экономических и торговых связей было выгодно не только для России, но и для Великобритании, так в условия континентальной блокады туманный Альбион столкнулась с серьезной проблемой сохранения своих позиций на рынках различных регионов. Однако, несмотря очевидную заинтересованность британцев в развитии торговых связей с Россией, они часто демонстрировали свое неудовольствие в связи с отсутствием у россиян коммерческой солидности и в связи с неграмотностью местных поставщиков. Русские, в свою очередь, были возмущены тем, что британцы наживаются на разнице закупочных и продажных цен, зажимая российскую торговлю в финансовые тиски [Там же: 43].

По-видимому, Александр I ожидал большего от сотрудничества с Великобританией, но, не получив ожидаемого результата, он начал склоняться к идее заключения мирного договора с Наполеоном. После ряда поражений русской армии, в Тильзите состоялась встреча Наполеона и Александра I. Как отмечают современники и очевидцы, рус-

ский император заговорил с Наполеоном первым, обозначив, что он точно так же ненавидит англичан, как и Наполеон. Согласно положениям Тильзитского мира, Россия присоединилась к континентальной блокаде Великобритании. Стоит отметить, что военные столкновения между Великобританией и России, последовавшие после заключения этого договора, не были масштабными. Известный отечественный специалист в области российско-британских отношений этого периода А.А. Орлов даже называет эту войну «бездымной» [Там же: 368]. Однако для обеих стран эта война все же имела тяжелые последствия. Александр I понял, что Тильзитский мир бесперспективен как в экономическом, так и в политическом плане. Морская торговля и финансовая система России были расстроены. Великобритания, в свою очередь, выдержала, хотя и с большим трудом, все тяжести континентальной блокады.

В русле изучения англо-российских отношений этого периода нельзя не обратиться к личности Р.Т. Вильсону, который сыграл одну из ключевых ролей в развитии отношений между Великобританией и Россией, особенно в ходе кампании 1812-1813 гг. В нашей статье мы попытаемся выявить особенности отношения Р.Т. Вильсона к российским реалиям того времени и постараемся ответить на вопрос, имела ли его деятельность в ходе событий 1812-1813 гг. положительные последствия для России, даже несмотря на то, что его главным интересом, несомненно, была защита интересов Англии.

В историографии присутствуют разные точки зрения по поводу деятельности Вильсона в России. Начнем с британской историографии, обратившись в первую очередь к тому, как в ней представлена биография генерала. В «Словаре наполеоновских войн», изданном под редакцией Д. Г. Чендлера, приводятся основные события его жизни [Chandler 1999]. Известно, что Сэр Роберт-Томас Вильсон был сыном художника-портретиста Бенджамина Вильсона – одного из образованнейших людей своего времени. Вероятно, именно отец привил сыну тягу к книгам и знаниям. Вильсон получил образование в Вестминстерской школе, а затем обучался в Винчестере. Благодаря своей сестре, которая была замужем за полковником Босвиллом, он был записан в корнеты 15-го легкого драгунского полка. С этого времени Вильсон довольно быстро начал двигаться по карьерной лестнице военного. Так, в 1794 г. он стал лейтенантом, в 1796 г. уже командовал эскадроном, а в 1800 г. получает звание майора. Д. Г. Чендлер называет Вильсона сильным индивидуалистом, тщеславным и напористым; из недостатков он выделяет «недостаток ума» [Там же]. Другой британский историк Х. Б. Джордж в книге «Вторжение Наполеона в Россию» характеризовал Вильсона как англичанина-очевидца событий, который смотрел на все вещи как русский. Этот автор отмечал, что Вильсон хорошо разбирался в военных делах, и в ходе войны критиковал про-

счета русских [Орлов 2008: 134]. Британский историк М. С. Андерсон писал, что Вильсон – очевидец событий, и он лучше любого англичанина знал, что происходило в России [Там же: 140]. Мы солидарны с этим мнением и считаем, что Вильсон достаточно хорошо разобрался в ситуации, которая тогда сложилась в России. Британский историк Х. Б. Джордж придерживается того же мнения. На основе изучения различных источников, он писал, что Р. Т. Вильсон освещал события в ходе кампании 1812-1813 гг. лучше, чем какой-нибудь русский [George 1899]. Х. Б. Джордж обратил также внимание на то, что изучать материалы британского генерала чрезвычайно интересно, так как он не преувеличивал успехи как русских, так и французских войск. Как известно, британские солдаты участия в русской кампании не принимали, и единственной фигурой из числа британцев тогда в России был Вильсон.

Британский историк М. Гловер в книге с неожиданным названием «Очень скользкий парень», достаточно подробно описал жизненный путь генерала [Glover 1922]. Свое название книга получила в честь цитаты лорда Веллингтона, который писал о Вильсоне, что «он очень скользкий парень... он не способен говорить правду ни по какому вопросу». Однако в книге М. Гловер утверждает обратное, отмечая, что Вильсон имел склонность писать все так, как оно есть [Glover 1922: 122]. Когда он отправлял лорду Кэтку, британскому послу в Петербурге, письма, он, словно бы и не знал, что их будет читать русская цензура. Он пытался зафиксировать события в том виде, как было на самом деле, как он их видел, ничуть не приукрашая или наоборот очерняя их.

Безусловно, читая его записи из дневников или писем, нужно иметь в виду, что Вильсон – это человек иной культуры, иного менталитета и иной эпохи; это и предопределяет сложность постижения данной личности современным российским историком. Возможно, это и повлияло на то, что в отечественной историографии Вильсон получил неоднозначные оценки. А. А. Орлов сравнил два исследования российских авторов – С. М. Соловьева и Н. Н. Фирсова. Орлов отметил, что С. М. Соловьев в своем труде «О политике и дипломатии Александра I» упомянул о Вильсоне лишь один раз, при этом не давая ему совершенно никакой оценки. В труде же Н. Н. Фирсова, который вышел годом позже, была дана более обширная информация о генерале. Фирсов отмечал, что Вильсон внес большой вклад в победу над наполеоновской армией. Сам же А. А. Орлов дал положительную оценку генералу. Он писал, что Вильсон – сын эпохи Просвещения и он защищал интересы своей страны [Орлов 2008: 131]. Отношение к фигуре Вильсону в советский период стало достаточно негативным. Это было связано с политической борьбой, которая сопровождала отношения между Великобританией и СССР весь межвоенный период и всю Холодную войну. В это время появляются работы, авторы которых обвиняют Вильсона в шпионаже. Это труды Е. В. Тарле, О. В. Орлик и

ряда других историков. Однако на сегодняшний день ясно: Вильсон не был шпионом, тем более врагом России [Там же: 360]. Он уважительно относился к России и российским властям. Главной его целью была важна победа над Наполеоном. Несмотря на то, что Вильсон критиковал российские власти, указывал на просчеты русских в ходе военных действий, он сохранял дружеские отношения с императором Александром I и многими русскими военачальниками.

Одним из самых значимых источников при изучении дипломатических отношений России и Великобритании является дневник самого генерала Р.Т. Вильсона, где он фиксировал важные события, описывал путешествия, высказывал отношение к русскому народу и русской армии во время кампаний 1812-1813 гг. Дневник был переведен с английского и прокомментирован С. Н. Искулем и Д. В. Соловьевым. Записи начинаются с событий 1 августа 1812 г. и заканчиваются 20 января 1813 г. Стоит отметить, что до этого периода генерал уже был в России. Первая встреча Вильсона с русской армией состоялась в 1799 г. во время совместной высадки русских и англичан в Голландии. В 1806-1807 гг., находясь на дипломатической службе, он принял участие в действиях четвертой коалиции. После заключения Тильзитского мира генерал некоторое время жил в Санкт-Петербурге, но с охлаждением русско-британских отношений был вынужден покинуть столицу.

Лишь к середине августа 1812 г. генерал возвращается в Россию. Р. Т. Вильсон дал описание городов, в которых он побывал. Так, о Киев, например, у него оставались хорошие впечатления. Он писал, что это большой город с сильной крепостью, виды вокруг красивы, а земля превосходно обрабатывается. О Смоленске же генерал говорил как о малоинтересном городе. В одной из записей Вильсон даже сделал пометку о том, что поразило французов в России. На удивление этим оказались: жители и земледелие; хорошие дороги; пожертвования, понесенные дворянством; послушание и привязанность крестьян к своим господам [Вильсон 1995: 83]. Эти сведения были взяты им из перехваченных писем французов. Во время переездов из города в город Вильсон встречался с важными людьми, своими старинными приятелями и друзьями. Так, в Житомире он встретился с гражданским губернатором, старым приятелем Ф. В. Сакеном, который там командовал дивизией. В Смоленске ему предстояла встреча с генералом Л. Л. Беннигсеном, генералом Н. Н. Новосильцевым, князем А. Н. Голицыным и другими людьми. Он описал, что встречи с ними были теплыми и сердечными. На основе этого можно сделать вывод, что генерал был человеком весьма известным и уважаемым. Интересна встреча Вильсона и с российским императором. Она состоялась 6 сентября 1812 г. Генерал писал, что он опоздал за полчаса, но, тем не менее, Александр встретил его с особой любезностью, обнял его и несколько раз поцеловал. Далее у них состоялась важная беседа. Импе-

ратор выразил полное одобрение мыслям генерала о военных и политических делах и поклялся, что он будет сражаться с наполеоновской армией, даже если придется отдать Санкт-Петербург и Москву.

Помимо этого дневник генерала включает в себе обширные сведения о военных сражениях, потерях в русской и французской армиях. Так, в Бородинском сражении, согласно Вильсону, у русских было убито и ранено 36000; генералов убито 3, ранено 9; офицеров полторы тысячи, включая раненых. Потери французов, по его мнению, не могли не быть намного больше. «Сами они полагают у себя выведенными из строя 26 генералов, из них семеро убиты, и 35000 солдат» [Там же: 312]. «Каждодневно приводили по 50 и даже по 100 человек, в большинстве раненых. Пленники, принадлежащие другим нациям, единодушно почитают себя жертвами Наполеона». Генерал полагал также, что Бородинское сражение не принесло никаких выгод, но оно сильно подействовало на дух неприятеля. И все же Вильсон считал, что русская армия не достаточно сильна, вожди ее по-прежнему конфликтуют между собой и забывают о насущных проблемах.

Об отношении Вильсона к русской армии, а также к русским генералам мы можем узнать из писем, которые Р.Т. Вильсон писал различным персонам. Одно из таких писем было написано 27 сентября 1812 г. Вильсон написал императору Александру I о том, что русская армия в высочайшей степени одушевлена воинским духом. Припасы доставляются во множестве, армия хорошо вооружена, более того, 800 прекрасных лошадей «приведены сегодня поутру кавалерии» [Там же: 147]. В этом же письме генерал писал о разногласиях между военачальниками. В другом письме, которое было написано лорду Кэткарту, было сказано, что Россия, благодаря величайшему одушевлению всего народа, привела в движение такую силу, которой более чем достаточно для единоборства с Наполеоном [Там же: 127]. На основе этих писем можно сделать вывод, что у Вильсона и Александра I отношения были достаточно доверительными. Вильсон докладывал императору о русской армии, о разногласиях, которые имели место между генералитетом, высказывал свои мнения по поводу введения боевых действий.

14 августа 1812 г. было отправлено письмо лорду Кэткарту, в котором говорилось о том, что назначение генерала М. Б. Баркляя де Толли на пост главнокомандующего с самого начала было встречено неодобрительно, а его ведение им самой кампании возбудило всеобщее недовольство [Там же: 312]. С М. И. Кутузовым у генерала Вильсона были сложные отношения. Если Вильсон полагал, что главной целью для Англии в этой войне было уничтожение французского континентального могущества, то для Кутузова главным было изгнать Наполеона и остатки его армии из русских пределов. После сражения под Малоярославцем Кутузов заявил, что «он не имеет иного желания, как только того, чтобы неприятель оставил Россию» [Свидетельства:

Р. Т. Вильсон URL]. Безусловно, такое заявление задело Вильсона, который желал не просто прогнать французов из России, но и освободить всю Европу от Наполеона. Немного позже Вильсон писал, что «маршал Кутузов» являет собой поучительный образец неспособности командующего и отсутствия всех тех качеств, которые должны его отличать от других русских солдат [Вильсон 1995: 312]. Вильсон указывал, что зачастую Кутузов не интересовался местом, где и как будет проходить сражение. Генерал также указал, что многие русские обвиняют Кутузова в медлительности, невежественном руководстве войсками. На основе этого можно заключить, что генерал Вильсон не останавливался перед критикой Кутузова. Он не только не был согласен с манерой проведения некоторых военных операций, но и не понимал смысла многих действий Кутузова.

Таким образом, Р.Т. Вильсон является важной фигурой для понимания специфики русско-английских отношений начала XIX в., в особенности, кампании 1812-1813 гг. Благодаря дневникам и письмам Р. Т. Вильсона можно представить тот образ России, который увидел британский генерал. Он с восхищением описывал пейзажи и климатические особенности России. Русские люди для Вильсона являются сильными как в физическом, так и нравственном отношении. Повествуя о победах русских, Вильсон отдавал должное высокому моральному духу русского народа. Вильсон положительно относился к русской армии, но это не удерживало его от критики ее. Он отмечал многочисленные просчеты в ходе военных действий, происходившие из-за несогласованности военачальников. Сам Р. Т. Вильсон был уважаемой персоной в русской среде. Он имел в России много влиятельных знакомых и друзей. У генерала, как видно из его записей, были доверительные отношения и с императором. Дневники и письма являются ценным источником периода наполеоновских войн. Благодаря ему мы можем увидеть не только ход войны или как сражалась русская армия, но и какая была собственно сама Россия в начале XIX века, наконец, увидеть, благодаря чему русским людям удалось справиться с наполеоновской армией.

Список источников и литературы:

- Английский шпион** – Роберт Вильсон. URL: <https://livejournal.com/35086.html> (дата обращения: 01.10.2018).
- Безотосный 2005** – Безотосный В. М., Смирнов А. А. Эпоха 1812 г. Исследования. Источники. Историография. IV: сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 147. С. 272-286.
- Вильсон 1995** – Вильсон Р. Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во

время кампаний 1812-1813 года. Письма к разным лицам. СПб., 1995. 312 с.

Орлов 2005 – Орлов А. А. Союз Петербурга Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. 368 с.

Орлов 2008 – Орлов А. А. «Теперь я вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе. Очерки. М., 2008. 360 с.

История российско-британских отношений – История российско-британских отношений. URL: <http://www.stihi.ru/2017/11/15/278> (дата обращения: 03.10.2018).

Литературная карта – Литературная карта Малоярославецкого края: Роберт Томас Вильсон. URL: <https://museum-1812.livejournal.com/45193.html> (дата обращения: 03.10.2018).

Смоленское сражение – Вильсон Р. Т. Смоленское сражение. URL: <http://www.smolensk1812.ru/history/wilson/> (дата обращения: 02.10.2018).

Свидетельства: Р. Т. Вильсон – Свидетельства: Р. Т. Вильсон. URL: <http://his.1september.ru/2002/13/5.htm> (дата обращения: 01.10.2018).

Chandler 1999 – Chandler D. G. The dictionary of The Napoleonic Wars. L., 1999.

George 1899 – George H. B. Napoleon's Invasion in Russia: with maps and plans. L., 1899.

Glover 1978 – Glover M. A very slippery fellow. The life of Sir Robert Wilson. Oxford, 1978.

Wilson 1860 – Wilson R. Narrative of Events during the Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, and the Retreat of the French Army, 1812. L., 1860.

References

Anglijskij špion – Robert Vil'son. URL: <https://livejournal.com/35086.html> (дата обращения: 01.10.2018).

Bezotosny'j 2005 – Bezotosny'j V. M., Smirnov A. A. E'poxa 1812 g. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. IV: Sbornik materialov. K 200-letiyu Otechestvennoj vojny` 1812 g. // Trudy` GIM. M., 2005. Vy`p. 147. S. 272-286.

Vil'son 1995 – Vil'son R. T. Dnevnik puteshestvij, sluzhby` i obshhestvenny`x soby'tij v by'tnost` pri evropejskix armiyax vo vremya kampanij 1812-1813 goda. Pis'ma k razny`m liczam. SPb., 1995. 312 s.

Orlov 2005 – Orlov A. A. Soyuz Peterburga Londona. Rossijsko-britanskie otnosheniya v e'poxu napoleonovskix vojn. M., 2005. 368 s.

- Orlov 2008** – Orlov A. A. «Teper` ya vizhu anglichan vblizi...»: Britaniya i britancy v predstavleniyax rossiyan o mire i o sebe. Ocherki. M., 2008. 360 s.
- Istoriya rossijsko-britanskix otnoshenij** – Istoriya rossijsko-britanskix otnoshenij. URL: <http://www.stihi.ru/2017/11/15/278> (data obrashheniya: 03.10.2018).
- Literaturnaya karta** – Literaturnaya karta Maloyaroslaveczkogo kraja: Robert Tomas Vil`son. URL: <https://museum-1812.livejournal.com/45193.html> (data obrashheniya: 03.10.2018).
- Smolenskoe srazhenie** – Vil`son R. T. Smolenskoe srazhenie. URL: <http://www.smolensk1812.ru/history/wilson/> (data obrashheniya: 02.10.2018).
- Svidetel`stva: R. T. Vil`son** – Svidetel`stva: R. T. Vil`son. URL: <http://his.1september.ru/2002/13/5.htm> (data obrashheniya: 01.10.2018).
- Chandler 1999** – Chandler D. G. The dictionary of The Napoleonic Wars. L., 1999.
- George 1899** – George H. B. Napoleon's Invasion in Russia: with maps and plans. L., 1899.
- Glover 1978** – Glover M. A very slippery fellow. The life of Sir Robert Wilson. Oxford, 1978.
- Wilson 1860** – Wilson R. Narrative of Events during the Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, and the Retreat of the French Army, 1812. L., 1860.

УДК 94(430).085
DOI 10.26170/vvi19-01-08
Код ВАК 07.00.03

*М.В. Дацишина **

«...НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ВИНОВНИКОВ УБИЙСТВА И СВИДЕТЕЛЕЙ ОБНАРУЖИТЬ СЛЕДСТВИЮ НЕ УДАЛОСЬ» (К 100-летию убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург)

Статья посвящена интерпретациям политическими кругами разных стран трагической гибели супругов К. Либкнехта и Р. Люксембург в 1919 г. Автор показывает, как искаженный образ исторического события использовался конкретными политическими элитами в рамках риторики обвинения политических оппонентов, оправдания режима диктатуры, а также для фальсификации расследования и сокрытия истинных заказчиков и исполнителей убийства.

Ключевые слова: политические убийства, политические события, политические деятели, репрезентация исторических событий, политические режимы, диктатура, политическая история, искажение событий.

Marina V. Datsishina

“... DIRECTED GUYS OF THE MURDER AND WITNESSES DID NOT FIND THE DETERMINATION” (On the 100th anniversary of the killing of Karl Liebknecht and Rosa Luxemburg)

The purpose of this article is to show the interpretation for the tragic death of the spouse of Karl Liebknecht and Rosa Luxemburg in 1919. Interpretations were made by political circles of different countries. The author of the article shows how the interpretation of the historical event was used to justify the policy of specific political elites; within the rhetoric of the prosecution, the rhetoric of accusing political opponents; to falsify the investigation; concealment of the true customers and perpetrators of the murder.

Дацишина Марина Викторовна, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); 125009, Россия, г. Москва, Большая Дмитровка, 15.

Marina V. Datsishina, Chief specialist of the Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia.

Телефон/Phone: +(495) 692-89-83. E-mail: ditrich@list.ru

© Дацишина М. В., 2019

Keywords: R political assassinations, political events, political figures, representation of historical events, political regimes, dictatorship, political history, distortion of events.

Роза Люксембург (1871-1919)

Карл Либкнехт (1871-1919)

В январе 2019 г. исполнилось 100 лет со дня трагической гибели Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Супруги, германские левые социал-демократы, основатели коммунистической партии Германии родились и погибли одновременно. Они прожили по 47 лет. Политические убийства были неотъемлемой частью политической истории XX века. Жесткое противостояние, деление мира на «своих» и «чужих», неготовность политиков к диалогу неизбежно превращала их в жертв или палачей.

«Другое» убийство?

Убийство Р. Люксембург и К. Либкнехта имело ряд особенностей.

Во-первых, дело об убийстве было сфальсифицировано при первом расследовании¹⁴.

Во-вторых, убийство Р. Люксембург и К. Либкнехта получило неожиданный резонанс в другой стране и в отношении непрямых к нему людей. Германские левые социал-демократы Р. Люксембург и К. Либкнехт были убиты 15 января 1919 г. в Берлине. В Советской России было объявлено, что в качестве заложников за немецких товарищей были расстреляны члены династии Романовых (четыре великих князя), которым не удалось покинуть страну и которые не были уничтожены в 1918 г. на Урале. На самом деле Президиум Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК) утвердил приговор о расстреле членов семьи Романовых 9 января 1919 г., т. е. тогда, когда немецкие коммунисты были еще живы [Архив ВЧК 2007]. Эхо выстрелов зверского убийства в Берлине слышали на берегах Невы в интерпретации правящей политической элиты Советской России.

Кто виноват в убийстве?

Фальсификация расследования породила несколько устойчивых мифов. Одним из них стал феномен «разъяренной толпы», которая окружала гостиницу «Эден» в Берлине, куда 15 января 1919 г. были доставлены К. Либкнехт и Р. Люксембург. Этот миф стал насаждаться сразу после убийства. Миф о толпе обслуживал тезисы о неотвратимости возмездия для коммунистических лидеров и о поддержке данной акции со стороны берлинского (как части общегерманского) населения. В Германии в первой официальной версии убийство было преподнесено как гражданский расстрел, призванный защитить страну от коммунизма [Der Spiegel 1962]. В приводимом ниже документе также есть ссылка на толпу вокруг гостиницы. Правда, в интерпретации

¹⁴ Данная технология использовалась и позднее. Например, в 1968 г. дело об убийстве президента США Д. Ф. Кеннеди было также сфальсифицировано во время первого слушания.

1945 г., участники убийства утверждали, будто толпа могла помешать убийству, поскольку выстрелы могли быть слышны. Поэтому последовал «бесшумный» удар прикладом винтовки.

Другим мифом, который имел более позднее происхождение, является миф о причастности к убийству лидеров Советской России, которые действительно расхотелись с Р. Люксембург и К. Либкнехтом по вопросам о Брестском мире, о социально-экономических преобразованиях большевиков, роли коммунистической партии Германии в международном коммунистическом движении. Образ «руки Кремля», который в 1960-1980-е гг. использовался советологами и западными журналистами [См., например: Der Spiegel 1969], и мода 1990-х гг. на «исторические сенсации» повлияли на закрепление такой «конспирологической» версии [См., например: Фельштинский 1997 URL]. В 1990-е гг. данная метафора получила распространение еще и потому, что при публикации мемуаров ветеранов советской внешней разведки издатели рекомендовали авторам использовать в названии и без того ценных книг метафоры *рука Кремля* или *рука Москвы* [См., например: Шебаршин 1992].

На сегодняшний день мы не располагаем документами в пользу версии о причастности советского руководства к гибели немецких коммунистов. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) находятся документы фондов В. И. Ленина, Р. Люксембург, К. Либкнехта, К. Радека и др. деятелей международного рабочего и коммунистического движения, а также фонд Исполкома Коминтерна, которые не подтверждают данную сентенцию [РГАСПИ-1].

Несколько отступая в сторону, отметим, что после убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта в 1919 г. и после смерти В. И. Ленина в 1924 г. Коминтерн, созданный в марте 1919 г., в равной степени проводил кампании увековечивания «Трех Л» (Ленин, Либкнехт, Люксембург). Памятные открытки, плакаты и листовки с изображением всех трех деятелей издавались коммунистическими партиями разных стран. Как правило, такие кампании проводились в январе, поскольку все три лидера ушли из жизни в начале года. Значительное число документов о проведении акций «Трех Л» находится в РГАСПИ в фонде Исполкома Коминтерна [РГАСПИ-2]. Приход нацистов к власти и репрессии против Германской коммунистической партии заставили вновь обратиться к истории убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, выявлению роли правых социал-демократов в устранении политических оппонентов. В 1933 г. бывший председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев написал брошюру «Карл Либкнехт» [РГАСПИ-3].

Убийца был одиночкой?

Восстановим канву событий. 15 января 1919 г. в Берлине были схвачены и доставлены в гостиницу «Эден» члены коммунистической

партии Германии Карл Либкнехт, Роза Люксембург и Вильгельм Пик¹⁵. После допроса каждого в отдельности (по другой версии на последнем допросе В. Пик выступал как свидетель) супруги Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты, а Вильгельм Пик отпущен на свободу (по другой версии – ему удалось бежать). 8-14 мая 1919 г. военно-полевой суд в Берлине попытался скрыть истинных виновников убийства. Под давлением общественности судебные слушания продолжались в 1919-1920 гг. Именно тогда были вызваны на допрос премьер-министра Веймарской республики Ф. Шейдеман¹⁶, адъютант министра обороны Веймарской республики Г. Носке¹⁷, лейтенант В.-Ф. Канарис¹⁸, будущий шеф внешней разведки и контрразведки нацистской Германии [Der Spiegel 1967]. Никто из них не понес ответственности за убийство.

Прояснилась картина преступления. Стало известно, что подготовка к убийству началась поздней осенью 1918 г. и включала слежку за деятельностью редакции газеты «Die Rote Fahne», которую редактировали К. Либкнехт и Р. Люксембург. Именно тогда была назначена крупная сумма за их поимку – 100 000 марок. Как часто бывает при политических убийствах, приказ о ликвидации К. Либкнехта и Р. Люксембург был устным. Лидеров немецких коммунистов доставили в отель «Эден», где располагался штаб гвардейской кавалерийской дивизии. Данные события подтверждает приводимый нами документ.

Целью спланированного убийства было стремление правительства правых социал-демократов во главе с Ф. Шейдеманом в короткие сроки свернуть коммунистическое рабочее движение. Жестокие карательные акции выполнялись руками кадровых военных, которые недавно вернулись с Первой мировой войны, обладали боевым опытом, но оказались не у дел. Позднее они смогли избежать наказания (или получить минимальные сроки) [Там же].

В 1920-е гг. прошло еще несколько судебных процессов. В 1929 г. состоялся последний из них, процесс над тем прокурором, который в 1919 г. объявил Отто Рунге¹⁹ невменяемым убийцей-

¹⁵ Пик, Вильгельм (нем. Friedrich Wilhelm Reinhold Pieck, 1876-1960) – один из основателей коммунистической партии Германии, был схвачен 15 ноября 1919 г. вместе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург.

¹⁶ Шейдеман Филипп (нем. Philipp Heinrich Scheidemann, 1865-1939) – германский правый социал-демократ, первый канцлер Веймарской республики.

¹⁷ Носке, Густав (нем. Gustav Noske, 1868-1946) – германский правый социал-демократ, военный министр и министр обороны Веймарской республики. Руководил кровавым подавлением коммунистического движения в Германии в 1918-1919 гг.

¹⁸ Канарис, Вильгельм Франц (нем. Wilhelm Franz Canaris, 1887-1945) – германский военный и политический деятель; в 1919 г. адъютант военного министра Г. Носке, сыгравшего ключевую роль в подавлении коммунистических выступлений в Германии в 1918-1919 гг.

¹⁹ Рунге Отто (нем. Otto Wilhelm Runge, 1875-1919) – участник Первой мировой войны, член фрайкора, по убеждению принимал участие в подавлении коммунистического дви-

одиночкой. В итоге участники убийства получили ничтожные сроки: Отто Рунге – два года и два месяца тюремного заключения, Курт Фогель – четыре месяца тюрьмы [Der Spiegel 1962].

Назначение Гитлера канцлером Германии и последующее закрепление нацистов во власти исключало возобновление судебного расследования. Нацистский режим отправлял коммунистов за решетку. Произведения Р. Люксембург и К. Либкнехта, как и других лидеров коммунистического движения, были включены в список запрещенной литературы [Library URL]. Многие из правых социал-демократов также подверглись репрессиям или были вынуждены эмигрировать [РГАСПИ-4]²⁰. Непосредственный участник преступления – Отто Рунге вступил НСДАП и получил солидную денежную премию.

Документальные доказательства

Говоря о расследовании убийства, часто ссылаются на несколько источников.

Во-первых, на документы военно-полевого суда, который проходил 8-14 мая 1919 г. в Берлине. Первый судебный процесс об убийстве получил, пожалуй, самый большой резонанс, поскольку был полностью фальсифицирован. Давление средств массовой информации повлияло на то, что судебное разбирательство было возобновлено и продолжено. В РГАСПИ в личном фонде Карла Либкнехта в нескольких делах отложились коллекции вырезок из европейских газет с кликами на ход процессов по делу об убийстве [РГАСПИ-5].

Во-вторых, признания, сделанные в 1962 г. бывшим капитаном гвардейской кавалерийской дивизии В. Пабстом в интервью двум редакторам журнала «Der Spiegel» [Подробнее см.: Der Spiegel 1962] о, якобы, совершенном предательстве члена коммунистической партии Германии Вильгельма Пика в день убийства. Вместе с тем, Пабст так и не смог ответить на вопросы журналиста, почему коммунистические лидеры не были преданы суду, а были убиты без суда и следствия, и, главное, почему социал-демократы не использовали информацию о, якобы, совершенном В. Пиком предательстве для борьбы с коммунистами [Der Spiegel 1962]. Незадолго до смерти в 1970 г. В. Пабст признался, что полномочия на убийство он получил от министра Г. Носке по телефону [Die Zeit 2014 URL].

жения, в позже вступил в НСДАП. За участие в убийстве Р. Люксембург и К. Либкнехта и сокрытие роли офицеров в убийстве был награжден денежной премией.

²⁰ «Немецкая политическая эмиграция включает в себя следующие основные группировки: коммунистов, социал-демократов, католиков, буржуазно-демократические и либеральные элементы, среди которых необходимо особо отметить антифашистскую интеллигенцию; фашистов-оппозиционеров, эмигрировавших из-за конфликтов с Гитлером и представителей консерваторов монархического типа...».

В третьих, документальный фильм в двух частях, который был показан по телевидению ФРГ в конце 1960-х гг. Реконструкция офицерского заговора была воссоздана на основе сценария западногерманского актера и сценариста Дитера Эртеля [Ertel 1969]²¹, который с 1965 г. изучил тысячи страниц актов, встречался с историками, юристами, кадровыми военными, членами политических партий [Der Spiegel 1969]. В фильме были визуализированы события 15 января 1919 г. и последующие судебные разбирательства. Документальное расследование позволило выявить неизвестные ранее детали убийства и новых участников, которые находились и в отеле «Эден», и по пути следования машины, которая направлялась в Моабитскую тюрьму. Все они участвовали и в убийстве, и в последующем осквернении трупов Р. Люксембург и К. Либкнехта, и в фальсификации дела во время судебных разбирательств. К созданию фильма были привлечены криминалисты, судебные эксперты. Кроме того, в конце 1960-х гг. были живы непосредственные участники событий, например, Герману Сушону было всего 72 года [Der Spiegel 1967]. Собранные доказательства позволяли создателям фильма утверждать, что распоряжение, полученное от министра Г. Носке по телефону В. Пабст передал Г. Сушону, который и выстрелил в Р. Люксембург. Документалисты выяснили, что помог участникам убийства переехать в Голландию непосредственный участник событий 15 января 1919 г. – Вильгельм Канарис [Ertel 1969 URL]. (Так менялся образ В. Канариса как благородного интеллектуала, далекого от политических убийств, успешно визуализированный в послевоенном кинематографе ФРГ [Канарис 1954]). Вместе с тем, собранные свидетельства против избежавших наказания участников убийства были косвенными, поэтому спустя 50 лет после убийства привлечь их к ответственности не удалось.

В-третьих, публикация 1 мая 1969 г. в официальном органе СДПГ газете «Vorwärts» [Vorwärts 1969] об обнаружении письма сына К. Цеткин, Кости Цеткин²², адресованном Р. Люксембург, которое было присвоено одним из офицеров гвардейской дивизии в день убийства. Таким образом, стало известно время и место присвоения данного письма.

Уже после смерти заказчиков и исполнителей убийства в ФРГ были выпущены исследования, посвященные Г. Носке, В. Пабсту и другим участникам событий [Die Zeit 2009 URL].

²¹ В документальном фильме Д.Эртеля (1969 г.) на основании косвенных улик было выяснено, что выстрел в висок был произведен Г. Сушоном. Таким образом, фактически до своей смерти О. Рунге выгораживал тех участников убийства, которым удалось избежать наказания, и поддерживал уже известные обвинения.

²² Цеткин, Константин (нем. Konstantin Zetkin, 1885-1980) – сын Клары Цеткин, которого с Р. Люксембург связывали многолетние романтические отношения.

ПРОКУРОР

Союза Советских
Социалистических Республик

С. Е. КРЕТЕНКО 85
РАССЛАН

4 " октября 1945 г.

№ 20500 86

+ 67832 9-22
- 20.10.45

ЦК ВКП(б)

товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

ПОСЛЕДНИТ ВОЗВРАТИ
ВНОТРОВЬНО-АРХ.ЧАСТЬ

Представляю Вам копию донесения Военного Прокурора
Берлинского гарнизона с задержании и показаниях участника
убийства Розы ЛЮКСЕМБУРГ.

Я.С. Горшенин
К. ГОРШЕНИН

Стп. 2 кв.
№ 12371 МК
С.Х-45Г.

18 47 55 Ва
В НАЛИЧИИ

РГАСПИ Ф.17. Оп.128. Д. 39. Л.85.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР БЕРЛИНСКОГО ГАРНИЗОНА

" 13 " сентября 1945г.

№ 0972

ГЛАВНОМУ ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ ЮСТИЦИИ

тов. АФАНАСЬЕВУ Н.П.

13 июля 1945 года Берлинским оперсектором НКВД был арестован участник убийства Розы ЛЮКСЕМБУРГ - Отто РУНГЕ (проживал по документам Рудольфа Вильгельма), 1875 года рождения, уроженец г. Гестебизе (на Одере), по национальности немец, происхождения из крестьян, с образованием 8 классов, член НСДАП с 1933 года, проживавший в г. Берлин, Грайфен - Гагенерштрассе, 22, который с 1941 года находился на пенсии и нигде не работал.

Произведенным по делу расследованием установлено следующее:

Унтер-офицер кавалерийской дивизии Отто РУНГЕ, по распоряжению командира своего подразделения, 13 января 1919 года был направлен с 15-ю солдатами в гостиницу Эден (г. Берлин, Нюрнбергерштрассе, № 30) охранять штаб полка.

15 января, офицер штаба полка, капитан ПАВСТ приказал РУНГЕ лично стоять часовым с солдатом ДРАГЕР с 18.00 (по берлинскому времени) у главного входа гостиницы Эден. В 20.00 РУНГЕ и ДРАГЕР с поста смещены не были и по распоряжению генерала ГОСМАН, который в это время находился в штабе полка, они были оставлены на посту на неопределенное время.

В 20.45 к главному подъезду гостиницы Эден прибыла автомашина с четырьмя офицерами и Розой ЛЮКСЕМБУРГ, последняя была проведена офицерами в штаб полка. Примерно через 10 минут прибыла вторая автомашина с тремя офицерами и Карлом Либкнехтом, которого также эти офицеры проводили в штаб полка.

В это время, узнав об аресте Карла ЛИБКНЕХТА и Розы ЛЮКСЕМБУРГ, возле гостиницы Эден, начали собираться различные люди.

Тех. Ст. Об. Ц. (10)
Приложение и вх. № 67832

Допрос в советской военной прокуратуре

Новые источники об убийстве стали доступны в ходе Второй мировой войны. При разборе немецких трофейных документов и допросах свидетелей нацистского режима важное место отводилось получению сведений о судьбе коммунистических лидеров Германии, в том числе К. Либкнехта, Р. Люксембург, Э. Тельмана²³ и др. В 1945 г. советской военной прокуратуре в Берлине удалось допросить (за несколько недель до смерти) непосредственного участника событий – Отто Рунге, которому к тому времени исполнилось 70 лет. В 1982-1984 гг. во время подготовки издания писем Розы Люксембург Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ тесно сотрудничал с Центральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне – составная часть РГАСПИ). Однако предлагаемый сегодня документ не вошел в отборочный список документов, которые сопровождали пятитомное собрание писем Розы Люксембург.

4 октября 1945 г. прокурор СССР К.П. Горшенин представил Секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову копию донесения военного прокурора Берлинского гарнизона главному военному прокурору Красной армии от 13 сентября 1945 г. о показаниях участника убийства Розы Люксембург в 1919 г.²⁴ Документ позволяет проследить, как участники убийства пытались скрыть свое преступление и избежать наказания. В 1945 г. О. Рунге продолжал поддерживать версию событий, которая стала конвенциональной для всех его участников и была призвана исключить привлечение к ответственности реальных заказчиков и всех соучастников убийства.

Текст печатается без купюр. Восстановленные части слов (отдельные слова) помещены в квадратные скобки. Искаженные при переводе имена собственные указаны в тексте без изменений, правильное обозначение дано в сносках.

Копия:

Военный прокурор берлинского гарнизона
13 сентября 1945 г.

Секретно

№ 0972

экз. № ____

Главному военному прокурору Красной Армии
генерал-лейтенанту юстиции

тов.[арищу] Афанасьеву Н.П.

²³ РГАСПИ-6: переписка о розыске свидетелей о пребывании Э. Тельмана в заключении и допросах очевидцев в 1944 г. см., например, в личном фонде В.М. Молотова.

²⁴ Горшенин-Молотов 1945: 4 октября 1945г. К.П. Горшенин направил копию донесения наркому иностранных дел СССР, Секретарю ЦК ВКП (б) В.М. Молотову. Документ был опубликован в середине 1990-х гг., в том числе в английском переводе без комментариев.

13 июля 1945 года Берлинским опер[ативным]сектором НКВД был арестован участник убийства Розы Люксембург – Отто Рунге²⁵ (проживал по документам Рудольфа Вильгельма), 1875 года рождения, уроженец г.[орода] Гестебизе (на Одере) по национальности немец, происхождением из крестьян, с образованием 8 классов, член НСДАП с 1933 года, проживавший в г.[ороде] Берлин, Грайфен-Гагенштрассе, 22, который с 1941 года находился на пенсии и нигде не работал.

Произведенным по делу расследованием установлено следующее:

Унтер-офицер [гвардейской] кавалерийской дивизии Отто Рунге, по распоряжению командира своего подразделения, 13 января 1919 года был направлен с 15-ю солдатами в гостиницу «Эден» (г.[ород] Берлин, Нюрнбергенштрассе, №30) охранять штаб полка²⁶.

15 января офицер штаба полка капитан [Вальдемар] Пабст приказал [Отто] Рунге лично стоять часовым с солдатом Драгер с 18.00 (по берлинскому времени) у главного входа гостиницы «Эден». В 20.00 [Отто] Рунге и Драгер с поста сменены не были и по распоряжению генерала [Генриха фон] Гофмана, который в это время находился в штабе полка, они были оставлены на посту на неопределенное время.

В 20.45 к главному подъезду гостиницы «Эден» прибыла автомашина с четырьмя офицерами и Розой Люксембург²⁷, последняя была проведена офицерами в штаб полка. Примерно через 10 минут прибыла вторая автомашина с тремя офицерами и Карлом Либкнехтом²⁸, которого также эти офицеры проводили в штаб полка.

В это время, узнав об аресте Карла Либкнехта и Розы Люксембург, возле гостиницы «Эден» начали собираться различные люди.

После того, как К.Либкнехт и Р.Люксембург были введены в штаб полка, к О.Рунге подошел капитан [Хорст фон] Флюг-Гартунг²⁹ и спросил [Отто] Рунге: знает ли он привезенных в штатском женщину и мужчину, и, когда Рунге дал отрицательный ответ, [Хорст фон] Флюг-Гартунг сказал [Отто] Рунге, что это Карл Либкнехт и Роза Люксембург, что они являются вредными революционерами, бандитами, хотели свергнуть власть и стать сами у власти. Здесь же [Хорст фон] Флюг-Гартунг приказал [Отто] Рунге, когда выйдут К. Либкнехт и Р. Люксембург из гостиницы, застрелить их. На это [Отто] Рунге, якобы, ответил отказом, мотивируя тем, что возле гостиницы много людей и он, по неосторожности, может еще кого-либо застрелить. После этого [Хорст фон] Флюг-Гартунг пошел в штаб полка и вместо него пришел капитан [Вальдемар] Пабст, который приказал убить К.[арла]

²⁵ В тексте подчеркнуто красным карандашом.

²⁶ В тексте весь абзац выделен красным карандашом.

²⁷ В тексте подчеркнуто красным карандашом.

²⁸ В тексте подчеркнуто красным карандашом.

²⁹ В тексте подчеркнуто красным карандашом; Неточный перевод. Правильно – Пфлюгк-Хартунг.

Либкнехта и Р. [озу] Люксембург ударом приклада винтовки, на что [Отто] Рунге согласился³⁰. После ухода капитана [Вальдемара] Пабста из штаба полка вышел лейтенант [Вильгельм Франц] Канарис и заявил [Отто] Рунге, что если он не выполнит приказ, т.е. не убьет К.Либкнехт и Р. Люксембург, то его самого расстреляют³¹. [Вильгельм Франц] Канарис также ушел в штаб.

Когда [Отто] Рунге и Дрегер остались на посту вдвоем, последний заявил [Отто] Рунге, что, если им приказ не будет выполнен, то он, Дрегер, сам его выполнит и заколет штыком К.[арла] Либкнехта и Р.[озу] Люксембург, на что [Отто] Рунге ответил: «приказ дан мне и я его выполняю».

Через несколько минут из главного входа вышел директор гостиницы (фамилия его не установлена), он был справа, посередине шла Р.[оза] Люксембург, а слева был лейтенант [Курт] Фогель, который силой вытолкнул [Розу] Люксембург из гостиницы прямо на часового [Отто] Рунге. В этот момент [Отто] Рунге был приготовлен к совершению убийства и с размаха прикладом винтовки ударил [Розу] Люксембург по правой стороне лица и плечу, отчего последняя упала на землю, однако была жива и пыталась подняться. В это время из гостиницы вышли 4 солдата, которые вместе с лейтенантом [Куртом] Фогелем втащили Р.[озу] Люксембург в автомашину, в которой она была привезена в гостиницу, и сами сели в нее. Здесь же [Курт] Фогель вынул пистолет и выстрелил в голову Люксембург, труп ее увезли³² [Ertel 1969].

После этого из гостиницы вышли: капитан-лейтенант Флюг-Гартунг³³, его брат капитан [Хорст фон] Флюг-Гартунг³⁴, оберлейтенант [Ульрих фон] Ритхин³⁵, оберлейтенант [Генрих] Штиге, лейтенант Шульц, лейтенант [Рудольф] Липман, солдат Фридрих, и среди них был К.[арл] Либкнехт, которого они вместе с собой посадили в автомашину, стоявшую на противоположной стороне улицы, и уехали.

Через некоторое время на пост к [Отто] Рунге пришел лейтенант Круль, который приказал [Отто] Рунге немедленно идти на 2-й этаж гостиницы и там убить редактора коммунистической газеты «Роте Фане» Вильгельма Пика³⁶.

Круль привел [Отто] Рунге на 2-й этаж, где в коридоре стоял Вильгельм Пик, и сказал [Отто] Рунге, что если Вильгельм Пик будет

³⁰ В тексте подчеркнуто красным карандашом.

³¹ В годы Первой мировой войны Отто Рунге служил под командованием генерала Генриха фон Гофмана и капитана Вальдемара Пабста, поэтому угроза в его адрес, скорее всего, является домыслом, чтобы подчеркнуть принуждение к убийству.

³² На полях отчеркнуто красным карандашом.

³³ Неточный перевод. Правильно – Пфлюгк-Хартунг

³⁴ Неточный перевод. Правильно – Пфлюгк-Хартунг.

³⁵ Неточный перевод. Правильно – Ритген.

³⁶ В тексте подчеркнуто красным карандашом.

делать движение, то застрелить его, чем хотели инсценировать убийство при побеге из-под стражи.

Когда [Отто] Рунге и [Вильгельм] Пик остались в коридоре одни, последний обратился к [Отто] Рунге со словами: «солдат, не стреляй в меня, я хочу еще кое-что сказать твоему командованию», после чего [Отто] Рунге повел Вильгельма Пика в комнату к капитану [Вальдемару] Пабсту. Спустя несколько минут [Вальдемар] Пабст вывел В.[ильгельм] Пика в коридор и приказал [Отто] Рунге отконвоировать последнего в комендатуру. В пути, якобы, [Отто] Рунге отпустил Вильгельма Пика, возвратился в штаб и доложил лейтенанту Гервиц, что он, [Отто] Рунге, заболел и отпустил [Вильгельма] Пика, т.к. не мог его конвоировать³⁷.

Примерно в 22.30 в штаб приехал лейтенант [Курт] Фогель, который рассказал, что тело Р.[озы] Люксембург они бросили в р.[еку] Шпрее.

В 23.00 приехала вторая машина и офицеры, увозившие из гостиницы К. Либкнехта, рассказали, что они последнего повезли по дороге около зоологического сада, там инсценировали поломку автомашины, остановили ее и все из нее вышли. Затем лейтенант Шульц, вынув из кармана пиджака [Карла] Либкнехта перочинный нож, сделал себе порез на руке и после этого застрелил Карла Либкнехта, чем пытались изобразить³⁸, что [Карл] Либкнехт был убит при попытке к бегству, во время которого причинил ранение Шульцу.

16 января [Отто] Рунге был приглашен в штаб полка, где капитан [Вальдемар] Пабст отдал [Отто] Рунге распоряжение: безвыходно находится в квартире лейтенанта [Рудольфа] Липмана до получения необходимых до отъезда документов.

Через 8 дней лейтенанты [Вильгельм Франц] Канарис и [Рудольф] Липман вручили [Отто] Рунге фальшивые документы на имя Кранкервертер Динвальда и предложили ему выехать в г.[ород] Флецбург, дав [Отто] Рунге при этом 1000 марок.

В г.[ороде] Флецбурге [Отто] Рунге прожил до 11 апреля 1919 года, а затем к нему на квартиру прибыли 2 сотрудника криминальной полиции, которые предложили [Отто] Рунге ехать с ними в г.[ород] Берлин.

По пути следования в г.[ород] Берлин, в поезде, эти работники криминальной полиции объяснили [Отто] Рунге, что они его везут на судебный процесс по делу убийства К.[арла] Либкнехта и Р.[озы] Люксембург, где он должен отрицать свою причастность к их убий-

³⁷ Абзац в тексте отчеркнут на полях синим карандашом. В интервью журналу «Der Spiegel» В. Пабст заявил, что он отпустил В. Пика, якобы, в обмен на предоставленную информацию.

³⁸ В тексте на полях отчеркнуто красным карандашом.

ству, заявляя, что в это время он, [Отто] Рунге, находился в г.[ороде] Флецбурге.

С прибытием в г.[ород] Берлин [Отто] Рунге был заключен 13 апреля [1919 г.] в тюрьму, а 8 мая [1919 г.] начался судебный процесс, продолжавшийся до 14 мая.

На допросе от 9 июня 1945 года Отто Рунге показал:

«За время пребывания в тюрьме, перед процессом, ко мне в камеру приходили адвокат Гринзбах и судья Генц и делали мне инструктаж, как я должен держать себя на судебном процессе. Они мне говорили, чтобы я всю вину принял на себя и не замешивал бы в это дело офицеров. Я должен был заявить на процессе, что убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта совершено мною по личной инициативе, при невменяемом состоянии».

На допросе 14 сентября 1945 года Отто Рунге показал:

«После того, как я ответил на вопрос судьи Генца, что я убил Розу Люксембург и Карла Либкнехта по собственной инициативе в невменяемом состоянии, других вопросов мне уже не задавалось».

И далее:

«Невменяемости в действительности у меня никакой не было, я вполне был нормальным человеком и отвечал за свои поступки как здравый человек. До судебного процесса я трижды посылался на судебно-медицинскую экспертизу и медицинско-судебные советники – врачи Лепман и Штрасмон – дали заключение о моей невменяемости».

После того, как офицеры, действительно участвовавшие в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, на вопрос суда ответили, что они Отто Рунге не давали приказа на совершение убийства, в зале раздались из публики возгласы и заявления, что офицеры дают неправильные показания, т.к. непосредственные убийцы были они, а [Отто] Рунге был лишь орудием в их руках. Судья Генц прекратил судебное разбирательство, удалил всю публику из зала, и заседание продолжалось при закрытых дверях.

Этим судом [Отто] Рунге [был] приговорен к 25-[ти] месяцам тюремного заключения, а все офицеры были оправданы.

Отбывая наказание в тюрьме, примерно в ноябре 1919 г., к [Отто] Рунге явился некий полковник Апштет, которому [Отто] Рунге рассказал всю правду об убийстве Розы Люксембург и Карла Либкнехта. При этом полковник Апштет составил протокол допроса [Отто] Рунге и заявил последнему, что этот протокол будет представлен председателю Высшего Военного Суда для повторного рассмотрения дела и оправдания [Отто] Рунге.

31 января 1920 года, по решению Высшего Военного Суда [Отто] Рунге был из тюрьмы освобожден и остался проживать дома в ожидании повторного судебного процесса³⁹.

5 февраля 1920 года на квартиру [Отто] Рунге пришли 3 сотрудника полиции и директор Управления штрафного тюремного корпуса Геперт, последний сказал [Отто] Рунге, что по делу убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта будет возбужден новый судебный процесс, где [Отто] Рунге будет выступать как свидетель, а офицеры, участвовавшие в убийстве как обвиняемые. Однако, якобы, из политических соображений [Отто] Рунге должен опять быть заключен в тюрьму. Тут же Геперт отобрал у [Отто] Рунге бумагу об освобождении его Высшим Верховным Судом от отбытия наказания, и [Отто] Рунге полицейскими был отправлен в тюрьму, где и просидел до 24 мая 1921 года, не дождавшись возобновления судебного процесса по делу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

В связи с тем, что редактор одной из газет, некий Борнштейн⁴⁰ поместил статью в газете о неправильном приговоре, вынесенном судьей Генц в 1919 году по убийству Карла Либкнехта и Розы Люксембург, возник судебный процесс, на котором Рунге выступал в качестве свидетеля.

На допросе 8 августа [1945] года Отто Рунге показал:

«Примерно за 8 дней до начала процесса над судьей Генц ко мне приходили двое неизвестных, которые предлагали 10 000 марок за то, чтобы я на этом процессе давал бы показания об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург такие же, как я давал в 1919 г. Фамилии эти неизвестные мне не сказали, но сказали, что они пришли по просьбе самого Генца. От их предложения я отказался».

На этом же допросе Рунге показал:

«На судебном процессе по делу судьи Генца я рассказал всю истинную правду, как в действительности произошло убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург и о попытке убить Вильгельма Пика».

По делу судьи Генц в качестве свидетеля выступил Вильгельм Пик.

За вынесение неправильного приговора по делу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург в 1919 году, якобы, судья Генц после судебного процесса в 1929 году был снят с должности Верховного прокурора Германии.

Более тщательно исследовать вопрос обстоятельств убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, несмотря на мои письменные указания по настоящему делу, не представилось возможным, т.к. других непосредственных виновников убийства и свидетелей обнаружить следствию не удалось, а состояние здоровья Рунге во второй половине ав-

³⁹ Абзац в тексте отчеркнут на полях красным карандашом.

⁴⁰ Слово в тексте на полях отчеркнуто красным карандашом.

густа резко ухудшилось и 1 сентября Рунге, от резко выраженных возрастных изменений, умер. (Рунге родился в 1875 г.)

П.п. Военный прокурор Берлинского гарнизона,
полковник юстиции (Котляр) [Николай
Михайлович] [Котляр 1981]

Верно: Е.Федорова⁴¹.

Заверенная копия. Машинопись, рукописные пометки красным и синим карандашами.

РГАСПИ Ф.17. Оп.128. Д. 39. Л.85-91.

Вместо заключения

Фальсификация первого расследования позволила избежать наказания не только организаторам убийства, но и большинству его участников. Непосредственные участники убийства до конца жизни поддерживали его конвенциональную версию, которая в число участников событий включала только тех лиц, кому обвинение было предъявлено в рамках первых слушаний, а не всех реальных организаторов и участников убийства. Изначально размытый образ события позволял его по-разному интерпретировать политическими группами, которые разделяли различные убеждения. Факт политического убийства был использован, с одной стороны, правящей партией Советской России как один из поводов для усиления политического террора в собственной стране; с другой стороны, оппонентами советского режима в рамках риторики его обвинения. Каждая новая интерпретация события дедуктивно изменяла сложившиеся исторические образы его участников.

Список источников и литературы

Архив ВЧК 2007 – Протокол заседания Президиума от 9 января 1919 г. // Архив ВЧК. Сборник документов. / отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров; сост.: В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М.: Кучково поле, 2007. 720 с.

Горшенин-Молотов 1945 – 'If You Do Not Follow the Order You Will Be Shot' New facts about the murder of Karl Liebknecht and Rosa Luxemburg. URL: <http://revolutionarydemocracy.org/rdv5n1/luxemburg.htm> (дата обращения: 18.11.2018).

Канарис 1954 – Canaris (1954). Режиссер – Вайдман А.

Котляр 1981 – Котляр Н. М. Именем закона. М.: Воениздат, 1981. 221 с.

⁴¹ Автограф Федоровой Е.

- РГАСПИ 1** – РГАСПИ В.И. Ленин. Ф.2, Ф.4 и Ф.5; РГАСПИ. Либкнехт Карл. Ф.210. Оп.1-2; РГАСПИ. Люксембург Роза. Ф.209. Оп.1-2.; РГАСПИ. Радек (наст. Собельсон) Карл Бернадович. Ф.326. Оп.1-2; РГАСПИ. Исполком Коминтерна. Ф.495.
- РГАСПИ-2** – РГАСПИ. Исполком Коминтерна. Ф.495.
- РГАСПИ-3** – РГАСПИ. Зиновьев Григорий Евсеевич (1883-1936 гг.)- Ф. 324. Оп.1. Д.448. 449-452.
- РГАСПИ-4** – РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.318. Л.34.
- РГАСПИ-5** – РГАСПИ. Ф.210. Оп.1. Д.1568, 1571, 1572, 1568, 1576, 1581, 1590, 1773.
- РГАСПИ-6** – РГАСПИ Ф.82. Оп. 2. Д. 1162. Л. 42-49, 50-52, 54-56, 60-63.
- Фельштинский 1997** – Фельштинский Ю. Кому мешали Карл Либкнехт и Роза Люксембург. (15 августа 1997 г.). URL: https://zn.ua/SOCIETY/komu_meshali_karl_libkneht_i_roza_lyukse mburg.html (дата обращения: 15.12.2018).
- Шебаршин 1992** – Шебаршин Л. В. Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. М.: Центр-100, 1992. 350 с.
- Der Spiegel 1962** – «Ich Lies Rosa Luxemburg Richten» // Der Spiegel. №16. 18 апреля 1962 года. S.38-47.
- Der Spiegel 1967** – «Zeitgeschichte Llibknecht – Luxemburg der dritte Mann» // Der Spiegel. № 8. 13 февраля 1967 года. S.40-43.
- Der Spiegel 1969-1** – Prozess Luxemburg-Mord. Schuss auf Dingzda // Der Spiegel. №1. 6 января 1969 года. S.34.
- Der Spiegel 1969-2** – Nigeria-Sowjet-Union. Die hand Moscaus // Der Spiegel. №6. 3 февраля 1969 года. S. 94.
- Die Zeit 2009** – Ullrich V. Die Noske-Pabst-Connection // Die Zeit. №4. 15 января 2009 года. URL: <https://www.zeit.de/2009/04/P-Gietinger> (accessed: 19.11.2018).
- Die Zeit 2014** – Dieckmann Ch. Rosa Luxemburg // Die Zeit. № 8. 13 января 2014 года. URL: <https://www.zeit.de/2014/08/rosa-luxemburg-erster-weltkrieg-pazifismus> (accessed: 19.11.2018).
- Ertel 1969** – Der Fall Liebknecht-Luxemburg (ТВ), 1969. URL: <http://kinosite.pw/film/id363506-der-fall-liebknecht-luxemburg> (accessed: 19.11.2018).
- Library** – Lists of Banned Books, 1932-1939. URL: www.library.arizona.edu/exhibits/burnedbooks/documents.htm (accessed: 18.11.2018).
- Vorwärts 1969** – Vorwärts 1969 от 1 мая 1969 года.

References

- Архив VChK 2007** – Protokol zasedanija Prezidiuma ot 9 janvarja 1919 g. // Архив VChK. Sbornik dokumentov. / Otv. red.

- V. Vinogradov, A. Litvin, V. Hristoforov; sost.: V. Vinogradov, N. Peremyshlennikova. M.: Kuchkovo pole, 2007. 720 s.
- Gorshenin-Molotov 1945** – 'If You Do Not Follow the Order You Will Be Shot' New facts about the murder of Karl Liebknecht and Rosa Luxemburg. URL: <http://revolutionarydemocracy.org/rdv5n1/luxembrg.htm> (data obrashhenija: 18.11.2018).
- Kanaris 1954** – Canaris (1954). Rezhisser – Vajdeman A.
- Kotljarski 1981** – Kotljarski N. M. Imenem zakona. M.: Voenizdat, 1981. 221 s.
- RGASPI 1** – RGASPI V.I. Lenin. F.2, F.4 i F.5; RGASPI. Libkneht Karl. F.210. Op.1-2; RGASPI. Ljuksemburg Roza. F.209. Op.1-2.; RGASPI. Radek (nast. Sobel'son) Karl Bernardovich. F.326. Op.1-2; RGASPI. Ispolkom Kominternu. F.495.
- RGASPI-2** – RGASPI. Ispolkom Kominternu. F.495.
- RGASPI-3** – RGASPI. Zinov'ev Grigorij Evseevich (1883-1936 gg.)- F. 324. Op.1. D.448. 449-452.
- Fel'shtinskij 1997** – Fel'shtinskij Ju. Komu meshali Karl Libkneht i Roza Ljuksemburg. (15 avgusta 1997 g.). URL: https://zn.ua/SOCIETY/komu_meshali_karl_libkneht_i_roza_lyuksemburg.html (data obrashhenija: 15.12.2018).
- RGASPI-4** – RGASPI. F.17. Op.125. D.318. L.34.
- RGASPI-5** – RGASPI. F.210. Op.1. D.1568, 1571, 1572, 1568, 1576, 1581, 1590, 1773.
- RGASPI-6** – RGASPI F.82. Op. 2. D. 1162. L. 42-49, 50-52, 54-56, 60-63.
- Shebarshin 1992** – Shebarshin L.V. Ruka Moskvu. Zapiski nachal'nika sovetskoj razvedki. M.: Centr-100, 1992. 350 s.
- Der Spiegel 1962** – «Ich Lies Rosa Luxemburg Richten» // Der Spiegel. №16. 18 aprilja 1962 goda. S.38-47.
- Der Spiegel 1967** – «Zeitgeschichte Liebknecht – Luxemburg der dritte Mann» // Der Spiegel. № 8. 13 fevralja 1967 goda. S.40-43.
- Der Spiegel 1969-1** – Prozess Luxemburg-Mord. Schuss auf Dingzda // Der Spiegel. №1. 6 janvarja 1969 goda. S.34.
- Der Spiegel 1969-2** – Nigeria-Sowjet-Union. Die hand Moscaus // Der Spiegel. №6. 3 fevralja 1969 goda. S. 94.
- Die Zeit 2009** – Ullrich V. Die Noske-Pabst-Connection // Die Zeit. №4. 15 janvarja 2009 goda. URL: <https://www.zeit.de/2009/04/P-Gietinger> (accessed: 19.11.2018).
- Die Zeit 2014** – Dieckmann Ch. Rosa Luxemburg // Die Zeit. № 8. 13 janvarja 2014 goda. URL: <https://www.zeit.de/2014/08/rosa-luxemburg-erster-weltkrieg-pazifismus> (accessed: 19.11.2018).
- Ertel 1969** – Der Fall Liebknecht-Luxemburg (TV), 1969. URL: <http://kinosite.pw/film/id363506-der-fall-liebknecht-luxemburg> (accessed: 19.11.2018).

Library – Lists of Banned Books, 1932-1939. URL: www.library.arizona.edu/exhibits/burnedbooks/documents.htm (data obrashhenija: 18.11.2018).

Vorwärts 1969 – Vorwärts 1969 ot 1 maja 1969 goda.

УДК 94(450).094

DOI 10.26170/vvi19-01-09

Код ВАК 07.00.03

*Э. А. Замов**

Б. МУССОЛИНИ О ВОЙНЕ

Статья посвящена анализу взглядов Б. Муссолини на феномен войны. Этот лидер, добившийся определенных успехов в реформировании экономики, руководил также вооруженными силами и до начала Второй мировой войны укрепил позиции Италии в мировой политике. В статье прослеживается связь взглядов Муссолини на войну с военными теориями как современности, так и древности. В условиях неопределенности в системе международных отношений его идеи не могут не представлять интереса.

Ключевые слова: корпоративизм, фашизм, нацизм, политические деятели, политическая история, Вторая мировая война.

Eduard A. Zamov

B. MUSSOLINI ABOUT THE WAR

The article is devoted to the analysis of Mussolini's views on the phenomenon of war. This leader, who achieved some success in reforming the economy, also led the armed forces and before the second world war strengthened Italy's position in world politics. The article traces the connection of Mussolini's views on the war with the military theories of both modernity and antiquity. In the context of uncertainty in the system of international relations, his ideas can not be of interest.

Keywords: corporateism, fascism, Nazism, political figures, political history, World War II.

Замов Эдуард Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Департамента международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Eduard A. Zamov, Associate Professor of Oriental studies of Department of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltzin, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: ZamovEA@yandex.ru.

© Замов Э. А., 2019

Современный период мировой истории – период нарастания нестабильности. Во времена биполярного мира система международных отношений отличалась относительной предсказуемостью и наличием определенных правил игры. Крах Ялтинской системы привел к расширению пространства альтернатив поведения государств, но в то же время сделал мировую политику крайне запутанной. В этих условиях интерес к военной политике недемократических государств представляется оправданным и, в первую очередь это касается фашистской Италии и ее лидера, занимавшего кроме поста премьер-министра, еще и пост министра обороны. Речь идет о Б. Муссолини.

В первом же своем выступлении Муссолини предупредил: «Договоры не являются ни вечными, ни непоправимыми: это главы истории, не составляющие эпилог истории. Выполнять их – значит их опробовать. Если через их выполнение выявится их абсурдность, это может создать новый факт, который открывает возможность пересмотра соответствующих позиций» [Mussolini 1922 URL].

В 1923 г. Муссолини так определил сущность своей внешней политики: «Разница между либеральным и фашистским государствами состоит именно в том, что фашистское государство не только защищает, но и атакует» [Mussolini 1923 URL]. Такой подход Муссолини обосновывал следующим образом: «Я вижу мир таким, каким он на самом деле является: миром разнузданного эгоизма. Если бы мир был одной белой Аркадией, было бы, возможно, приятно чувствовать себя среди нимф и пастухов; но я не вижу ничего этого, и когда поднимают большие флаги великих принципов, я вижу за этими шторами более или менее уважаемые другими интересы, теми, кто пытаются утвердиться в мире» [Ibidem]. В данном случае воззрения Муссолини основаны на взглядах Т. Гоббса.

В начале своего правления Муссолини демонстрировал показное миролюбие: «Какова была предпосылка моей внешней политики? Предпосылкой моей внешней политики является очень простая формула: Италия нуждается в длительном периоде покоя, вся Европа, весь мир, но также и Италия; я осмелюсь сказать, особенно это касается Италии, потому что Италия – это народ, который понес колоссальные жертвы... Италия – бедная страна. Начну со следующего. Мы понесли огромные жертвы, и у нас сто миллионов лир долгов. Это не должно быть забыто, хотя может показаться неприятным воспоминанием. Политика мира. Я говорю о договорах. Я заявляю, что с ноября 1922 г., великий Народ, великая держава, какой, конечно, является Италия, не может иметь другого подхода: договоры должны соблюдаться всегда, при условии, что эти договоры имеют подписи представителей Италии» [Mussolini 1924 URL]. Данный миролюбивый пассаж содержит в себе зловещую оговорку: Муссолини не настаивает на вечном мире, а говорит лишь о длительном периоде мира.

В 1925 г. Муссолини произнес речь, посвященную реформе армии. В ней он последовательно высказался за сохранение постоянной армии: «Вооруженный Народ? Я против этого. Я бы не хотел, чтобы страна, вооруженная в мирное время, превратилась бы в разоруженную во время войны. Не надо думать, что то, что хорошо для Швейцарии, которая имеет специфическую географию, своеобразную историю и уникальную дипломатическую ситуацию, может быть хорошо для Италии. Всеобщее вооружение народа в Швейцарии имеет многовековые традиции. Не надо впадать в эксперименты, приключения. Народ в мирное время следует рассматривать как вооруженный духовно, но это никогда не заменит то, что называется постоянной армией» [Mussolini 1925 URL]. Данная позиция Муссолини объясняется не только и не столько его неуверенностью в лояльности населения (в 1925 г. режим только достраивался, и в стране была легальная оппозиция в парламенте, консолидированная в Авентинский блок), сколько его желанием купить лояльность генералитета, оставив за ним монополию на вооруженную силу.

В той же речи Муссолини, говоря о развитии родов войск, подчеркнул: «Не надо видеть только один род войск, не нужно видеть только армию, только флот или только авиацию: это видение было бы однобоким и недостаточным; это может привести завтра... к серьезной опасности» [Ibidem]. В будущем Муссолини признает флот ведущим родом войск, и это говорит о том, что он считал главным противником Италии Великобританию.

Будущую войну Муссолини видел в первую очередь как конфликт машин, а не людей: «Машины вы можете сделать в большом количестве и быстро, а вот людей нет... Все больше растут человеческие потери в войнах и поэтому более необходимо использование машин» [Mussolini 1926 URL]. Примечательно, что рост значения военной техники Муссолини связывал с падением населения в странах Запада, а не с техническим прогрессом. В 30-е гг. Муссолини будет больше говорить о моральном факторе войны, отдавая техническому ничтожную роль.

В начале своего правления Муссолини проявлял умеренность в формировании вооруженных сил: «Организация армии является результатом компромисса между потребностями вооруженных сил и возможностями Италии. С этой точки зрения нельзя считать что-либо окончательным. Я, например, был бы рад, если завтра финансы позволят мне увеличить число дивизий. Но если финансы Италии найдутся в сложных условиях, нужно тщательно соразмерить наши усилия, поскольку финансы есть основа нации: если финансы здоровы, прочны и сохранены, то сохранится все; если финансы запущены, в запустении вся нация» [Ibidem]. В данном случае Муссолини продолжает линию

Суныцзы и Мэнцзы, настаивавших на первичности развития экономики страны, но не вооруженных сил.

Спустя два года после заключения Локарнских соглашений Муссолини констатировал: «Господа, „дух Локарно“, сегодня, два года спустя, представляется полностью выдохшимся. Я констатирую это без намерения спорить с кем-либо; напрашивается аналогия между шумом раковины и ревом настоящего океана. Видимо, это все же разные вещи. Что же случилось? Случилось то, что народы, скажем так, локарнистские, вооружаются яростно на суше и на море; случалось, что некоторые из этих народов осмеливались даже говорить о войне во имя бессмертных принципов демократии против неуничтожаемой фашистской, демократической, антилиберальной, антисоциалистической и антимаасонской Италии» [Mussolini 1927 URL]. В данном случае Муссолини придерживается внешне пацифистской позиции – мы вооружаемся, поскольку вооружаются другие. Здесь он выступает в первую очередь против Франции, сохраняющей (номинально) сильнейшую армию в мире. Впрочем, далее он утверждает: «Господа, недавно в Берлине состоялся большой парад с участниками в пикельхаубах⁴². участвовали 120000 человек, и это не имеет большого значения, но один из плакатов гласил: «От Триеста до Риги». Сумасшествие, парадокс, ... как хотите: но это факт. Что тогда? Тогда стоит считать важнейшим долгом фашистской Италии укрепление всех своих вооруженных сил на земле, море и небе. Необходима способность в определенный момент мобилизовать пять млн мужчин, при необходимости вооруженных, надо укрепить наш флот, и мы должны сделать нашу авиацию, в которую я верю все больше и больше, такой многочисленной и столь мощной, что шум ее двигателей покроет любой другой шум на полуострове и поверхность ее крыльев закроет солнце на нашей земле. Мы сможем тогда, в будущем, когда в период между 1935 и 1940 гг. настанет момент решающего значения в европейской истории, мы сможем заставить услышать наш голос и увидеть, наконец, признанными наши права» [Mussolini 1927 URL]. Обращает на себя внимание точность прогноза, сделанного Муссолини. Здесь он еще рассматривает войну как печальную необходимость, но в будущем он станет рассматривать войну как явление, положительное для народа.

В 1928 г. Муссолини занял сверхжесткую позицию в вопросе о сокращении вооружений: «1) взаимозависимость ограничений каждого вида вооружения; 2) пропорции вооружений не должны быть основаны на статус-кво; 3) ограничения вооружений Италии не могут иметь абсолютного характера, но должны быть связаны ограничениями вооружений других государств (паритет со страной континентальной

⁴² Пикельхаубе (нем.) – кожаный шлем с «пикой» сверху. Муссолини имеет в виду манифестацию немецких фронтовиков. (Примеч. ред.)

Европы, имеющей наибольшую армию); 4) итальянское Правительство заявляет, что готово признать в качестве предела своих вооружений любые цифры, даже самые низкие, при условии, что их не превысит никакая другая держава континентальной Европы; 5) методы, которые нужно использовать для осуществления ограничения вооружений, должны отличаться максимальной простотой и не предусматривать необходимость внешнего контроля» [Mussolini 1928 URL]. В данном случае Муссолини выдвигает заведомо невыполнимые требования, предполагая для Италии возможность иметь армию, не только равную французской, но и РККА.

Воззрения Муссолини на развитие вооруженных сил были predeterminedены не столько идеологией фашизма, сколько геополитическим положением Италии. В 1929 г. он указал: «Наряду с армией, Режим прилагает значительные усилия для Флота. Надо учитывать, что флот в мирное время является элементом, который устанавливает иерархию между Государствами» [Mussolini 1929 URL]. Для страны, 90 процентов границ которой являются морскими границами, данный подход не только оправдан, но является единственно необходимым. Внешнюю политику Муссолини предполагал проводить с политики силы: «Надлежащие вооруженные силы и здоровые финансы есть предпосылка внешней политики государства» [Ibidem]. В данном случае Муссолини не обладал приоритетом, достаточно вспомнить Теодора Рузвельта с его «большой дубинкой».

В 1930 г. Муссолини отмечал: « Фашистская Италия, соответственно, вооружается потому, что вооружаются все. Она разоружится, если разоружатся все. Повторяю, до тех пор, пока у нас будут пушки, другие страны будут самыми миролюбивыми из миролюбивых, но часто слова недостаточны. Когда слова будет достаточно, чтобы регулировать отношения между народами, то я готов признать, что слово это божественное. В любом случае ясно, что мы вооружимся, материально и духовно, ради обороны, не для нападения. Фашистская Италия никогда не начнет войну. Наша же политика ревизии договоров – начатая не вчера, но с июня 1928 г. – направлена на то, чтобы избежать войны и создать экономику, огромную экономику войны. Пересмотр мирных договоров представляет интерес, в основном, не для итальянцев, но для европейцев и для всего мира» [Mussolini 1930 URL]. И далее: «Те, кто заседает в Женеве, создали и хотят вечно сохранять две категории государств: вооруженных и безоружных. Какой правовой и моральный паритет может существовать между вооруженным и безоружным? Как вы можете утверждать, что эта комедия продлится бесконечно, когда главные герои начали проявлять усталость?» [Ibidem]. Однако после подобных миролюбивых деклараций Муссолини предупредил: «Что касается нашей политики на Дунае и восточнее Италии, то она будет диктоваться жизненными соображениями. Мы будем использовать

всю нашу территорию до последнего куска. То, что мы делаем, это гигантское дело. Но территория в какой-то момент будет полностью заселена, наше население растет, и этого мы желаем, этим мы гордимся, потому что жизнь называется жизнь. В 1950 г. Европа будет морщинистой и сморщенной. Единственной страной молодых людей будет Италия» [Ibidem]. Муссолини предупредил Англию и Францию о неизбежной экспансии Италии на Восток, хотя и заверил, что эта экспансия не будет осуществляться за счет этих держав. При этом он старался запугать эти державы, намекая на возможность сближения со странами, настроенными на пересмотр Версальской системы.

1 августа 1931 г. Муссолини провозгласил: «Но я хочу добавить, что фашистское Правительство, фашистский Режим, фашисты хотят мира. Мы хотим мира со всеми Государствами, с теми, кто далеко и с теми соседями, кто находится рядом. Мы хотим этого не потому, что боимся рисков войны и тягот боев, а потому, что мы чувствуем большую усталость, и мы хотим как можно скорее избавить итальянский народ от трудностей и от дискомфорта настоящего времени, поскольку мы, фашисты, работаем прежде всего для народа, и в отношении народа мы имеем не только права, но и обязанности» [Mussolini 1931 URL]. В условиях начала экономического кризиса в Италии (ее экономика после начала великой депрессии в 1929 г. смогла продержаться еще два года), Муссолини вынужден был выступать в качестве пацифиста. Правда, в том же году он отметил, говоря о вступлении Италии в Первую мировую войну в мае 1915 г.: «То был май, в течение которого закончилась история профессоров, и начинается История итальянского Народа» [Mussolini 1931-2 URL]. Сама теория войны как ведущего фактора этногенеза формулировалась еще французскими историками-романтиками периода Реставрации.

В речи, обращенной к офицерам итальянской армии после маневров 27 августа 1932 г., Муссолини подчеркивал: «Стратегия, впрочем, есть не что иное, как аспект политики. Нельзя вообразить себе стратегию в отрыве от политических директив Великого Государства. Но лишь через большие маневры можно привести доктрину в контакт с реальностью. Необходимо пересекать горы и реки не только на карте, и необходимо бороться с неизбежными трудностями местности и военной жизни. Но, в основном, большие маневры полезны для того, чтобы проверить моральную стойкость людей, чтобы увидеть их соответствие требованиям, каково их физическое состояние, как и их моральная эффективность» [Mussolini 1932 URL]. В данном случае Муссолини, следуя в русле взглядов К. Клаузевица, рассматривает войну как часть политики. В то же время война будущего предстает перед ним не как война технологий, а война как моральный конфликт в первую очередь. В своих выступлениях Муссолини постоянно говорит

именно о моральном состоянии войск, видя в нем главный залог грядущих побед.

13 апреля 1933 г. Муссолини заявил: «У меня были иногда возможности объявить, что мирные договоры не вечны. Это я сказал в первый раз в качестве депутата, а затем в качестве Главы Правительства в речах или интервью. Считаю, что, по меньшей мере, странным было бы испытывать эмоции перед самоочевидной истиной. Это не доктрина; это историческая реальность. Ни один договор никогда не был вечен, поскольку мир находится в движении, народы образуются, растут, входят в упадок, иногда умирают; вечный договор будет означать, что в данный момент времени человечество войдет в процесс мумификации и станет мертвым» [Mussolini 1933 URL]. И далее: «Мирные договоры являются священными, если являются результатом славных и кровавых усилий, созданы периодами великих жертв и больших горестей; но мирные договоры не являются результатом божественной справедливости, а интеллектуальной деятельности человека, и подвергаются, особенно в результате войны, гигантским изменениям. Есть ли кто-то, кто осмелится утверждать, что мирные договоры являются идеальной работой? Работа человека, не идеальна, но, добавлю, все больше и больше совершенствуется. И, более того, серьезные осложнения ждут нас, если мы будем избегать пересмотров мирных договоров там, где они заслуживают быть пересмотрены, пересмотры дадут нам новый, более прочный мир» [Ibidem]. Данные воззрения несомненно имеют источником концепции О. Шпенглера и в меньшей степени К. Маркса (бывший социалист и редактор газеты «Аванти!»), Муссолини все же не оставался полностью чужд Марксу).

В речи, обращенной к войскам по поводу завершения маневров 25 августа 1934 г., Муссолини провозгласил: «Никто в современной Европе намеренно войны не желает. Меньше, чем кого-либо, это касается Италии, и она дал бесчисленное количество доказательств этого. Тем не менее, война, возможно, может вспыхнуть внезапно, с минуты на минуту. В некоторых дальних странах она уже идет. Даже в Европе, в конце июля, резко изменившаяся ситуация напомнила нам о возможности повторения 1914 года» [Mussolini 1934 URL]. В данном случае Муссолини выступает как пацифист, рассматривающий войну как печальную неизбежность, которой можно избежать. Июль 1934 г. – время кризиса в Австрии, связанного с убийством канцлера Э. Дольфуса. Сравнительно мягкий тон диктатора связан с относительной изоляцией тогдашней Италии и практическим отсутствием у нее союзников.

Далее Муссолини утверждает: «Поэтому не надо быть готовым к войне завтрашней, но надо готовиться к войне сегодняшней. Нам весело и интересно все больше и больше, потому что мы хотим военной Нации. Потому что мы не боимся слов, добавлю: милитаристской Нации. Для завершения добавлю: воинской, т. е. находящейся в состо-

янии более высокой добродетели послушания, самопожертвования, преданности к Родине. Это означает, что вся жизнь Нации, политическая, экономическая, духовная, должна быть устремлена к нашим военным потребностям. Война является кассационным судом между народами. И поскольку народы еще не кристаллизованы, но следуют своей силе и своему историческому динамизму, отсюда следует, что, несмотря на все конференции, все протоколы и все более или менее жалкие и благие намерения, можно прогнозировать, что война, появившаяся в начале истории человека, будет сопровождать нас еще в течение многих будущих веков» [Ibidem]. В данном случае Муссолини придерживается философии позитивизма. По его мнению, причины войны неизвестны, но рано или поздно народы придут к мирной эпохе, и история завершится. Италия будет вести исключительно оборонительные войны. Примечательно, что в 1939 г. Муссолини изменит свою позицию и будет рассматривать войну как событие неизбежное, но положительное для человечества. Впрочем, показательно, что в отличие от О. Шпенглера или А. Гитлера, Муссолини постоянно рассуждает об общечеловеческой цивилизации.

2 октября 1935 г. Муссолини произносит речь, посвященную мобилизации в связи с итало-эфиопской войной. Мобилизация «... должна показать и доказать всему миру, что Италия и Фашизм представляют собой идентичность совершенную, абсолютную, незыблемую» [Mussolini 1935 URL]. Далее он утверждал: «В течение многих месяцев колесо судьбы, под влиянием нашей спокойной решимости, движется к цели: в эти часы его скорость все быстрее и его не остановить теперь!» [Ibidem]. Идея достижения абсолютно совершенного государства здесь явно исходит от гегелевской философии. Концепция же судьбы как двигателя истории проистекает из древнегреческой философии истории, ставившей волю судьбы выше воли богов. Оправдывая вступление Италии в войну с Эфиопией, Муссолини утверждал: «Когда в 1915 г. Италия бросилась в авантюру и связала свою судьбу с союзниками, сколько было восторгов в связи с нашим мужеством и сколько обещаний! Но, после общей Победы, в которую Италия вложила 670 тыс. погибших, 400 тыс. искалеченных и млн раненых, за столом мира Италии не досталось ничего, кроме крошек от богатого колониального пирога» [Ibidem]. Для оправдания войны Муссолини, таким образом, использует категорию справедливости.

Субъектом истории Муссолини считает народ: «Это не только армия которая стремится к своей цели, но народ, все 44 млн душ, против которого вы пытаетесь применять все больше черной несправедливости, не давая ему получить немного места под солнцем» [Ibidem]. В данном случае это продолжение идей революций XVIII в.

Важной антиценностью для Муссолини являлся эгоизм, как национальный, так и индивидуальный. Например, он отмечает: «Эко-

номическим санкциям противостоит наша дисциплина, наша трезвость, наш дух самопожертвования» [Ibidem]. Тяготение к коллективности, склонность ставить коллективное выше частного связана со стремительной индустриализацией западноевропейского общества, ставившей индивида, ушедшего из деревни в город, вне устойчивой гарантии бытия, которую ему ранее предоставляла обработка земли.

Кроме того, он в своеобразной форме апеллирует к «бремени белого человека»: «Я отказываюсь верить, что народ Британии, у которого никогда не было разногласий с Италией, будет готов к риску направить Европу на путь катастрофы ради обороны одной из африканских стран, всемирно заклеянной как страна без тени цивилизации» [Ibidem]. История для Муссолини прогрессивна, хотя и иррациональна: «Мы ждали 13 лет, в течение которых все более усилившееся давление эгоизма душило нашу жизненность. С Эфиопией мы ждали 40 лет! Теперь хватит!» [Ibidem]. Вводя в рассмотрение категорию жизненности, Муссолини демонстрирует неудовлетворенность западным обществом философией позитивизма с его агностицизмом. История должна быть объяснима, и в данном случае она объясняется игрой иррациональных жизненных сил. В заключение Муссолини призывает: «Италия, пролетарская и фашистская, Италия Витторио-Венето и Революции, восстань!» [Ibidem]. Идея Италии как пролетарской нации заимствована Муссолини у итальянских националистов Э. Коррадини и П. Рокка.

Стоит отметить, что Муссолини вовсе не стремился к мировому господству. Более того, он подчеркнул, что «мы сделаем все возможное для того, чтобы этот конфликт носил характер колониальный, не принимая характер и масштабы конфликта европейского» [Ibidem]. Задача Муссолини – добиться для Италии лишь равенства с Англией и Францией. О европейском и тем более мировом лидерстве он не помышлял.

В предисловии к мемуарам маршала П. Бадольо Муссолини писал: «Мы должны быть благодарны Бадольо за его почти безрассудный риск, но в войне вы должны решиться на риск, потому что тот, кто смеет рисковать, имеет шанс, и ему почти всегда сопутствует удача. Надо, прежде всего, рисковать, когда человеческий элемент имеет закалку, подобную закалке легионеров в Африке, выросших в атмосфере Революции Черных Рубашек. Таким образом, войну, которая шла с 3 октября по 5 мая, можно с полным правом назвать «фашистской», потому что была проведена и выиграна в духе Фашизма: были проявлены быстрота, решимость, дух самопожертвования, мужество и выносливость за пределами человеческих ограничений» [Mussolini 1936 URL]. Примечательно, что Муссолини настаивает на действиях войск за гранью обычных человеческих возможностей. По сути, философией Муссолини является субъективный идеализм, связанный с бурным техническим прогрессом цивилизации, заставляющим задуматься не только о неисчерпаемых возможностях человека, изменяющего внеш-

ний мир, но и о возможности изменения его природы. В 1938 г. он утверждал: «Итальянский народ, если хочет, может сделать все» [Mussolini 1938 URL]. Сам образ жизни Муссолини как политика – это сознательно выбранный образ жизни авантюриста.

Рассуждая о стратегии итальянской армии, Муссолини указывает следующее: «Бои были в основном маневренными и проходили в соответствии с принципами классической стратегии, взвешенной и смелой одновременно. Такова модель нашей стратегии. Пять сражений стали решающими победами, с внушительными потерями врага и несерьезными у нас. После битвы в Ашанги силы абиссинской армии были подорваны⁴³. Бадольо мог остановиться и подождать, но фактор времени, связанный с санкциями, подгонял нас. Когда враг находится в условиях кризиса, мы не должны позволить ему каким-либо образом восстановить свои силы: надо догнать и уничтожить его до последнего человека» [Mussolini 1936 URL]. Взгляды Муссолини на стратегию ведения войны соответствовали принципам, заложенным еще Сунь-цзы и сводились к необходимости завершения войны в скором времени, постоянном удержании инициативы с тем расчетом, чтобы противник лишь реагировал на ходы оппонента и не имел возможности проводить собственные действия. Другое дело, что конечные цели Сунь-цзы и Муссолини различались. Если китайский стратег видел конечную цель политика и полководца как завоевание Вселенной, то Муссолини лишь пытался уравнивать Италию с ведущими европейскими державами.

Примечательно, что иногда своим главным козырем в процессе ведения войны Муссолини считал все же не моральный дух. Суждение о будущей войне как о войне моторов было высказано Муссолини еще 20 июня 1937 г. Обращаясь к итальянским кавалеристам, он заявил: «Пришла эпоха двигателя, она коснется пехотинцев в окопах и поднимает в воздух трехцветное крыло» [Mussolini 1937 URL]. Таким образом, знаменитое высказывание Сталина о будущей войне как о войне моторов [Москаленко 1979: 7] было предвосхищено на четыре года. Иррационализм в мышлении Муссолини тесно переплетался с рационализмом.

О том же свидетельствует речь Муссолини, произнесенная 26 марта 1939 г.: «Хотя профессиональные пацифисты особенно отвратительны и мир уже немного устал от лишнего использования пацифизма, подобного фальшивым деньгам, хотя и известно, что мы считаем вечный мир катастрофой для человеческой цивилизации, мы в то же время полагаем, что необходим длительный период мира для защиты развития европейской цивилизации. Но, поскольку мы недавно усилились, мы не возьмем инициативу на себя, пока наши неприкосновенные права не будут признаны. Во-вторых: время туров вальса,

⁴³ Битва при озере Ашанги, в ходе которой эфиопские войска потерпели окончательное поражение в марте 1936 г. (Примеч. ред.)

если когда-либо нечто подобное имело место, окончательно закончено. И помните, это оскорбительно для нас и для всех итальянцев» [Mussolini 1939 URL]. Эта речь, во многом, инспирирована победным завершением гражданской войны в Испании. В данном случае Муссолини выражает сознательное стремление к войне, до того он рассматривал ее как печальную необходимость. Взгляды Муссолини диссонируют со взглядами итальянских милитаристов времен Первой мировой войны (в частности, Б. Кроче в годы Первой мировой войны рассматривал войну как природное и фатальное событие, но для развития цивилизации отнюдь не положительное). Вся эволюция взглядов Муссолини на войну состояла в постепенном и неуклонном отходе от тривиальных рационалистических концепций к эмоциональному иррационализму.

Примечательно, что речи Муссолини и его выступления в печати отличаются, в первую очередь, призывы к самопожертвованию. В реальности итальянский народ к ним не прислушался. Возникает вопрос – в чем корни таких призывов? Италия была страной с застойной перенаселенностью, в 20-е гг. пострадавшей из-за американского антимиграционного законодательства. Именно в странах с застойной перенаселенностью традиционно возникает культ героев, и от правительств постоянно слышатся призывы к самопожертвованию. Призывы к героизму – подсознательная реакция на застойное перенаселение и, в данном случае, война предстает как способ самостабилизации и саморегуляции общества, избавляющегося подобным путем от своих наиболее агрессивных членов.

Список источников и литературы

- Москаленко 1979** – Москаленко К. На юго-западном направлении. М., 1979. Т. 1. С. 7.
- Mussolini 1922** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Il primo discorso presidenziale (16 novembre 1922). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0169-02.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1923** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. B. La nuova politica estera (16 febbraio 1923). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0181-02.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1924** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. La politica estera alla Camera (15 novembre 1924). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0296-01.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1925** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Per la riforma dell'Esercito (2 aprile 1925). URL:

- <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0307-05.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1926** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. L'ordinamento dell'Esercito, al Senato (9 marzo 1926). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0351-01.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1927** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Il discorso dell'Ascensione (26 maggio 1927). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0402-28.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1928** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. L'Italia nel mondo (5 giugno 1928). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0427-32.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1929** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. All'Assemblea quinquennale del Regime (10 marzo 1929). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0448-07.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1930** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Messaggio per l'anno nono (27 ottobre 1930). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0467-04.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1931** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Per l'acquedotto di Ravenna (1 agosto 1931) (27 agosto 1932). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0478-.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1931-2** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Domeneghini (19 maggio 1931). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0476-.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1932** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Discorso agli ufficiali (27 agosto 1932). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0505-.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1933** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Piccola Intesa e pace europea (13 aprile 1933). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0526-04.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1934** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. B. Dopo le grandi manovre (25 agosto 1934). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0558-02.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1935** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Discorso della mobilitazione (2 ottobre 1935). URL:

<http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0588-02.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1936 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. La prefazione a "La guerra d'Etiopia, del Maresciallo Pietro Badoglio" (1936) URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0630-01.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1937 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Per l'Adunata dei Cavalieri in congedo (20 giugno 1937). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0680-.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1938 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Il discorso del passo romano (1 febbraio 1938). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0721-01.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1939 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Alla Vecchia Guardia (26 marzo 1939). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0856-02.htm> (accessed: 01.02.2019)

References

Moskalenko 1979 – Moskalenko K. Na yugo-zapadnom napravlenii. M., 1979. T. 1. C. 7.

Mussolini 1922 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Il primo discorso presidenziale (16 novembre 1922). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0169-02.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1923 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. B. La nuova politica estera (16 febbraio 1923). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0181-02.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1924 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. La politica estera alla Camera (15 novembre 1924). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0296-01.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1925 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Per la riforma dell'Esercito (2 aprile 1925). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0307-05.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1926 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. L'ordinamento dell'Esercito, al Senato (9 marzo 1926). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0351-01.htm> (accessed: 01.02.2019)

- Mussolini 1927** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Il discorso dell'Ascensione (26 maggio 1927). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0402-28.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1928** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. L'Italia nel mondo (5 giugno 1928). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0427-32.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1929** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. All'Assemblea quinquennale del Regime (10 marzo 1929). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0448-07.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1930** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Messaggio per l'anno nono (27 ottobre 1930). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0467-04.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1931** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Per l'acquedotto di Ravenna (1 agosto 1931) (27 agosto 1932). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0478-.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1931-2** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Domeneghini (19 maggio 1931). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0476-.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1932** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Discorso agli ufficiali (27 agosto 1932). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0505-.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1933** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Piccola Intesa e pace europea (13 aprile 1933). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0526-04.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1934** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. B. Dopo le grandi manovre (25 agosto 1934). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0558-02.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1935** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Discorso della mobilitazione (2 ottobre 1935). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0588-02.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1936** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. La prefazione a "La guerra d'Etiopia, del Maresciallo Pietro Badoglio" (1936) URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0630-01.htm> (accessed: 01.02.2019)
- Mussolini 1937** – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Per l'Adunata dei Cavalieri in congedo (20 giugno 1937).

URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0680-.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1938 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Il discorso del passo romano (1 febbraio 1938). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0721-01.htm> (accessed: 01.02.2019)

Mussolini 1939 – Benito Mussolini Le opere i discorsi e gli scritti. Mussolini B. Alla Vecchia Guardia (26 marzo 1939). URL: <http://www.adamoli.org/benito-mussolini/pag0856-02.htm> (accessed: 01.02.2019)

УДК 94(470.54).06
DOI 10.26170/vvi19-01-10
Код ВАК 07.00.07

Ю.В. Зевако

РУССКО-ТАТАРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ НА ЮГО-ЗАПАДЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: «ЗЕМЛЯ» КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются особенности русско-татарского пограничья на юго-западе Свердловской области через анализ особенностей поземельных отношений, сложившихся к концу XVIII в. и сохранившихся до эпохи коллективизации. Отношения вокруг земли как в непосредственном материальном смысле («межевать землю», «арендовать землю», «продавать землю»), так и в символическом смысле («наша земля», «чужая земля») стали одним из структурообразующих элементов выстраивания «граничных» отношений в данных районах.

Автор приходит к выводу, что прагматичные хозяйственно-деловые отношения, постепенно сложившиеся между русскими и татарами в указанной выше области, ставшие «внешней» границей взаимодействия, и непересекающаяся с ней «внутренняя» граница приватной сферы брачно-родственных уз внутри «своих» деревень образовали определённый буфер, смягчающий противоречия и конфликтные ситуации в зоне «пограничья» в рассматриваемый период.

Ключевые слова: русско-татарское пограничье, русские, татары, поземельные отношения, брачные отношения, родственные отношения, этносы.

Yulia V. Zevako

Зевако Юлия Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Института истории и археологии УрО РАН; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16.

Zevako V. Yulia, Ph.D. in political science, researcher of the Interdisciplinary Research Laboratories of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia.

Телефон/Phone: +7(961)770-92-67. E-mail: milirita@rambler.ru.

© Зевако Ю. В., 2019

RUSSIAN-TATAR BORDER IN THE SOUTH-WEST OF THE SVERDLOVSK REGION: “EARTH” AS A SPACE OF INTERACTION

This article discusses the features of the Russian-Tatar borderlands in the Southwest of Sverdlovsk region giving an analysis of the land relations characteristics that had been more or less established by the end of the XVIII century and preserved until the era of collectivization. Relationships around the earth, both in the immediate material sense (“land surveying”, “renting land”, “selling land”) and in a symbolic sense (“our land”, “alien land”) became one of the structure-forming elements of “boundary” relations in these areas.

The author comes to the conclusion that the pragmatic business relations that gradually formed between the Russians and Tatars in the above-mentioned area, which became the “outer” boundary of interaction, and the “inner” border of the private sphere of the marriage-related ties that did not intersect with it formed a certain buffer mitigating contradictions and conflict situations in the “borderland” zone in the period under review.

Keywords: Russian-Tatar borderlands, Russians, Tatars, land relations, marriage relations, kinship relations, ethnic groups.

Тема «пограничья» в современных социально-гуманитарных науках довольно популярна и рассматривается с разных методологических и дисциплинарных позиций: политологии («политической лимнологии») [Цветкова 2015 URL], экономики [Божко 2011: 47-50], философии, психологии и культурологии [Ерохина, Хрящева, Захарова 2017: 233-239], филологии и лингвистики [Большакова, Мотеюнайте 2014: 130-143]. Понятия «границы» и «пограничья» успешно осваиваются и антропологами, составляя суть целого исследовательского направления – «антропологии пограничья», по-своему пытающегося осмыслить те явления, которые рассматриваются вышеперечисленными научными дисциплинами [Беспмятных 2012: 36-43].

В антропологии под понятием «пограничье» понимается «место столкновения, взаимопроникновения, наложения различных народов либо этнических групп, их культур и языков» [Там же: 37]. Соответственно, как исследовательское понятие оно «ориентирует на изучение ареала, в котором существует множество различного рода социальных, языковых и иных дифференциаций, и такой ареал, как правило, носит локальный характер» [Там же: 38].

Н. Н. Беспмятных выделяет три типа исследовательских объектов «антропологии пограничья»:

1) объекты, непосредственно примыкающие к государственной границе (антропологи выясняют значение государственной границы для тех, кто проживает в её зоне);

2) локальные населённые пункты, как правило, сельские, в которых живут представители различных этносов, языковых групп, кон-

фессий и культурных традиций (антропологи фокусируют внимание на жизни локального сообщества, которое преодолевает границы связей, обусловленные разделением на замкнутые этнические группы, религиозные институты, а также на культурной дифференциации «свои»/«чужие»);

3) локальная «приграничность» и внутрилокальная культурная «разграниченность» [Там же: 38-40].

Таким образом, в отличие от других наук, антропология пытается исследовать «человеческое измерение» «границы» – то, как ощущаются и осмысливаются «снизу» естественно сформировавшиеся или заданные «сверху» политические, экономические, хозяйственно-административные, территориальные и пр. координаты, то, как о разного рода границах люди *говорят*.

В данной статье фокус исследования направлен на анализ «пограничья» русских и татар на юго-западе ныне существующей Свердловской области (Нижнесергинский и Красноуфимский районы) в конце XVIII – начале XX вв.

До начала русской колонизации Урала данные земли входили в обширные пространства башкирских кочевий. Только после успешных походов Ивана Грозного на Казань и Астрахань в 1550-е гг., когда влияние поволжских ханств среди башкир уменьшилось, а беззащитность башкирских земель перед сибирскими ханами и киргизскими ордами возросла, башкиры сами обратились к русскому правительству и добровольно приняли русское подданство [Витевский 1889: 127], оставаясь собственниками здешних земель.

В последующие два века происходило точечное заселение и административное схватывание этих пространств, а к XIX в. определилась и этнокультурная панорама уральского края: на больших просторах от Оренбурга до Вятки начали оседать и государственные крестьяне, добровольно переселяющиеся из малоземельных внутренних губерний, и некоторые помещики и заводчики, увлекавшие за собой своих крестьян, а также ссыльные, штрафованные, наказанные плетью преступники, беглые и старообрядцы после церковного раскола середины XVII в. Кроме русских из центральных губерний сюда стремились также инородцы губерний, расположенных по Волге и её притокам (татары, башкиры, марийцы) из губерний Вятской, Симбирской и Нижегородской (тептяри, чуваша, мордва и вотяки), и из Сибири (мещеряки) [Там же: 128-129].

В рассматриваемом районе к началу XIX в. сложился свой локальный вариант «пограничья»:

1. Поселенцы-татары в качестве «припущенников» (стали оседать по р. Уфе и её притокам ещё с допетровского времени, однако, особенно активно – после подавления Пугачёвского восстания; к этому времени относится основание таких деревень, как Шокуровка, Арслановка, Ара-

каева и др. (нынешний Нижнесергинский район) [Материалы для статистики 1893: 229]. Ввиду культурной, языковой и религиозной близости граница между представителями этих народов была довольно проницаемой (показателем чего является большое количество смешанных браков). Даже спустя два века локальные вариации татар артикулируются респондентами⁴⁴ исходя из языковых нюансов, как «ближе к башкирам», «ближе к казанским татарам», либо даже к «кунгурцам».

2. Поселенцы-марийцы в качестве «припущенников» (с XVII в. в результате миграций с р. Сылва Кунгурского района и территорий, прилегающих к Южному Уралу [Материалы для статистики 1893: 229], оседают, в основном, на юге нынешнего Красноуфимского района).

3. Поселенцы-русские (со второй трети XVIII в. начинается активное и целенаправленное освоение русскими здешних башкирских земель). К локальным вариациям русских в изучаемом районе относятся: заводчане-гамаюне, выходцы из Ромодановской вотчины А. Демидова (работники Нижнесергинского и Михайловского заводов) [Трубецкой 2004]; красноуфимские «гамаюне», привезённые сюда воеводой Пермской провинции А. Ф. Голубцовым в 1780 г. из своей подмосковной вотчины (жителей сёл Александровское, Подгорное, Шиловка, Ключики, Чувашково) [Змеева 2005]; «пиканники» – переселенцы из Пермского края; «кержаки»-староверы – работники Нижнеиргинского и Саранинского заводов, которые остальное сельское русское население пренебрежительно называли «крестьянѐ».

Каждая локальная группа, отличающаяся происхождением, говором, социальным статусом, конфессией, этнической принадлежностью, основной хозяйственной деятельностью и пр. – так или иначе отгораживала себя от других локальных групп, вольно или невольно выстраивая систему реальных, воображаемых и культурных границ.

Каким же образом происходило выстраивание и освоение «зоны пограничья»?

Анализ исторических источников и материалов интервью со старожилами Красноуфимского и Нижнесергинского районов позволили выделить в качестве одного из структурообразующих элементов выстраивания «граничных» отношений в данных районах землю – как в непосредственном материальном смысле («межевать землю», «арендовать землю», «продавать землю»), так и в символическом смысле («наша земля», «чужая земля»). Причиной тому стала дифференцированность собственности земли, усилившаяся после издания в 1736 г. Анной Иоанновной указа, согласно которому была разрешена покупка башкирских земель [Витевский 1889: 128-129].

⁴⁴ Согласно полевым материалам автора, собранным в экспедициях в 2008 и 2009 гг. в Красноуфимском и Нижнесергинском районах Свердловской области.

Рассмотрим подробнее формирование русско-татарского «пограничья» на юго-западе Свердловской области с точки зрения формирования поземельных отношений и отношений, вытраиваемых вокруг земли.

Так, в здешних местах была широко распространена традиция приобретения крестьянами башкирских земель *шарагатом*, т. е. угощением. И. И. Архангельский пишет об этом так: «В крестьянские отводы входит, и не мало, излишней земли против вычисленного надела, по соглашению с вотчинниками, под названием неудобь. Эта неудобь приобретается крестьянами шарагатом (угощением башкир) и небольшими деньгами, сравнительно с ценностью земли, ибо башкиры ещё мало дорожат своей землёй и притом у них много остаётся в обширных дачах свободных участков...» [Архангельский 1887: 15].

О том, что «средства к существованию шокуровцы (т. е. башкиры-вотчинники – Ю.З.) добывают главным образом продажей земли и сенокосных мест крестьянам» свидетельствует в сообщении «Деревня Шокурова и ея жители» учитель Шокуровской русско-башкирской школы г. Ахмандиаров [Там же: 127]. Е. С. Молоков уточняет: «При большом количестве земель башкиры живут исключительно на счёт арендной платы, получаемой за эти земли, а в этой плате главную роль играют не деньги, а „гостинцы“. Продавший землю получает за неё не столько деньгами, сколько хлебом, маслом и прочими жизненными припасами» [Там же: 123].

Традиция приобретения земель у башкир «шарагатом» сохранялась вплоть до 1930-х гг. – коллективизации и раскулачивания. Жители деревень Красноуфимского района ещё помнят эту практику (по собственным детским воспоминаниям или рассказам старших родственников), которая была распространена практически повсеместно. «Вот мой дедушка [из с. Савиново] рассказывал, что им башкиры сдавали в аренду землю, а осенью приезжали – их угощали... Угощали их шибко. Потому что они говорили (на диалекте своём), что вот «плохо угощай – другому отдавай землю», что вроде плохо угощаешь, так другому землю в аренду продадим... Вот так вот угощали, деньги платили» (дер. Крылова).

«Материалы для статистики...» показывают нам, что жители с. Савиново (выселившиеся в своё время из Больших Ключей и Сараны, осевшие на башкирских землях) не имели своего леса и постоянных покосов, поэтому им приходилось арендовать землю у башкир Сызгинского общества [Там же: 82]. Староверы из посёлка Сарана также охотно покупали или брали в аренду земли у сызгинских и озёркинских башкир. Кроме того, в «Материалах...» отмечается, что «некоторые из живущих около вотчинников русских крестьян занимаются скупкою дешёвого леса у башкир и сгонкою его по р. Уфе» [Там же: 84].

Не только сызгинские и озёркинские башкиры, но и более отдалённые от границы с Башкирией, находящиеся на границе с Пермским краем турышинские вотчинники занимались сдачей земли в аренду.

Старожилы-гамаюны из с. Ключики вспоминают: «Наши-то гамаюны очень дружно жили с Турышом. Там есть Русский Турыш, есть Татарский Турыш. А почему они с ними общались – потому что здесь земель мало было посевных, и они арендовали землю у Турыша-то, у татар, да и даже нанимали...».

Эти данные подтверждают и «Материалы для статистики...». В описании дер. Ключики упоминается, что земля крестьянам была выделена из «Голубцовской помещичьей дачи», тогда как «лесом как на дрова, так и на постройки пользуются из казённой дачи». То есть «лесу нет» и «особых покосов нет», что вынуждает здешних крестьян арендовать землю и покупать лес «у соседних татар» [Там же: 72].

У башкир Шокуровской волости (нынешний Нижнесергинский район) были дополнительные причины охотно сдавать земли в аренду, помимо собственной непригодности к сельскому хозяйству. В отличие от земель нынешнего Красноуфимского района, здешние почвы и погодные условия характеризовались следующим образом: «Летом бывает сильная жара. Грунт земли очень разнообразный, местами каменистый. В иных – глинистый и каменисто-песчаный. Вообще чернозёмных почти мало» [Материалы для статистики 1893: 126]. Вследствие этого население практически всех башкирских и татарских деревень занималось обеспечением Михайловского завода хлебом и лесом: главным источником заработков жителей деревень Акбаш, Урмикеево, Аракаево, Уфа-Шигири были заводские работы (летом – рубить дрова, зимой – их возить).

Постоянные контакты с русским населением сказались на общем уровне языковой культуры здешнего татарского и башкирского населения. Авторы заметок особо подчёркивали в отношении деревень Аракаево и Урмикеево, что «частые сношения с заводом не остаются без последствий. В народе заметно это по более правильному русскому выговору, ...что не наблюдается в соседних селениях» [Там же: 124]. Логично предположить, что на русском языке могли объясняться отдельные главы домохозяйств, занимающиеся непосредственной подвозкой дров к заводу.

Интересно отметить, что хозяйственно-деловое общение между представителями разных локальных культур не влияло на жёсткость границ «приватной сферы» – на предпочтительность брачно-родственных связей по «своим деревням», «своим землям». Между границами «публичной» и «приватной» сферы неизменно сохранялась значительная дистанция не только по линии «этничности», но и по линии культурно-бытового ядра. Так, например, среди локальных групп русских были свои предпочтения: «Молодые ключиковцы в основном в Подгорное общались. У них очень много родни. Замуж выходили...», «с Подгорным особенно дружили, потому что многие подгорновские нашими родственниками являются» (дер. Ключики); меньше браков

случалось в Чувашково, хотя местные жители вспоминали, что «бабушка моя оттуда, из Чувашково», либо знакомая «в Чувашкова замуж вышла»; другая женщина признавалась, что «сама выходила замуж в Чувашково» (дер. Ключики). Староверы «женились-роднились» главным образом со своими – «только иргинские на иргинских или саранинских, кержаки на кержачках» (с. Нижнеиргинское). Деревни, образовавшиеся на месте бывших казацких застав в начале XIX в. и прилегающие к ним тоже следовали этому принципу, «роднились» между собой: «[невест] из Криулино привозили, из Колмаково привозили, из Приданниковой, из Калиновки – из округи» (дер. Крылово). Такая же ситуация складывалась и с татарскими деревнями.

Таким образом, анализ исторических источников и свидетельств местных старожилов позволяет сделать следующий вывод: на юго-западе Свердловской области русско-татарское пограничье характеризовалось наличием двух принципиально важных и долгое время не пересекающихся «границ», которые условно можно обозначить как границу «публичной» сферы (внешнюю границу), связанную с налаживанием взаимовыгодных хозяйственно-деловых поземельных отношений, и границу «приватной» сферы (внутреннюю границу), которая огораживала от чужих влияний «свои земли», свои деревни крепкими брачно-родственными узами. Благодаря тому, что «внутренние» и «внешние» границы русско-татарских отношений не совпадали, это создавало определённый буфер, смягчающий противоречия и конфликтные ситуации в зоне «пограничья» в рассматриваемый период.

Список источников и литературы

- Архангельский 1887** – Архангельский И. И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала. Пермь, 1887.
- Беспамятных 2012** – Антропология пограничья: концептуализация исследовательского направления // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2012. № 2 (18). С. 36-43.
- Божко 2011** – Божко Л. Л. Концептуальные подходы к понятию «граница» в контексте институциональной парадигмы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. № 1. С. 47-50.
- Большакова, Мотеюнайте 2014** – Большакова Н. В., Мотеюнайте И. В. Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее (международная научная конференция, Псков, 5–7 декабря 2013 г.) // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 130-143.

- Витевский 1889** – Витевский В. Н. Неплюев И.И. и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1889.
- Ерохина, Хрящева, Захарова 2017** – Ерохина Т. И., Хрящева И. А., Захарова М. И. Модус пограничности в современном гуманитарном знании // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 233-239.
- Змеева 2005** – Змеева Л. И. Край родной. Екатеринбург: Полиграфист, 2005.
- Материалы для статистики 1893** – Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Вып. III. Таблицы. Изд. Красноуфимского земства. Казань, 1893.
- Полевые материалы автора 2008, 2009** – Полевые материалы автора, собранные в экспедициях в 2008 и 2009 гг. в Красноуфимском и Нижнесергинском районах Свердловской области.
- Трубецкой 2004** – Трубецкой В. Гамаюны на Урале: [жители Нижнесерг. р-на] // Уральский следопыт. 2004. № 4. С. 5-9.
- Цветкова 2015** – Цветкова О. В. Политическая лимология: концепт границы // Регионология Regionology. 2015. № 3. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1397>.

References

- Arkhangel'skiy 1887** – Arkhangel'skiy I. I. Etnograficheskie ocherki gornozavodskogo naseleniya Urala. Perm', 1887.
- Bespamyatnykh 2012** – Antropologiya pogranich'ya: kontseptualizatsiya issledovatel'skogo napravleniya // Vesnik Belaruskaga dzyarzhajna-ga universiteta kul'tury i mastatstvaŭ. 2012. № 2 (18). S. 36-43.
- Bozhko 2011** – Bozhko L. L. Kontseptual'nye podkhody k ponyatiyu «granitsa» v kontekste institutsional'noy paradigmy // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki. 2011. № 1. S. 47-50.
- Bol'shakova, Moteyunayte 2014** – Bol'shakova N. V., Moteyunayte I. V. Kul'turnyy landshaft pogranich'ya: proshloe, nastoyashchee, budushchee (mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Pskov, 5–7 dekabrya 2013 g.) // Pskovskiy regionologicheskij zhurnal. 2014. № 17. S. 130-143.
- Vitevskiy 1889** – Vitevskiy V. N. Neplyuev I.I. i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758. Kazan': Tipo-litografiya V.M. Klyuchnikova, 1889.
- Erokhina, Khryashcheva, Zakharova 2017** – Erokhina T. I., Khryashcheva I. A., Zakharova M. I. Modus pogranichnosti v sovremennom

гуманитарном знании // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 233-239.

- Zmeeva 2005** – Zmeeva L. I. Kray rodnoy. Ekaterinburg: Poligrafist, 2005.
- Materialy dlya statistiki 1893** – Materialy dlya statistiki Krasnoufimskogo uезда Permskoy gubernii. Vyp. III. Tablitsy. Izd. Krasnoufimskogo zemstva. Kazan', 1893.
- Polevye materialy avtora 2008, 2009** – Polevye materialy avtora, sobranye v ekspeditsiyakh v 2008 i 2009 gg. v Krasnoufimskom i Nizhneserginskom rayonakh Sverdlovskoy oblasti.
- Trubetskoy 2004** – Trubetskoy V. Gamayuny na Urale: [zhiteli Nizhneserg. r-na] // Ural'skiy sledopyt. 2004. № 4. S. 5-9.
- Tsvetkova 2015** – Tsvetkova O. V. Politicheskaya limologiya: kontsept granitsy // Regionologiya Regionology. 2015. № 3. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1397>.

УДК 811. 111'42

DOI 10.26170/vvi19-01-11

Код ВАК 07.00.07; 07.00.03

*Д.Н. Караваева **

**«ПРОВИНЦИЯ» VERSUS «МЕТРОПОЛИЯ»,
ИЛИ К ВОПРОСУ О ПРОТИВОСТОЯНИИ «СЕВЕРА» И «ЮГА»
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ АНГЛИИ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Статья посвящена исследованию дискурса идентичности жителей Северной Англии (североанглийскости – *Northernness*), и отвечает на вопрос, где проходят географические и культурные границы региона, как исторически воспринимался регион англичанами и каковы сегодня его идентичности. Работа основана на множестве источников историографического, медийного, музейного характера, а также авторских полевых материалах 2010-2018 гг.

Ключевые слова: Северная Англия, Великобритания, региональная идентичность, национальная идентичность, дискурс идентичности, политический дискурс, провинции, метрополии, постиндустриализм.

Караваева Дина Николаевна, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского Отделения РАН; 620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Dina N. Karavaeva, senior researcher in Ethnohistory department, Institute of History and Archaeology (Ural Branch of the Russian Academy of Science), Ekaterinburg, Russia.

Телефон/Phone: +7 9120306922. E-mail: dina.karavaeva@bk.ru. Сайт/web: www.dinakaravaeva.wordpress.com

© Караваева Д. Н., 2019

**“PROVINCE” VERSUS “METROPOLIS”,
OR CONFRONTATION OF THE “NORTH” AND THE “SOUTH”
IN THE MODERN ENGLISH IDENTITIES DISCOURSE IN UK**

The paper presents the identity discourse of the Northern English people (Northernness), and investigates geographical and cultural boundaries discourse of the region, how the region was historically and today perceived by the English. The work is based on a variety of sources of historiographic, media, museum character, as well as author's field materials (2010-2018).

Keywords. Northern England, Great Britain, regional identity, national identity, identity discourse, political discourse, provinces, metropolises, post-industrialism.

При разговоре о культуре или политике Англии в пределах Великобритании в России принято иметь в виду Юго-Восточную Англию, а особенно Лондон и предместья. Вместе с тем Англия является разнообразнейшей в социокультурном и административном отношении территорией. Одной ее части, наиболее отличной от «иконического» стандарта – Северной Англии, посвящена данная статья.

Региональный (северный) дискурс английскости имеет свои особенности, подчас делающие невозможным его сопоставление с «классическими» вариантами английскости. В дискурсе первостепенную роль играют такие факторы, как специфика развития региона Северная Англия и его локальных сообществ, разделение Севера и Юга, региональное брендрование.

Регион Северная Англия относится к категории бывших индустриальных монорегионов. И если в XVII и XIX вв. маргинальный прежде Север превратился в экономически развитый регион, флагман индустриализма в Великобритании, то в XX в. стал свидетелем упадка, а также изменения своих прежних ролей после приватизации производства во времена правления М. Тэтчер в 1980-е гг., на фоне окончания Холодной войны и конкуренции со стороны Юго-Восточной Азии. В это время тысячи людей оказались в прострации. Отдельные попытки лейбористского и консервативного правительства в 1990-2000-е гг. создать условия для регенерации регионов путем развития сферы услуг, восстановления части или организации новых производств существенно не исправили положения дел. И сегодня эта промышленная вотчина рабочего класса превращается в постиндустриальный «зал ожидания». Опыт бывшего «промышленного гиганта» Северной Англии является примером сложного сочетания, с одной стороны, успехов в решении проблем кризиса постимперской и постиндустриальной идентичности, с другой – проявлений деструктивной ностальгии, расизма, имперского национализма, межэтнических конфликтов, пре-

ступности, социальной фрустрации, разрыва отлаженных производственных отношений и социальных связей. Общие тенденции развития британского общества 1940–1980-х гг. (мультикультурализм, феминизм, молодежная «революция») также сформировали специфический облик региональной северной культуры.

Границы и грани

При попытках определения «границ» Севера – буквальных и образных – северяне и южане нередко обращаются к драматичному периоду деиндустриализации. Э. Квили, жительница Салфорда, Большой Манчестер, в беседе сказала: «В 1994 г. Лондон выкупил часть территорий нашего городка, была снесена центральная часть и построены магазины, торговые центры. Одновременно прошли забастовки шахтеров, и тут же Тэтчер закрыла все шахты. Я больше не знаю, где теперь мое место, куда все делось...» [ПМА 34: Э. Квили]. В Южной Англии респонденты нередко до сих пор видят Север как некое далекое «там, где шахты, заводы, фабрики, рабочие, забастовки, упадок» [ПМА 12: Дж. Давей].

Понятие «Северная Англия» передается в английском языке как *Northern England, North of England, the North, the North Country* (графства, считающиеся «северными» по Закону о местных правительствах 1972 г.). Очевидно (и признается всеми), что Север и его субрегионы – динамические единицы, и любые попытки отдельных авторов выделить четкие границы приводят к исследовательской неудаче. Как утверждают Дж. Хилл и Дж. Виллиамс, «Север, несомненно, не конкретное место, а скорее образ мыслей, ментальная территория» [Hill, Williams 1996: 6].

Северная идентичность и представления о том, что такое Север, развивались в зависимости от времени, контекста и угла зрения. Как пишет Дж. Тернер, из Шотландии Север Англии скорее виделся Средиземьем, с Северо-Востока Англии города Шеффилд и Манчестер были южными. Йоркширцы же зачастую мыслят себя жителями средних земель, «мидлендерсами». Жители Северо-Востока, особенно Нортумберленда, идентифицируют себя во многом с Шотландией, жители Ливерпуля – с Уэльсом [Turner 1967: 14].

В национальном дискурсе описание южных границ сводится к фразе «Север начинается на Уотфорд-Гэп» [Rees 1995: 350] – месте, находящемся в 30 милях от Лондона и относящемся к Центральной Англии. Некоторые относят южную границу к линии р. Северн и залива Уош (поблизости от Уотфорд-Гэп) и утверждают, что наиболее житочные регионы располагаются к югу и востоку от этой границы [Balchin 1989: 1-2]. К. Эланд указывал, что южная граница Севера проходит приблизительно по р. Трент от эстуария Хамбер до реки Мерси,

северная – между Англией и Шотландией, «где попадаешь как будто в другую страну» [Ehland 2007: 8-9].

По данной выкладке, 3 региона (Северо-Запад, Северо-Восток, Йоркшир и Хамбер) и 7 графств (Чешир, Кумберленд, Дарем, Ланкашир, Нортумберленд, Вестморлэнд и Йоркшир) могут считаться северными, однако степень их «северности» различна, и границы административных регионов на протяжении 1940–2000 гг. не раз пересматривались, поэтому речь о границе Севера ведется с известной долей условности [Jewell 1994: 24].

Север очень разнообразен в климатическом, географическом, лингвистическом, историческом и архитектурном смыслах, а потому, безусловно, концепция гомогенного Севера является опасным упрощением. Тем не менее регион является значительной частью Англии и в отношении населения. Число жителей региона составляло в 1921 г. – 33%. Сегодня в Северной Англии (включающей Северо-Западную и Северо-Восточную Англию, Йоркшир и Хамбер), площадь которой составляет 31 331 км², проживает около 14,5 млн человек, или 30% жителей Англии, что сопоставимо с населением всей Шотландии, Норвегии и Дании [Census 2011. См. также: Stokes 1998: 118-153]. Если говорить о физической географии, то расположение Севера формирует уникальный климат региона: как считает часть северян, на Севере выпадает «наибольшее количество осадков в год, а также дует наибольшее количество ветров» [Wainwright 2010: 3-4].

Регион насыщен внутренними трениями (между территориями, стремящимися к лидерству, культурной и другой самостоятельности, например, между Йоркширом и Ланкаширом). Так, футбольные фанаты команды «Манчестер Юнайтед» во время встреч с фанатами «Лидс Юнайтед» используют для собственного обозначения аббревиатуру И.Р.А. (Йоркширская республиканская армия), представляя собой, по сути, шовинистически настроенное сообщество [См.: Brown 1998]. Данная оппозиция, впрочем, не столь значительна, как разговоры о ней: участники так или иначе выказывают искреннее уважение к общим ценностям, и подобные противостояния говорят скорее о традиции позитивной локальной конкуренции.

Наиболее значительное экономическое и политическое соперничество развивается между отдельными городами. Историческое положение Манчестера как «столицы регионов» Англии провоцировало появление ряда проблем в отношениях с другими региональными центрами. Манчестер и поныне играет важную роль в региональных идентичностях, а также в индустриальных и коммерческих структурах страны. Манчестер – региональная столица одной из наиболее динамично развивающихся и привлекающих туристов со всего света территорий, знаменитая рабочим движением (образование Лиги против хлебных законов 1839 г. и Национальной организации чартистов

1840 г. и др.), культурными достижениями (новеллы Б. Дизраели «Сибилла» (1845) и Э. Гаскелл «Север и Юг» (1855)) и пр.

Манчестер в конце XIX и начале XX вв. стал культурной столицей Севера (во многом благодаря основанию Манчестерского королевского музыкального колледжа и Манчестерского театра). С 1920-х гг. Манчестер является вотчиной ряда выдающихся спортивных изданий, наиболее важным центром газетной индустрии за пределами Лондона. Благодаря этим структурам, по мнению исследователей, в Манчестере создавались лучшие условия для развития самоощущения в качестве столицы региона, нежели в Ливерпуле, например, зачастую обращающемся к общему дискурсу «славного прошлого», а не к собственным региональным ценностям и символам [См.: Briggs 1990: 88-138].

Как указывает Дж. Белчем, ливерпульцы называют свой город «вторым в империи» из-за роли крупнейшего морского порта и транзита для колоний, оспаривая, таким образом, превосходство Манчестера [Belchem 2006: xii, 3]. В одной из ливерпульских газет 1964 г. говорилось и об «абсурдных и пагубных претензиях» Манчестера, способного «только на то, чтобы выдавать свое гнилое фабричное сырье за культурные ценности» [LDP 1964]. «Деиндустриализация» и ее разрушительные последствия 1980-1990-х гг. коснулись Ливерпуля сильнее остальных. Город всегда ассоциировался с отсталой культурой рабочего класса, но в 1960-е гг., в связи с культурной революцией, все зазвучало иначе. В 1980-е гг. на фоне экономического упадка общественность увидела Ливерпуль «типичным примером всего того неправильного, что случилось в британских крупных городах» [Belchem 2006: 55; Leeson 2008; Trevor 2011].

Н. Джюзэлл считает, что историческое развитие Севера как индустриального и урбанистического региона привело к формированию здесь мощного пласта рабочего класса с развитым ощущением общности и очень небольшой, по сравнению с Югом, прослойки среднего класса, и Север до сих остается в сознании южан «сплошной дымящей фабрикой» [Jewell 1994: 37-38]. Однако, как пишет П. Вэллер, именно Север, наряду с Лондоном, стал «сердцем изменений в Англии и мире вообще, тогда как в остальной части Англии наблюдалась тенденция к сохранению в нетленном виде пасторальных образов» [Waller 1983: 73-74]. Специфика индустриализма и урбанизма Севера привела к формированию особой политической идентичности. Упрощенно противостояние Севера и Юга можно представить как противостояние левой и правой политической традиции; особенно это касается выборов и событий 1979-1992, 1997 гг., Brexit и др.

При свободном разговоре о северных символах информанты упоминают, как правило, матерчатые кепки и гончих собак, башмаки для чечетки, рабочие платки, духовые инструменты, булыжные мостовые, блюда мясной рубец и черный пудинг, «трагедии» на фабриках

(1980-е гг.), регбилиг, футбол, причал Уигана, комедийных актеров Джорджа Формби и Грейси Филдс, индустриальные пейзажи художника Лоури, сериал «Улица коронации», персонажа рабочего и пьяницу Энди Кэппа. Информанты обращаются к идее Севера как территории сурового, но бодрящего края вересковых пустошей и озер, доброжелательного отношения, общего плеча, самобытного фолка, особого северного акцента, ритуального приветствия в форме крепкого рукопожатия, идее того, что на Севере идет «настоящая и искренняя жизнь», не существует предрассудков [См., например: ПМА 1, 44, 45].

Популярный северный журналист С. Макоуни о Севере пишет так: «Север многолик и сложен... На Севере бывает очень мрачно – и ошеломляюще красиво... Жизнь здесь не ограничивается исключительно футболом и тяжким трудом. Тут есть политика, фольклор, гражданская война и ядерная энергия, тяжелая промышленность и высокая мода, поэзия и пинаколада, корабли и магазины, жареная рыба с картошкой, а также футбол и тяжелый труд» [Макоуни 2010: 9]. Как утверждает поэт Дик Миллнер из Хартлепула, «Север и его люди как Ангел – голая сталь, и в этом все заключено» [См.: Milner 2007]⁴⁵. Как пишет Д. Рассел, «классический Север существовал до 1970-х гг. – с фабриками, улицами из одинаковых кирпичных домов, туманными долинами и вересковыми пустошами. Но сегодня живя здесь, остро чувствуешь отличие от Юга. Это, возможно, не другая нация, но, несомненно, совершенно особое место» [Russell 2004: 3].

Разделение севера и юга (North-South divide)

Некоторые исследователи уверены, что идентичность Севера и его взаимоотношения с Лондоном и Юго-Востоком – вопросы не слишком актуальные для Британии сегодня [Цит. по: Barker 1998]. Однако такие авторы, как П. Тайлор, убеждены, что вопрос места и репрезентации Севера в национальном культурном наследии является актуальным и малоизученным, особенно в условиях деволуции и регионализации [Taylor 1993: 147]. Ряд северных общественных активистов склонны рассматривать взаимоотношения Севера и Юга в рамках колониального дискурса, с употреблением понятий «метрополия», «колониализация Севера». По нашему мнению, Лондон и другие территории «метрополии» по праву можно считать *Другим* для Севера, во взаимодействии с которым рождалась его идентичность.

Среди северных исследователей популярно обращение к истории развития североанглийскости как провинциальной идентичности. Так, Д. Рид пишет о том, что уже в конце XVIII в. по отношению к нелондонским территориям появились термины «провинция» (*province*)

⁴⁵ Имеется в виду «Ангел Севера» (*Angel of the North*) – современная скульптура, созданная Э. Гормли, в Гейтсхеде, Ньюкасл.

и «регионы» (*country*), призванные сохранить статус-кво и выстроить иерархию между метрополией и новыми индустриальными и коммерческими центрами (термины имели специфические коннотации ограниченности, вульгарности) [Read 1964: xi]. Тем не менее, оба эти термина были приняты местными политическими и экономическими элитами и использовались для обозначения той положительной роли, которую приобрел Север в развитии страны. Это выразилось во множестве движений, начало которым положила Йоркширская ассоциация Кристофера Вивия 1779 г., и с которой стартовал «расцвет провинциальной инициативы и независимости в экономических и политических делах», противостоящий Лондону как центру «несправедливой метрополии» [Ibid.: 117]. Конечно, на Севере существовали и не столь негативные оценки Лондона. Столица вызывала восхищение тем, что давала множество карьерных и прочих возможностей, однако мнение, что лишь за пределами метрополии, в провинциальных городах, существует справедливая и развитая в моральном отношении среда, было частью ментальности северян XIX в. (в XX в. данная установка ослабла или трансформировалась) [Jewell 1994: 22-44].

Применительно к периоду до середины XX в. Д. Хорн и часть исследователей рассуждают о «северной и южной метафоре», то есть комплексе представлений северян и южан о себе и стране: «По северной метафоре Британия прагматичная, ценящая опыт, расчетливая. Пуританская, буржуазная, предприимчивая, наукоориентированная, серьезная, настроенная на борьбу. Север полон греха и корыстолюбия, рациональной веры в то, что основная сущность человека – нечто заинтересованное лишь в собственной экономической выгоде. По южной метафоре Британия романтична, нелогична, рассеянна, удачлива, аристократична, традиционна, фривольна, а также верящая в порядок и традицию англиканская страна. Юг полон гордости и чести, пребывает в уверенности, что целью существования каждого человека является служение своей стране» [Wiener 2004: 42].

Победа южной версии идентичности, означавшая канонизацию образов южной (сельской) Англии, привела к обращению к старинным, доиндустриальным образам и символам идентичности, а также принятию представления о том, что Юго-Восток Англии является колыбелью английскости. Данные образы стали основными в концепции новой английскости в конце XIX – начале XX в. и вытеснили другие, в частности, связанные с индустриальной революцией. Таким образом, упадок Севера означал не только экономическую стагнацию, но и рождение тотальной антимоды на Север.

Б. Робсон пишет о том, что идея экономического разделения Севера и Юга стала общепринятой в конце 1920-х гг. и постепенно перешла в другие сферы. Север как основное место размещения угледобычи, текстильной промышленности и кораблестроения больше

других регионов пострадал от падения международных рынков. В то время как на Юге, где в основном располагалось электрическое производство, наблюдался экономический подъем [Robson 1986: 222; Constantine 1980: 18, 70]. Наконец, создание BBC с центром управления на юго-востоке, а также появление других базирующихся на юге культурных индустрий, дальнейшее проникновение столичной / национальной прессы на Север и прочее обеспечили новые условия для развития центростремительных тенденций.

В послевоенное время необходимость экономического и политического восстановления привела к тому, что обе правящие партии в 1950–1960-е гг. стали уделять особое внимание регионам, называя это «ключевой частью» политики [Samuel 1998: 29, 78-96]. В то же время «инаковость» Севера как территории рабочего класса создала условия для пересмотра концепций английскости как идентичности Юго-Востока и среднего класса. Мода на Север стала очевидной между 1957 г. (публикация романа Дж. Брэйна «Путь наверх») и серединой 1960-х гг. (публикация антропологии рабочего класса Р. Хоггарта и Э. Томсона). Работы Хоггарта о «подлинной народной культуре рабочих» имели значение для формирования ностальгического образа у представителей поколения массовой поп-культуры. Д. Жэрвэс отмечал, что «ось английскости» тогда сместилась в сторону Севера и означала ностальгию населения по потерянной северной индустриальной общине в противовес идиллической «пасторальной Англии» [Gervais 1993: 271-272].

Очевидна роль движений «Звучание Мерси» (*Mersey Sound*), «Мерси-бит» (*Mersey Beat*) и вклада группы *The Beatles* в превращении Ливерпуля и Севера вообще в одну из мировых столиц бунтарской молодежи и рока 1960-х гг. Дж. Леннон, гордившийся своим происхождением из индустриального Ливерпуля, об этой эпохе вспоминал: «Мы были первыми исполнителями, которые вышли из рабочего класса, мы ими и остались, всячески подчеркивали это, не пытались отучиться от акцента, к которому в Англии относились пренебрежительно» [The Beatles 2002]. Наконец, появление в 1955 г. регионального коммерческого телевидения означало, что у Севера существует потенциал в самовыражении на национальном уровне. На этом фоне Север расцветал: увеличивались тиражи местных газет и журналов, росли многоквартирные высотки и торговые центры. Для многих обращение к молодежному движению «Свингующий Лондон» (*Swinging London*) 1960-х гг., провозглашавшему свободу и сексуальную революцию, как раз являлось следствием новых веяний, «северного ветра» – моды на урбанистическую культуру, «свободу» рабочего класса (в том числе от сексуальных условностей).

Нефтяной кризис 1973 г. и его последствия, приход к власти консервативного правительства М. Тэтчер, претворение в жизнь поли-

тики свободного рынка привели к еще большему экономическому и культурному разобщению Севера и Юга. Становилась популярной метафора «мрачный Север» (*grim up North*) [См.: Shields 1991: 207-251]. В период с 1979 по 1985 гг. за Югом закрепилась роль экономического хедлайнера, особенно в сфере hi-тес-производства. Зарождающееся на Севере деволуционное движение, берущее свои корни в «лихих 1980-х», получило импульс в результате положительных изменений в некоторых северных городах (Ливерпуле, Манчестере и др.), поддержку которым оказывали ЕС, США и британское правительство.

На фоне этого предыдущие позитивные образы Севера стали стремительно тускнеть. На этот счет красноречиво высказался Р. Самюэль: «Качества и черты, названные “новой волной?” в литературе и кино, сегодня являются символами ограниченности. Богатая коллективная жизнь, выраженная, например, в создании и существовании клубов рабочих, видится институтом не поддерживающим, а исключаящим и ограничивающим местное коренное население от приезжих и чужаков... Рабочие клубы – не что иное, как союз белых мужчин, призванный укрепить власть над женщинами, иммигрантами и сексуальными меньшинствами. Гордость Севера – индустриальные конструкции, дымовые трубы – это экологический кошмар. Еще одна диалектическая инверсия: культурная революция 1960-х гг. – запланированная катастрофа, разрушившая судьбы множества людей» [Samuel: 66].

Стереотипизация

Как мы успели заметить, идентичность северян и образ Севера за его пределами развиваются вокруг различных интерпретаций географии, поведения и ментальности. Генеалогия стереотипизации Севера нуждается в отдельном исследовании, однако очевидно, что внешние и внутренние представления о регионе – исторический феномен с давней историей. Как считает Н. Джюэл, образ Севера конструировался из центра с XII в. Еще Уильям Малмсберийский, описывая современное ему княжество Нортумбрия, использовал уничижительные эпитеты, отмечая преобладание «дегенеративных повадок», называя северян «свирепой, мятежной расой» [Jewell 1994: 37-38, 58]. Появление в XVI в. литературы в жанре путешествий (Д. Дефо, в частности) закрепило в широком общественном дискурсе образ Севера как земли примитивной и унылой, с суровым климатом и хитрыми людьми. В ходу, например, стали такие поговорки, как “*to put Yorkshire of a man*” (досл. «дать человеку Йоркшира», или одурачить) [Bradford 1998: 24].

Многие исследователи североанглийскости склонны полагать, что экономический подъем и индустриализация на Севере не создали новых позитивных образов, а лишь усилили и распространили прежние. Репортажи о рабочих стачках 1830-х и 1840-х гг. реанимировали старые представления о Севере как о беспокойном регионе [Rawnsley 2000: 7].

Эти ассоциации приобрели новое звучание с появлением нового среднего класса из коммерческих индустриальных кругов и их «мещанской» культуры. В 1821 г. широкую огласку приобрели материалы журнала *Blackwood's Edinburgh Magazine*, где описывался филистинизм манчестерской элиты: «джентльмены, чья интеллектуальная жизнь ограничивается игрой в твист, распитием портвейна и раздачей проклятий в адрес власти» [Цит. по: Seed 1988: 45]. Как указывает Дж. Сид, подобные статьи – плод пропаганды тори того времени, однако они являются весомой частью дискурса идентичности [Ibid: 45].

Существовали и положительные оценки региона. По крайней мере, с конца XVII в. многие путешественники видели Север краем упорного труда и достижений в индустриальной сфере. К началу XIX в. отношение к Северу постепенно менялось во многом благодаря писателям и художникам романтизма: северные ландшафты, особенно Озерного края, становились источником вдохновения, территорией эмоциональной и творческой регенерации. То же касается музыкальной и телевизионной поп-культуры второй половины XX в. [Moir 1964: 35-37].

Что же до идентичности северян, то авторы считают, что говорить о выраженной региональной (точнее, о субрегиональной и локальной) позиции на обывательском уровне можно с середины XVII в., времени развития письменной диалектной традиции. И хотя в академической среде ведутся споры о ее происхождении и источниках, наличие подобного культурного явления позволяет говорить о способности северян к региональному самовыражению [См.: Colls 1977: 14-54]⁴⁶.

Для североанглийскости в стремлении приобрести собственную специфику характерно противопоставление своей идентичности «официальной», метрополюной. Рассел, например, заявляет, что с середины XX в. из-за того, что концепция английскости оказывается слитой с концепцией британскости, «этническую английскость можно было отыскать только на Севере» [Russell 2004: 35-36].

Одной из наиболее выразительных и устойчивых локальных идентичностей обладают йоркширцы. Среди них еще в начале XIX в. было принято называть себя самыми патриотичными из англичан. Сегодня Йоркшир чествует жителей региона как хранителей «вечных ценностей» в условиях массового общества: например, фермера Ханну Хоксвел, о которой было снято успешное документальное кино и выпущена серия книг в 1970-1980-е гг. [См.: Bradford 1998]. Южанам йоркширцы представляются «свирепыми троллями», «нелепым жульем» [Dellheim 1980: 220]. О ланкаширцах, в том числе в самом Ланка-

⁴⁶ Речь ведется, например, о северо-восточной (Тинесайд) песне рубежа XVIII-XIX вв. «Боб Крэнки» (Bob Cranky) об архетипичном пьющем работяге-шахтере; песне «Мудрый Ньюкасл» (Canny Newcastle).

шире, бытует мнение как о более мягких, вежливых и добросердечных людях, не столь зацикленных на финансовом благополучии, как йоркширцы [См.: ПМА 40: Т. Робертс, Д. Вард; ПМА 31: Э. Сайкс, К. Рош]. Ливерпуль же с его сильным кельтским наследием, интенсивной портовой жизнью и прочим представлял иной тип идентичности, основанный на кипучей деятельности, космополитизме, неконформизме, сюрреалистичном чувстве юмора [См.: Belchem 2000: 31-64].

Стереотипы о Севере и северянах развиваются зачастую в маскулинных категориях – например, противопоставление маскулинной культуры «северных обезьян» и более феминной «южных феечек» [См.: ПМА 45: Б. Проктор; ПМА 21: Д. Леверс, Д. Харрисон]. Северо-Восток исторически воспринимался территорией изнурительного физического труда, символом которого был мужчина-угольщик, и физическая выносливость всячески демонстрировалась и рассматривалась в качестве региональной черты до сих пор, несмотря на участие женщин в этом труде. Женщины интенсивно участвовали в этом труде, однако в обществе, где образ мужчины – труженика и добытчика был принят в качестве нормы с середины XIX и до конца XX вв., маскулинная модель идентичности господствовала и господствует до сих пор. Тем не менее Север считается территорией сильной и привлекательной, ломающей стереотипы и преодолевающей жизненные обстоятельства женщины – как в реальности, так и в искусстве: примером тому могут быть писательницы сестры Бронте, политики Бесси Брэддок и Барбара Каствилл, участница велогонок Берил Бертон, героини ланкаширских мыльных опер Мэгги Хобсон и Рита Уайт. Как пишет Дж. Ричардс, именно Ланкашир, во многом благодаря большой доле занятости женщин в хлопчатобумажной и легкой промышленности, «производит» данные образы (в отличие от Северо-Востока с производственными приоритетами угледобычи и кораблестроения).

При разговоре о стереотипах, безусловно, необходимо обращаться к представлениям о «характере». В таблице ниже перечислены черты, являющиеся частью идентичности той или иной группы, составлены сводки пересечений внешней оценки и самооценки групп респондентов («конфликтующих» северян и южан). В средней колонке приводятся данные о собственно самообразе, идентичности. Информация свидетельствует о культурном разделении страны по крайней мере на два региона и две идентичности. Но необходимо помнить, что дискурс «Север – Юг» не лишен сарказма и иронии, и таблица представляет подчас радикальные точки зрения, зачастую уступающие место срединным позициям.

Табл. 1. Северный «характер» в представлениях различных групп респондентов

Внешние (в основном южные) представления о северянах	Идентичность северян	Северные представления о южанах
Характер		
Неприступный, агрессивный	Независимый	Раболепный
Грубый, лишенный социального лоска	Резкий, высказывающийся напрямую	Уклончивый, лицемерный
Упорно трудящийся	Упорно трудящийся, физически крепкий	Изнеженный, расточительный, поглощающий энергию других
Слишком соревновательный, идущий напролом	Конкурентоспособный	Дилетантский, нерешительный
Мещанский, невежливый, хотя очень музыкальный	Практичный, продуктивный	Поверхностный, снобистский
Скупой	Бережливый	Расточительный
Неотесанный, грубый	Дружественный, гостеприимный	Недружелюбный, замкнутый
Ограниченный, с местечковыми интересами	Гордящийся своим происхождением	Космополитичный, безродный
Рабочий класс	Меритократичный, эгалитарный	Непогистский, элитарный
Нелепый в своей грубости, топорный юмор	С чувством юмора, остроумный	Находчивый, но использующий двойной смысл и подтекст
Обособленный	Обособленный	Обособленный
Пейзажи и география		
Мертвые урбанистические пейзажи; дикая природа, неухоженная земля, разруха в поселениях	Разнообразная природа	Красивая сельская местность, Лондон как место не только возможностей, но и социальных контрастов

Влажный, холодный, бодрящий климат	Суровый и неприятный климат, но лучше, чем о нем думают	Теплый, приятный климат
Индустриальный	Индустриальный, но экономически более разнообразный край, чем о нем думают	Финансовый край, место потребления, а не производства

Таким образом, дискурс североанглийской идентичности сигнализирует о наличии мощного паттерна неравных отношений между северной периферией и южной метрополией. В рамках национального дискурса североанглийскость рассматривается как устойчивый феномен, сформировавшийся в противопоставление сурового, трудового и честного Севера изнеженному, декадентскому и коррумпированному Югу. В то же время очевидно, что идентичность северян складывалась под натиском представлений южан о Севере как территории отсталости, невежества и упадка. Зачастую это обсуждается в юмористическом, даже ироническом ключе, но очевидно, что англичане это воспринимают в качестве отражения экономической и культурной реальности, и реальность эта полна серьезных эмоций. Несмотря на множественность толкований «Севера», у этого региона объективно есть нечто общее – представления о себе и окружающих, позволяющие его населению чувствовать себя отличным от жителей других регионов, в том числе посредством актуализации и использования стереотипов. Образы, символы и структуры конца XVIII – начала XIX вв. (урбанизм, основанная на индустриальном производстве экономика, культура рабочего класса, специфическое административно-территориальное деление) являются весомой частью регионального самосознания идентичности.

Список источников и литературы

- Макоуни 2010** – Макоуни С. Гонор и предубеждение. Реальная Англия — здесь и сейчас. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2010.
- ПМА 1** – Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд (Sunderland), регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 1.
- ПМА 12** – Полевые материалы экспедиции автора в Эймсбери (Amesbury), регион Юго-Западная Англия, июль 2010 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 12.
- ПМА 21** – Полевые материалы экспедиции автора в Ньюкасл-апон-Тайн (сокр. Ньюкасл) (Newcastle upon Tyne), регион Северо-Восточная Англия, август 2011 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 21.

- ПМА 31** – Полевые материалы экспедиции автора в Брадфорд (Bradford), регион Йоркшир и Хамбер, июль 2012 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 31.
- ПМА 34** – Полевые материалы экспедиции автора в Салфорд (Salford), графство Большой Манчестер, регион Северо-Западная Англия, июль 2012 г. (информант: держатель паба Э. Квили (Alisan Sveely) 1975 г.р.) // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 34.
- ПМА 40** – Полевые материалы экспедиции автора в Блэкпул (Blackpool), регион Центральная Англия, июль 2012 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 40.
- ПМА 44** – Полевые материалы экспедиции автора в Саут-Шилдс (South-Shields), регион Северо-Восточная Англия, июнь 2017 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1.44.
- ПМА 45** – Полевые материалы экспедиции автора в Бредфорд (Bradford), регион Йоркшир и Хамбер, октябрь 2018 г. // Архив сектора этноистории ИИиА УрО РАН. Ф1. А1. 45.
- Balchin 1989** – Balchin P. Regional Policy in Britain. The North-South Divide / P. Balchin. L.: Sage Publications Inc, 1989.
- Barker 1998** – Barker P. Cloth Caps and Chops It isn't? / P. Barker // New Statesman. 1998, 9 January.
- Belchem 2000** – Belchem J. An Accent Exceedingly Rare: Scouse and the Inflection of Class // Merseypride. Essays in Liverpool Exceptionalism / J. Belchem (ed.). Liverpool: Liverpool University Press, 2000. P. 31-67.
- Belchem 2006** – Merseypride. Essays in Liverpool exceptionalism / J. Belchem (ed.). Liverpool: Liverpool University Press, 2006.
- Bradford 1998** – Bradford M. The Fight for Yorkshire / M. Bradford. Beverley: Huton Press, 1998.
- Briggs 1990** – Briggs A. Victorian Cities: Manchester, Leeds, Birmingham, Middlesbrough, Melbourne, London / A. Briggs. L.: Penguin, 1990.
- Brown 1998** – Fanatics! Power, Identity and Fandom In Football / A. Brown (ed.). L.: Routledge Back, 1998.
- Census 2011** – Census 2011. Office for National Statistics. Population and Household Estimates for the United Kingdom. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/uk-census/index.html> (01.02.2019).
- Colls 1977** – Colls R. The Collier`s Rant. Song and Culture in the Industrial Revolution. L.: Croom Helm, 1977.
- Constantine 1980** – Constantine S. Unemployment in Britain between the Wars / S. Constantine. Harlow: Longman, 1980.
- Dellheim 1980** – Dellheim C. Imagining England: Victorian Views of the North // Northern History. 1980. Vol. 22. P. 216-230.

- Ehland 2007** – Ehland Ch. Introduction // *Thinking Northern: Textures of Identity in the North of England*. Amsterdam, N.-Y.: Editions Rodopi B.V., 2007. P. 1-15.
- Gervais 1993** – Gervais D. *Literary Englands: Versions of “Englishness” in Modern Writing* / D. Gervais. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Hill, Williams 1996** – Hill J., Williams J. *Rites of Spring: Cup Finals and Community in the North of England // Sport and Identity in the North of England* / J. Hill, J. Williams (eds.). Keele: Keele University Press, 1996. P. 87-93.
- Jewell 1994** – Jewell H. *The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England*. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- LDP 1964** – *Liverpool Daily Post*, 20 April 1964.
- Leeson 2008** – Leeson P. *Goodbye Scottie Road. The Photography of Peter Leeson*. L.: Bluecoat Press, 2008.
- Milner 2007** – Milner D. *Poems of the North East*. Hartlepool: Pntintability Publishig Ltd., 2007.
- Moir 1964** – Moir E. *The Discovery of Britain. The English Tourists, 1540-1840*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1964.
- Rawnsley 2000** – Rawnsley S. *Constructing “the North”: Space and a Sense of Place // Northern Identities. Historical Interpretations of “The North” and “Northernness”* / N. Kirk (ed.). Aldershot: Ashgate, 2000. P. 3-22.
- Read 1964** – Read D. *The English Provinces c.1760-1960. A Study in Influence* / D. Read. L.: Edwin Arnold, 1964.
- Rees 1995** – Rees N. *Phrases and Sayings* / N. Rees. L.: Bloomsbury, 1995.
- Russell 2004** – Russell D. *Looking North: Northern England and the National Imagination*. Manchester, N.-Y.: Manchester University Press, Palgrave, 2004.
- Samuel 1998** – Samuel R. *North and South // Island Stories: Unravelling Britain* / R. Samuel (ed.). L.: Verso, 1998. P. 28-97.
- Seed 1988** – Seed J. *“Commerce and the Liberal Arts”: the Political Economy of Art in Manchester, 1775-1860* / J. Seed // *The Culture of Capital. Art, Power and the Nineteenth Century Middle Class* / J. Wolff, J. Seed (eds.). Manchester: Manchester University Press, 1988. P. 45-82.
- Shields 1991** – Shields R. *Places on the Margin. Alternative Geographies of Modernity* / R. Shields. L.: Routledge, 1991.
- Stokes 1998** – Stokes W. *Definition of a Financial Region* / W. Stokes // *Issues of Northern Identity* / E. Royle (ed.). Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 118-153.

- Taylor 1993** – Taylor P.J. The Meaning of the North: England's "foreign countries" within? / P.J. Taylor // *Political Geography*. 1993. 12. P. 136-155.
- The Beatles** – Антология / Составители биографии: изд-во «Chronicle Books». Перевод с английского У.В. Сапциной. М.: Росмэн, 2002.
- Trevor 2011** – Trevor P. You've Never been Away / P. Trevor. L.: Blue-coat Press, 2011.
- Turner 1967** – Turner G. The North Country / G. Turner. L.: Eyre and Spottiswoode, 1967.
- Wainwright 2010** – Wainwright M. True North. In Praise of England's Better Half. L.: Guardian Books, 2010.
- Waller 1983** – Waller P. J. Town, City and Nation. England 1850-1914. N.-Y.: Oxford University Press, 1983.
- Wiener 2004** – Wiener M. English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850-1980. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

References

- Makouni 2010** – Makouni S. Gonor i predubezhdenie. Real'naya Angliya – zdes' i sejchas. Moskva: EHksmo, 2010.
- PMA 1** – Polevye materialy ehkspedicii avtora v Sanderlend (Sunderland), region Severo-Vostochnaya Angliya, iyun' 2010 g. // Arhiv sektora ehtnoistorii IiiA UrO RAN. F1. A1. 1.
- PMA 12** – Polevye materialy ehkspedicii avtora v EHjmsberi (Amesbury), region YUgo-Zapadnaya Angliya, iyul' 2010 g. // Arhiv sektora ehtnoistorii IiiA UrO RAN. F1. A1. 12.
- PMA 21** – Polevye materialy ehkspedicii avtora v N'yukasl-apon-Tajn (sokr. N'yukasl) (Newcastle upon Tyne), region Severo-Vostochnaya Angliya, avgust 2011 g. // Arhiv sektora ehtnoistorii IiiA UrO RAN. F1. A1. 21.
- PMA 31** – Polevye materialy ehkspedicii avtora v Bradford (Bradford), region Jorkshir i Hamber, iyul' 2012 g. // Arhiv sektora ehtnoistorii IiiA UrO RAN. F1. A1. 31.
- PMA 34** – Polevye materialy ehkspedicii avtora v Salford (Salford), grafstvo Bol'shoj Manchester, region Severo-Zapadnaya Angliya, iyul' 2012 g. (informant: derzhatel' paba EH. Kvili (Alisan Cveely) 1975 g.r.) // Arhiv sektora ehtnoistorii IiiA UrO RAN. F1. A1. 34.
- PMA 40** – Polevye materialy ehkspedicii avtora v Blehkpul (Blackpool), region Central'naya Angliya, iyul' 2012 g. // Arhiv sektora ehtnoistorii IiiA UrO RAN. F1. A1. 40.
- PMA 44** – Polevye materialy ehkspedicii avtora v Saut-SHilds (South-Shields), region Severo-Vostochnaya Angliya, iyun' 2017 g. // Arhiv sektora ehtnoistorii IiiA UrO RAN. F1. A1.44.

- PMA 45** – Polevyje materialy ehkspedicii avtora v Bredford (Bradford), region Jorkshir i Hamber, oktyabr' 2018 g. // Arhiv sektora ehnoistorii IliA UrO RAN. F1. A1. 45.
- Balchin 1989** – Balchin P. Regional Policy in Britain. The North-South Divide / P. Balchin. L.: Sage Publications Inc, 1989.
- Barker 1998** – Barker P. Cloth Caps and Chops It isn't? / P. Barker // New Statesman. 1998, 9 January.
- Belchem 2000** – Belchem J. An Accent Exceedingly Rare: Scouse and the Inflection of Class // Merseypride. Essays in Liverpool Exceptionalism / J. Belchem (ed.). Liverpool: Liverpool University Press, 2000. P. 31-67.
- Belchem 2006** – Merseypride. Essays in Liverpool exceptionalism / J. Belchem (ed.). Liverpool: Liverpool University Press, 2006.
- Bradford 1998** – Bradford M. The Fight for Yorkshire / M. Bradford. Beverley: Huton Press, 1998.
- Briggs 1990** – Briggs A. Victorian Cities: Manchester, Leeds, Birmingham, Middlesbrough, Melbourne, London / A. Briggs. L.: Penguin, 1990.
- Brown 1998** – Fanatics! Power, Identity and Fandom In Football / A. Brown (ed.). L.: Routledge Back, 1998.
- Census 2011** – Census 2011. Office for National Statistics. Population and Household Estimates for the United Kingdom. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/guide-method/census/2011/uk-census/index.html> (01.02.2019).
- Colls 1977** – Colls R. The Collier's Rant. Song and Culture in the Industrial Revolution. L.: Croom Helm, 1977.
- Constantine 1980** – Constantine S. Unemployment in Britain between the Wars / S. Constantine. Harlow: Longman, 1980.
- Dellheim 1980** – Dellheim C. Imagining England: Victorian Views of the North // Northern History. 1980. Vol. 22. P. 216-230.
- Ehland 2007** – Ehland Ch. Introduction // Thinking Northern: Textures of Identity in the North of England. Amsterdam, N.-Y.: Editions Rodopi B.V., 2007. P. 1-15.
- Gervais 1993** – Gervais D. Literary Englands: Versions of "Englishness" in Modern Writing / D. Gervais. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Hill, Williams 1996** – Hill J., Williams J. Rites of Spring: Cup Finals and Community in the North of England // Sport and Identity in the North of England / J. Hill, J. Williams (eds.). Keele: Keele University Press, 1996. P. 87-93.
- Jewell 1994** – Jewell H. The North-South Divide. The Origins of Northern Consciousness in England. Manchester: Manchester University Press, 1994.
- LDP 1964** – Liverpool Daily Post, 20 April 1964.

- Leeson 2008** – Leeson P. Goodbye Scottie Road. The Photography of Peter Leeson. L.: Bluecoat Press, 2008.
- Milner 2007** – Milner D. Poems of the North East. Hartlepool: Ptintability Publishig Ltd., 2007.
- Moir 1964** – Moir E. The Discovery of Britain. The English Tourists, 1540-1840. L.: Routledge and Kegan Paul, 1964.
- Rawnsley 2000** – Rawnsley S. Constructing “the North”: Space and a Sense of Place // Northern Identities. Historical Interpretations of “The North” and “Northernness” / N. Kirk (ed.). Aldershot: Ashgate, 2000. P. 3-22.
- Read 1964** – Read D. The English Provinces c.1760-1960. A Study in Influence / D. Read. L.: Edwin Arnold, 1964.
- Rees 1995** – Rees N. Phrases and Sayings / N. Rees. L.: Bloomsbury, 1995.
- Russell 2004** – Russell D. Looking North: Northern England and the National Imagination. Manchester, N.-Y.: Manchester University Press, Palgrave, 2004.
- Samuel 1998** – Samuel R. North and South // Island Stories: Unravelling Britain / R. Samuel (ed.). L.: Verso, 1998. P. 28-97.
- Seed 1988** – Seed J. “Commerce and the Liberal Arts”: the Political Economy of Art in Manchester, 1775-1860 / J. Seed // The Culture of Capital. Art, Power and the Nineteenth Century Middle Class / J. Wolff, J. Seed (eds.). Manchester: Manchester University Press, 1988. P. 45-82.
- Shields 1991** – Shields R. Places on the Margin. Alternative Geographies of Modernity / R. Shields. L.: Routledge, 1991.
- Stokes 1998** – Stokes W. Definition of a Financial Region / W. Stokes // Issues of Northern Identity / E. Royle (ed.). Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 118-153.
- Taylor 1993** – Taylor P. J. The Meaning of the North: England’s “foreign countries” within? / P.J. Taylor // Political Geography. 1993. 12. P. 136-155.
- The Beatles** – Antologiya / Sostaviteli biografii: izd-vo «Chronicle Books». Pervod s angliyskogo U.V. Sapsinoy. M.: Rosmen, 2002.
- Trevor 2011** – Trevor P. You’ve Never been Away / P. Trevor. L.: Bluecoat Press, 2011.
- Turner 1967** – Turner G. The North Country / G. Turner. L.: Eyre and Spottiswoode, 1967.
- Wainwright 2010** – Wainwright M. True North. In Praise of England’s Better Half. L.: Guardian Books, 2010.
- Waller 1983** – Waller P.J. Town, City and Nation. England 1850-1914. N.-Y.: Oxford University Press, 1983.
- Wiener 2004** – Wiener M. English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850-1980. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

*А.М. Лукашевич**

ГЕНЕРАЛ ПЁТР АЛЬБЕДИНСКИЙ В СОЦИУМЕ XIX ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье раскрывается административная деятельность генерала Петра Альбединского в качестве рижского (1866-1870), виленского (1874-1880) и варшавского (1880-1883) генерал-губернаторов. Проводится сравнительный анализ исторического образа, сформированного современниками, с реальностью. Делается вывод о том, что исторический миф о Петре Альбединском носит поверхностный характер, что обусловлено субъективностью оценок личности генерала. Отмечается, что в русском обществе преобладали негативные оценки административной деятельности Петра Альбединского, обусловленные либерализацией правительственного курса в Прибалтике, Беларуси и Польше.

Ключевые слова: генерал-губернаторы, социум, исторические мифы, внутренняя политика, исторические образы, политические деятели.

A.M. Lukashevich

GENERAL PETER ALBEDINSKY IN THE SOCIUM OF THE XIX CENTURY: HISTORICAL MYTH AND REALITY

The article reveals the administrative activities of General Peter Albedinsky as the Riga (1866-1870), Vilna (1874-1880) and Warsaw (1880-1883) Governor-General. A comparative analysis of the historical image formed by contemporaries with reality is carried out. It is concluded that the historical myth of Peter Albedinsky is superficial, due to the subjectivity of the estimates of the general. It is noted that negative assessments of the administrative activity of Peter Albedinsky prevailed in Russian society. They were due to the liberalization of the government policy in the Baltic States, Belarus and Poland.

Keywords: Governor-General, society, historical myths, domestic politics, historical images, political figures.

Антропологический поворот, произошедший в последние десятилетия в отечественной исторической науке, позволяет сегодня по-новому оценить многих государственных деятелей. Одной из таких

Лукашевич Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета; 220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

Andrei M. Lukashevich, Dr. of History, professor, professor of the Department of modern and contemporary history of Belarus of Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: lukashevand@mail.ru.

© Лукашевич А. М., 2019

личностей является генерал от кавалерии, генерал-адъютант Петр Павлович Альбединский (1826-1883). Он оставил заметный след не только в истории России, но и Прибалтийских государств, а также Беларуси и Польши. Образ этого государственного деятеля, сформированный в мемуарной литературе XIX в., характеризуется такими эпитетами, как «ловелас», «карьерист», всем обязанный женщинам и близостью к императорскому Двору, а также «полонофил», администратор без твердых политических убеждений. Однако насколько данный исторический миф [Ассман 2004: 36-37] соответствовал действительности? В данной статье постараемся разобраться с объективностью этих оценок на примере изучения административной деятельности Петра Альбединского в 1866-1883 гг. в Прибалтике, Литве и Беларуси, и Польше.

Восхождение на Олимп. Карьера Петра Альбединского как государственного деятеля является примером удачного продвижения в высших эшелонах власти. Благодаря доверию монарха, ему удалось занять высокие государственные должности и играть важную роль в реализации внутренней политики Российской империи. Впрочем, П. П. Альбединский слабо вписывался в общие карьерные каноны высших чиновников.

Петр Павлович Альбединский родился 4 сентября 1826 г. (все даты – по старому стилю) в Москве. Он происходил из дворян Смоленской губернии. Его отец Павел Петрович Альбединский (1793-?) был внебрачным сыном обер-гофмейстера Петра Романовича Альбедиды. Мать, княжна Наталья Кирилловна Багратион (1803-1873), приходилась кузиной знаменитому полководцу Петру Ивановичу Багратиону. И первые годы жизни юноша провел в Москве под надзором бабки княгини Багратион [Залесов 1905: 541].

Для П. П. Альбединского, лишенного в молодости связей и покровительства, начало взрослой жизни было относительно трудным. Тем не менее, хорошее домашнее образование и навыки, приобретенные в Пажеском корпусе (знание иностранных языков и т. д.), обеспечили ему службу в гвардии, а, следовательно, и возможность вращаться в высших кругах. Оставалась лишь одна проблема – отсутствие влиятельных покровителей. Но и ее П. П. Альбединский, благодаря природной красоте и изящным манерам, смог быстро решить: любовные интрижки с влиятельными женщинами (известная поэтесса, графиня Евдокия Ростопчина; Мина Буркова, фаворитка министра императорского двора и уделов В. Ф. Адлерберга [Долгоруков 1992: 142-146]) обеспечили ему в 1853 г. флигель-адъютантские погоны.

Принадлежность к императорской Свите открывала перед П. П. Альбединским путь к орденам, воинским званиям, должностям и личным контактам с императором. Поэтому случай, который предотвратила молодому флигель-адъютанту судьба, он не упустил. После

первых, относительно тривиальных, но добросовестно выполненных поручений (надзор за проведением рекрутских наборов и др. [Шилов 2007]), вскоре последовали более ответственные и почетные задания.

Несомненным прорывом в карьере П. П. Альбединского стали Крымская война (Инкерманское сражение, осажденный Севастополь, награжден золотым палашом «За храбрость») и восшествие на престол Александра II. Будучи еще неопытным в придворных кругах, П. П. Альбединский быстро сориентировался в новой обстановке. Благодаря оперативно выполненным поручениям монарха (объявление манифеста о восшествии на престол Александра II в Оренбурге, расследование причин побегов крестьян в Рязанской и Тамбовской губерниях), он вскоре приобрел его благосклонность.

В 1856 г. П. П. Альбединский в составе дипломатических и военных миссий побывал во Франции. От имени Александра II он приветствовал и общался с императорами Наполеоном III и Францем Иосифом I, королем Вильгельмом I. Молодой полковник также с ловкостью выполнил в Париже ряд конфиденциальных заданий разведывательного характера [Алексеев 1998: 56-58].

Пребывание во Франции оказало большое влияние на мировоззрение П. П. Альбединского, а участие в реализации военной реформы идеологически сблизило его с монархом. Благорасположение, которым П. П. Альбединский пользовался у Александра II, стало результатом не только его личных заслуг. Взаимное доверие углубились, когда П. П. Альбединский под влиянием монарха, принял решение жениться на бывшей фрейлине императрицы Александре Сергеевне Долгоруковой (1834-1913). Это была очень образованная девушка, умевшая «пользоваться всей тонкостью своего ума» [Тютчева 1990: 31-32]. По свидетельству Е. Феоктистова, княгиня А. С. Долгорукова «была пуританка в полном смысле слова, женщина чрезвычайно строгая и к другим, и – главное – к самой себе, с каким-то восторженным настроением, способная до крайности увлекаться идеями» [Феоктистов 1991: 281]. Однако было бы ошибочно считать, что только высокие моральные качества или приятная внешность этой женщины привлекли П. П. Альбединского. Исход дела решило то обстоятельство, что княжна была необычайно близка к монарху, близка по силе личной дружбы, которая установилась между ними еще со времени вступления Александру II на трон. Именно на это обращал внимание Е. М. Феоктистов, когда утверждал, что П. П. Альбединский «был слишком тонкий человек, чтобы жениться на девушке только потому, что в течение непродолжительного времени она пользовалась высочайшим расположением; ... на том, что было и прошло слишком неосторожно соиздать обширные планы для будущего; вероятно, Альбединский изощренным чутьем своим угадал, что узы, соединявшие

княжну Долгорукую с императором, были другого рода, что она, хоть и не так, как прежде, останется близка ему...» [Там же: 281-282].

После заключения в 1862 г. брака последовали повышение на военной службе (командование лейб-гвардии Гусарским полком в 1863-1865 гг., должность начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа в 1865-1866 гг.), а затем – и назначение в 40-летнем возрасте генерал-губернатором и командующим войсками округа в Ригу. С этого момента, не считая перерыва в 1870-1874 гг., П. П. Альбединский был принят в узкий круг высших сановников, который пользовался доверием монарха и мог влиять на выработку внутренней политики Российской империи.

«Новый курс» П. П. Альбединского. Административная деятельность П. П. Альбединского была многогранна, и она заслуживает подробного рассмотрения. В данной статье остановимся лишь на ключевых моментах управления.

В Риге П. П. Альбединский искал компромисс с немецкими баронами, поэтому его тактика во многом характеризовалась двойственностью и непоследовательностью. В донесениях в С.-Петербург ливляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор предлагал программу русификации края (перевод делопроизводства на русский язык, поддержку православия, развитие русской культуры, улучшение преподавания русского языка в немецких учебных заведениях). Кроме того планировалось улучшить быт латышских и эстонских крестьян путем выкупа в собственность арендованных земель, отменить телесные наказания, преобразовать городское управление. Однако когда эти меры были одобрены, П. П. Альбединский не решался их использовать, опасаясь окончательно настроить против себя шефа жандармов П. А. Шувалова (сторонника сохранения немецкого влияния). Поэтому двойственность позиции П. П. Альбединского и предопределила в 1870 г. его отставку [Wiech 2010: 75-124].

Более определенным был политический курс, который проводил П. П. Альбединский в качестве виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора. Однако его основные направления были сформулированы в С.-Петербурге – продолжать политику «примирения», начатую А. Л. Потаповым в 1868 г. Напутствуя генерал-губернатора, Александр II сказал: «Старайся более обращать внимание на войско: что касается управления краем, то тут задача твоя значительно упрощена; слава Богу, Потапов привел дела в такой образцовый порядок, что нужно только поддерживать сделанное им» [Феоктистов 1991: 300].

Продолжая «Потаповскую оттепель» в Вильно, П. П. Альбединский стремился к примирению с католическим помещным дворянством за счет упразднения ряда ограничений, наложенных на него во время восстания 1863-1864 гг. Впрочем, П. П. Альбединский не был

слепым исполнителем высочайшей воли и являлся автором ряда собственных инициатив. В докладных записках императору он уверял, что «нельзя достичь цели и рассчитывать на союз с польскими землевладельцами, чувствительно затрагивая вопрос чисто религиозный» [Цит. по: Самбук 1980: 87].

Столичные власти поддержали предложение П. П. Альбединского. И хотя ограничительные циркуляры по отношению к костелу не отменялись, предписывалось выказывать «полное уважение к верованию, святыни и обычаям, не заключающим в себе политического значения, а только религиозное». Не следовало применять и «насильственных мер к ослаблению в крае католицизма» [Цит. по: Там же: 87-88]. Поэтому полиции запрещалось делать замечания ксендзам и вмешиваться в ход службы. В их задачу входил только надзор и донесение по инстанциям обо всех замеченных нарушениях циркуляров. Было практически приостановлено закрытие костелов и каплиц [Там же: 88].

Пытаясь сохранить собственность, землевладельцы католического вероисповедания выказывали лояльность по отношению к российскому правительству. Поэтому в 1874 г. была предпринята попытка, хотя и не совсем удачная, ввести в западных губерниях что-то вроде земств – губернские распорядительные комитеты [Цит. по: Цвікевіч 1993: 139]. Генерал-губернатор также предложил широкую программу реформ в еврейском вопросе, выступал за развитие женского и профессионально-технического образования в крае и т. д. [РГИА (1). Д. 360; Wiech 2010: 125-186]

В целом, принятые П. П. Альбединским меры укрепили союз правительства с ополченной знатью края. Подтверждение этому было получено во время балканского кризиса 1875-1877 гг. и русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда среди поместного дворянства не наблюдалось антиправительственных настроений. Более того, был даже объявлен сбор средств в помощь балканским славянам. И через несколько лет, когда Российская империя находилась на грани массовых волнений, в Виленском генерал-губернаторстве русские и «польские» помещики выражали «преданность правительству» и «готовность идти указанным им путем» [Самбук 1980: 65-66. РГИА (1). Д. 831; 891].

Не случайно, когда весной 1880 г. открылась вакансия варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа, на нее был назначен П. П. Альбединский. Хотя в конце русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Александр II обещал это место генералу графу Э.И. Тотлебену, ближайшее окружение императора (Д. А. Милютин, М. Т. Лорис-Меликов, П. А. Валуев [Валуев 1919]), выступило против этого назначения. Особенно категорически выступал военный министр, который убеждал, что «Альбединский, ... более соответствовал бы трудному посту правителя в Царстве Польском» [Милютин 1950: 245]. В итоге, когда 3 мая 1880 г. Александр II

изменил решение, Д. А. Милютин записал в дневнике: «Думаем, что Альбединский с ... своей ловкостью и гибкостью, лучше справится в Варшаве, чем узковзглядый Тотлебен» [Там же: 247].

В Привислинском крае (с 1874 г. – Варшавском генерал-губернаторстве) П. П. Альбединский поддерживал идею строительства «золотых мостов» примирения [РГИА (1). Д. 669; РГИА (2). Д. 400]. Тем самым он добился определенной корректировки местной идеологии. В условиях быстрого развития в Польше капитализма место земельного собственника начала занимать молодая польская буржуазия, которая приносила с собой и новое мировоззрение. Частью этого мировоззрения был лозунг, определивший отношение к белорусско-литовским землям: «восточные рынки для нас важнее политической игры». Вслед за буржуазией начала переоценку ценностей и польская наука, в работах представителей которой стала проводиться мысль, что в бывшем Великом Княжестве Литовском преобладал все-таки не польский, а белорусский элемент, и что Польша без пользы тратила свои силы и государственную мощь, когда ввязалась в борьбу с Россией за белорусско-литовские земли [Wiech 2010: 187-270].

В целом, правление П. П. Альбединского в Северо-Западном (Литва и часть Беларуси) и Надвислинском (Польша) краях получило в европейской историографии название «диктатуры сердца» (Станислав Вех) [Wiech 2010]. И хотя оно не привело к кардинальным изменениям, однако свидетельствовало о новом, в широком смысле либеральном, направлении внутренней политики в западном регионе.

Программа политической и социальной реорганизации Рижского, Виленского и Варшавского генерал-губернаторств не получила полного одобрения в С.-Петербурге. Это объясняется тем, что предложенные решения противоречили политической модели России. Прежде всего, они не устраивали правительственные круги и консервативную часть русского общества в вопросах построения власти и единства России. Поэтому П. П. Альбединскому, несмотря на поддержку высокопоставленных лиц, не удалось противостоять лагерю славянофилов, объединенных вокруг М.Н. Каткова.

Наиболее удобный момент для реализации программы реформ П. П. Альбединского был в конце его карьеры, когда в начале 1880 г. Министерство внутренних дел возглавил Михаил Лорис-Меликов. Однако благоприятный политический климат, позволивший провести определенные реформы в Польше (наведение порядка в земельных отношениях, предотвращение антисемитских выступлений, поддержка промышленности, создание институтов), был прерван трагической смертью Александра II. Убийство монарха 1 марта 1881 г. и последующая отставка М. Т. Лорис-Меликова окончательно предопределили судьбу П. П. Альбединского и его проектов. Неминуемая отставка,

которая уже готовилась для П. П. Альбединского, была сорвана лишь его смертью в мае 1883 г.

Оценки административной деятельности. Личность П. П. Альбединского и его правление в Риге, Вильно и Варшаве сформировали в обществе различные точки зрения. Наибольшее внимание современники уделяли нетипичным для представителя российской бюрократии личным качествам генерал-губернатора – приятной внешности и его обаянию (И. И. Соневицкий [Соневицкий 1913: 147], Е. М. Феоктистов [Феоктистов 1991: 277] и др.). Именно этим качествам мемуаристы приписывали все карьерные успехи генерал-губернатора. И хотя в подобных высказываниях была доля истины, значение этих факторов сильно преувеличивалось.

Значительно реже в публицистике XIX в. речь шла о влиянии П. П. Альбединского на политические процессы в России и подготовку войск. Наиболее противоречивыми были оценки его административной деятельности в качестве генерал-губернатора в Риге, Вильно и Варшаве. При этом современники, за исключением армейских сослуживцев (Н. Г. Залесов [Залесов 1905], А. Гене [Гене 1914: 605-606]), почти не уделяли внимания военно-административной деятельности П. П. Альбединского (одновременно командовал войсками Рижского, Виленского и Варшавского округов).

Хотя административная деятельность П. П. Альбединского не открыла новую эру в управлении, она предполагала установление новых отношений между С.-Петербургом и западными регионами империи. Наиболее ощутимыми были изменения в Польше, где идея строительства «золотых мостов» примирения (за счет отдельных уступок), воспринималась как сигнал о важных изменениях в С.-Петербурге в решении польских дел [Wiech 2010: 275].

Большая популярность, которой П. П. Альбединский пользовался среди жителей «Литвы» и Польши, а также масштабы вовлеченности этого сановника в политические процессы, свидетельствуют, что он не был пассивным проводником либерального курса. Именно П. П. Альбединский являлся инициатором предоставления ряда преференций, которые отвечали национальным и политическим интересам социальных групп местного населения (немецких баронов, «литовской» шляхты, польской буржуазии и интеллигенции).

На это обстоятельство обращал внимание Антоний Залесский, который писал: «Со временем эта сторона деятельности Альбединского проявится, со временем появятся исторические документы, подтверждающие правду моих слов, и тогда никто не станет обвинять нас в пристрастном преувеличении его достоинств, основанных главным образом на остром чувстве контраста с сегодняшними преемниками и нынешними правительствами» [Zaleski 1971: 98].

Однако до сих пор среди историков ведутся споры: действительно ли П. П. Альбединский был реформатором-либералом, или он являлся проводником политики русификации в этнически инородных регионах империи. В целом, в польской историографии этот государственный деятель оценивался положительно (Ш. Аскенази [Askenazy 1903: 58], В. Побуг-Малиновский [Pobóg-Malinowski 1991: 185], С. Кеневич [Kieniewicz 1976: 180]). Однако А. Шварц считал, что хотя П. П. Альбединский и завоевал репутацию «самого мягкого губернатора», он был «исполнителем прежней политики» [Szwarc 1996: 163]. Поэтому вопрос о либерализации системы управления для него был вторичным. На первом месте оставалась интеграция западных регионов с империей, укрепление в них русского политического и культурного влияния.

В российской историографии пока не сформировалось четкого образа этого государственного деятеля. Однако стоит обратить внимание на резкую критику, с которой П. П. Альбединский при жизни столкнулся со стороны русских публицистов. Они обвиняли его в «утрате русской точки зрения» (И. И. Соневицкий [Соневицкий 1913: 148]), в том, что генерал-губернатор попал под сильное влияние поляков (Е. М. Феоктистов [Феоктистов. С. 300]), и что он не заботился об улучшении положения русских в Польше (А. А. Сидоров [Сидоров 1899, 1890: 167]).

Критиковал действия П. П. Альбединского и его преемник в должности варшавского генерал-губернатора Иосиф Гурко, который обвинял своего предшественника в Варшаве в проведении крайне субъективной политики [Гурко 1897: 348, 370-371].

Публичные обвинения современников в отношении П. П. Альбединского интересно проанализировать через призму оценки эффективности его управления. Если за меру эффективности принять реализацию в жизнь определенных программ, то в этом отношении итоги тринадцатилетнего правления П. П. Альбединского были очень скромными, а предпринимаемые им усилия – несоизмеримыми с результатами. Из-за бюрократических преград и растущего консерватизма столичных властей генерал-губернатор не смог полностью осуществить задуманные реформы. В то же время, оценивая итоги правления П. П. Альбединского, нельзя абстрагироваться от совокупности обстоятельств, которые вообще привели к падению в России «диктатуры сердца».

Для объективной оценки деятельности П. П. Альбединского необходимо, как справедливо отмечал А. Залеский, «взвесить те самые условия, в которых он действовал, диапазон, в котором он был вынужден вращаться, и только затем судить о человеке и его деятельности» [Zaleski 1971: 97-98]. И хотя П. П. Альбединский, не достиг желаемых результатов, но он *хотел* перемен для «Литвы» и Польши. Только у него хватало смелости защищать интересы западных регионов перед монархом, подставляя себя под удар. Поэтому, по словам

А. Залесского, П. П. Альбединский был «больше, чем “честный человек”, это был честный характер, благородное сердце и благородный ум» [Ibid.: 98].

Таким образом, несмотря на ошибки и неудачи на административном поприще, генерал П. П. Альбединский положительно выделялся на фоне общей массы правителей Прибалтики, Беларуси и Польши. Благодаря своим личным качествам – вежливости, сдержанности, политическому такту, справедливости – он завоевал симпатии и популярность среди местного населения, «которой не пользовался ни один из русских сановников» [Ibid.: 106].

Это позволило П.П. Альбединскому проводить более самостоятельный политический курс, чем ему определялось в С.-Петербурге. Более значимая роль, на которую претендовал этот политический деятель, вызвала некоторое недовольство в столице. Впрочем, по мнению Александра II, это была допустимая «фронда». И только после восшествия на престол Александра III с «диктатурой сердца» было покончено.

Отъезд П. П. Альбединского сначала из Риги, затем из Вильно, наконец, его смерть в Варшаве, каждый раз приводили к смене правительственного курса [ГАРФ] и обострению политического климата в этих регионах. Не случайно, население Прибалтики, Беларуси и Польши с признательностью вспоминало период правления П. П. Альбединского, называя его «временами аркадскими», в то время как русское консервативное общество формировало о нем совершенно иной миф.

Список источников и литературы

- Алексеев 1998** – Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II: 2 т. (кн.) Т. 1 (кн.). М.: Рус. разведка, Евразия плюс, 1998. – 399 с.: ил.
- Ассман 2004** – Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
- Валуев 1919** – Валуев П. А. Дневник 1877-1884 гг. / ред. и прим. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева. Пг.: Изд-во «Былое», 1919. – [2], VI, 311с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 217. Варшавское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 119. «Всепопданнейший» доклад о политическом настроении населения царства Польского и о задачах внутренней политики царского правительства. Автор не установлен. Черновик. После 1884 г.
- Гене 1914** – Гене А. Виленские воспоминания // Русская старина. 1914. Т. 158. № 6. С. 580-610.

- Гурко 1897** – Гурко В.И. Очерки Привислянья. М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. – 376 с.
- Милютин 1950** – Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютина / ред., биогр. очерк и примеч. П. А. Зайончковского; текст подгот. к печати А. В. Аскарянц. М., 1947-1950. Т. 3: 1878-1880 / текст подгот. к печати Н.К. Швабе. М., 1950. – 326 с.
- Долгоруков 1992** – Долгоруков П. В. Петербургские очерки : памфлеты эмигранта, 1860-1867. М.: Новости, 1992. – 559 с., [16] л. портр.
- Залесов 1905** – Залесов Н. Г. Записки // Русская старина. 1905. Т. 122, № 6. С. 509-548.
- РГИА (1)** – Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 669. Дело по письму варшавского генерал-губернатора П. Альбединского о результатах принятых им мер против манифестаций и выступлений в Царстве Польском в день 50-летия польского восстания 1830 – 1831 гг. 3.12.1880 – 15.12.1880. – 4 л.; Д. 831. Адреса разных обществ и учреждений Александру II в связи с русско-турецкой войной и национально-освободительной борьбой славянских народов Балканского п-ова по Виленскому генерал-губернаторству. 14.11.1876 – 26.02.1880; Д. 891. Дело о пожертвовании разных обществ, учреждений и отдельных лиц, в связи с русско-турецкой войной и национально – освободительной борьбой славянских народов Балканского п-ова по Виленскому генерал-губернаторству. 22.08.1877 – 19.06.1880. – 58 л.
- РГИА (2)** – Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 360. Дело о сложении процентного сбора с городских недвижимых имуществ лиц польского происхождения в Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерниях, в связи с несвоевременной раскладкой сбора. 24.05.1872 – 19.08.1877. – 28 л.; Д. 400. Дело о рассмотрении записки варшавского генерал-губернатора Александру III о мерах к укреплению русского землевладения в Царстве Польском. 20.05.1882 – 8.06.1882. – 8 л.
- Самбук 1980** – Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1980. – 223 с.
- Сидоров 1899, 1890** – Сидоров А. А. Русские и русская жизнь в Варшаве. (1815–1895): Ист. очерк: (Со снимками с картин, портретов и медалей): В 3 вып. Варшава: Тип. Губ. правл., 1899–1900. Вып. 1. 1899. – 68 с. : портр., ил.; Вып. 2. 1899. – 60 с. : портр., ил. Вып. 3. 1900. – 58 с.: портр., ил.
- Соневицкий 1913** – Соневицкий И. И. «Варшавский дневник» при князе Н. Н. Голицыне. (Воспоминания 1880–1883 гг.) // Русская старина. 1913. Т. 155, № 7. С. 147–156.

- Тютчева 1990** – Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М.: Мысль, 1990. – 396 с.
- Феокистов 1991** – Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Воспоминания. М.: Новости, 1991. – 464 с.
- Цвікевіч 1993** – Цвікевіч А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. 2-е выд. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
- Шилов 2007** – Шилов Д. Н. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: биобиблиографический справочник. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. – 992 с.
- Askenazy 1903** – Askenazy Sz. Sto lat zarządu w Królestwie Polskiem 1800–1900. Lwów: Nakł. Księgarni H. Altenberga, 1903. – 96, [1] s.
- Kieniewicz 1976** – Kieniewicz S. Warszawa w latach 1795–1914 // Dzieje Warszawy / pod red. S. Kieniewicza. T. III. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1976. – 384 s.
- Pobóg-Malinowski 1991** – Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. T. 1. Okres 1864–1914. Cz. 1, [Po klęsce styczniowej]. Gdańsk: "Graf", 1991. – 404 s., [12] s. tabl. : faks., fot., portr.
- Szwarc 1996** – Szwarc A. Od Wielopolskiego do stronnictwa polityki realnej: zwolennicy ugody z Rosją, ich poglądy i próby działalności politycznej (1864–1905). Warszawska: Oficyna Wydawnicza "Gryf", 1996. – 331 s.
- Wiech 2010** – Wiech S. «Dyktatura serca». Na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego: dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albiedynskiego (1826–1883). Kielce: Wydawn. Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2010. – 314 s.
- Zaleski 1971** – Zaleski A. Towarzystwo warszawskie. Listy do przyjaciółki przez Baronową X.Y.Z. Warszawa: Wydawnictwo PIW, 1971. – 615 s.

References

- Alekseev 1998** – Alekseev M. Voennaja razvedka Rossii ot Rjurika do Nikolaja II: 2 t. (kn.) T. 1 (kn.). M.: Rus. razvedka, Evrazija pljus, 1998. – 399 s.: il.
- Assman 2004** – Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turach drevnosti. / per. s nem. M. M. Sokol'skoj. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 368 s.
- Valuev 1919** – Valuev P. A. Dnevnik 1877-1884 gg. / red. i prim. V. Ja. Jakovleva-Bogucharskogo i P. E. Shhegoleva. Pg.: Izd-vo «Byloe», 1919. – [2], VI, 311s.

- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 217. Varshavskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie. Op. 1. D. 119. «Vsepoddannejshij» doklad o politicheskom nastroenii naselenija carstva Pol'skogo i o zadachah vnutrennej politiki carskogo pravitel'stva. Avtor ne ustanovlen. Chernovik. Posle 1884 g.
- Gene 1914** – Gene A. Vilenskeje vospominanija // Russkaja starina. 1914. T. 158. № 6. S. 580-610.
- Gurko 1897** – Gurko V.I. Ocherki Privisljan'ja. M.: Tip. V.V. Chicherina, 1897. – 376 s.
- Miljutin 1950** – Miljutin D. A. Dnevnik D. A. Miljutina / red., biogr. ocherk i primech. P. A. Zajonchkovskogo; tekst podgot. k pečati A. V. Askarjanc. M., 1947-1950. T. 3: 1878-1880 / tekst podgot. k pečati N.K. Shvabe. M., 1950. – 326 s.
- Dolgorukov 1992** – Dolgorukov P. V. Peterburgskie ocherki : pamflety jemigranta, 1860-1867. M.: Novosti, 1992. – 559 s., [16] l. portr.
- Zalesov 1905** – Zalesov N. G. Zapiski // Russkaja starina. 1905. T. 122, № 6. S. 509-548.
- RGIA (1)** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1282. Op. 1. D. 669. Delo po pis'mu varshavskogo general-gubernatora P. Al'bedinskogo o rezul'tatah prinjatyh im mer protiv manifestacij i vystuplenij v Carstve Pol'skom v den' 50-letija pol'skogo vosstanija 1830 – 1831 gg. 3.12.1880 – 15.12.1880. – 4 l.; D. 831. Adresa raznyh obshhestv i uchrezhdenij Aleksandru II v svjazi s russko-tureckoj vojnoj i nacional'no-osvoboditel'noj bor'boj slavjanskih narodov Balkanskogo p-ova po Vilenskomu general-gubernatorstvu. 14.11.1876 – 26.02.1880; D 891. Delo o pozhertvovanii raznyh obshhestv, uchrezhdenij i otdel'nyh lic, v svjazi s russko-tureckoj vojnoj i nacional'no – osvoboditel'noj bor'boj slavjanskih narodov Balkanskogo p-ova po Vilenskomu general-gubernatorstvu. 22.08.1877 – 19.06.1880. – 58 l.
- RGIA (2)** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1282. Op. 2. D. 360. Delo o slozhenii procentnogo sbora s gorodskih nedvizhimyh imushhestv lic pol'skogo proishozhdenija v Vilenskoj, Kovenskoj, Grodnenskoj i Minskoj gubernijah, v svjazi s nesvoevremennoj raskladkoj sbora. 24.05.1872 – 19.08.1877. – 28 l.; D. 400. Delo o rassmotrenii zapiski varshavskogo general-gubernatora Aleksandru III o merah k ukrepleniju russkogo zemlevladienija v Carstve Pol'skom. 20.05.1882 – 8.06.1882. – 8 l.
- Sambuk 1980** – Sambuk S. M. Politika carizma v Belorussii vo vtoroj polovine XIX veka. Minsk: Nauka i tehnika, 1980. – 223 s.
- Sidorov 1899, 1890** – Sidorov A. A. Russkie i russkaja zhizn' v Varshave. (1815–1895): Ist. ocherk: (So snimkami s kartin, portretov i medalej): V 3 vyp. Varshava: Tip. Gub. pravl., 1899–1900. Vyp. 1.

1899. – 68 s. : portr., il.; Vyp. 2. 1899. – 60 s. : portr., il. Vyp. 3. 1900. – 58 s.: portr., il.
- Sonevickij 1913** – Sonevickij I. I. «Varshavskij dnevnik» pri knjaze N. N. Golicyne. (Vospominanija 1880–1883 gg.) // Russkaja starina. 1913. T. 155, № 7. S. 147–156.
- Tjutcheva 1990** – Tjutcheva A. F. Pri dvore dvuh imperatorov. Vospominanija i fragmenty dnevnikov frejliny dvora Nikolaja I i Aleksandra II. M.: Mysl', 1990. – 396 s.
- Feoktistov 1991** – Feoktistov E. M. Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896. Vospominanija. M.: Novosti, 1991. – 464 s.
- Cvikevich 1993** – Cvikevich A. «Zapadno-russizm»: Narysz z gistoryi gramadzkiej mys'li na Belarusi Ź XIX i pachatku XX v. 2-e vyd. Minsk: Navuka i tjechnika, 1993. – 352 s.
- Shilov 2007** – Shilov D. N. Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii. 1801–1906: biobibliograficheskoj spravocznik. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2007. – 992 s.
- Askenazy 1903** – Askenazy Sz. Sto lat zarządu w Królestwie Polskiem 1800–1900. Lwów: Nakł. Księgarni H. Altenberga, 1903. – 96, [1] s.
- Kieniewicz 1976** – Kieniewicz S. Warszawa w latach 1795–1914 // Dzieje Warszawy / pod red. S. Kieniewicza. T. III. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1976. – 384 s.
- Pobóg-Malinowski 1991** – Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. T. 1. Okres 1864–1914. Cz. 1, [Po klęsce styczniowej]. Gdańsk: "Graf", 1991. – 404 s., [12] s. tabl. : faks., fot., portr.
- Szwarc 1996** – Szwarc A. Od Wielopolskiego do stronnictwa polityki realnej: zwolennicy ugody z Rosją, ich poglądy i próby działalności politycznej (1864–1905). Warszawska: Oficyna Wydawnicza "Gryf", 1996. – 331 s.
- Wiech 2010** – Wiech S. «Dyktatura serca». Na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego: dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albiedynskiego (1826–1883). Kielce: Wydawn. Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2010. – 314 s.
- Zaleski 1971** – Zaleski A. Towarzystwo warszawskie. Listy do przyjaciółki przez Baronową X.Y.Z. Warszawa: Wydawnictwo PIW, 1971. – 615 s.

А.С. Луньков *

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ЛАГЕРЕЙ ДЛЯ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГГ.

Проблематика русско-японской войны продолжает отставаться актуальной для исторических исследований, особенно в свете современных тенденций, характеризующих развитие российско-японские отношения. При этом проблема военнопленных – одна из самых болезненных в плане отношений между участниками военного конфликта. Анализ религиозного аспекта организации быта русских военнопленных в Японии позволяет по новому взглянуть на особенности культуры и государственной политики обеих стран. Интересным является также изучение религиозных практик представителей других, помимо православной, конфессий.

Ключевые слова: русско-японская война, военнопленные, православие, иудаизм, военные конфликты, военная история.

Alexander S. Lunkov

THE RELIGIOUS ASPECT OF THE ORGANIZATION OF CAMPS FOR RUSSIAN PRISONERS OF WAR DURING THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904-1905

The Russian-Japanese war is an actual problem of historical research. This is especially relevant in the context of current trends in the development of Russian-Japanese relations. At the same time, the problem of prisoners of war is one of the most painful for relations between participants in a military conflict. An analysis of the religious aspect of the organization of the life of Russian prisoners of war in Japan makes it possible to take a fresh look at the characteristics of culture and the states of both countries. It is also interesting to study the religious practices of representatives of religions other than Orthodoxy.

Keywords: Russian-Japanese war, prisoners of war, Orthodoxy, Judaism, military conflicts, military history.

Луньков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии Института философии и права УрО РАН; 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

Alexander S. Lunkov, Candidate of History, Head of the Educational Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: istorik1981@mail.ru.

© Луньков А. С., 2019

Русско-японская война в современной исторической науке приобретает все большую актуальность как объект исследования. Это связано как с активизацией дипломатических контактов между Россией и Японией, так и с введением в научный оборот новых архивных материалов. Оцифровка же последних еще более упрощает доступ к историческим источникам широкого круга историков и журналистов. При этом ряд научных проблем истории русско-японской войны, ранее носивших печать «неоднозначных» или даже «позорных» страниц истории, сейчас становятся предметом изучения. К подобным «неоднозначным» фактам относится и проблема русских военнопленных этой войны. Между тем, изучение данного вопроса дает выход на целый ряд более глобальных проблем всеобщей истории начала XX века. Наиболее важным среди них являются проблемы практического применения во время боевых действий положений различных конвенций Первой Гаагской конференции 1899 г., вопрос о сочетании традиционных для Японии норм ведения войны и идеалов революции Мэйдзи, и стремления японцев к европейскому культурному признанию. Да и сама ситуация столкновения и совместного быта представителей двух очень разных культур имеет большой эвристический потенциал не только для исторической науки, но и других социально-гуманитарных наук.

На наш взгляд, религиозный аспект организации лагерей для русских военнопленных в Японии испытывал на себе влияние ряда факторов:

1. Многоконфессиональность русских военнопленных. Можно выделить как минимум 6 конфессиональных групп среди пленных – православные, католики, протестанты, буддисты, мусульмане и иудеи.
2. Активность японского командования по внедрению в практику ведения войны положений Первой Гаагской конференции.
3. Религиозные традиции самой Японии, в том числе история развития различных течений христианства на ее территории.
4. Идеалы революции Мэйдзи в аспекте внедрения в культуру Японии гуманистических ценностей в «западной» трактовке.
5. Японские традиции ведения войны, в частности отношения к пленным.

В данной статье мы рассмотрим более подробно только некоторые из этих факторов.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии последнего времени появился ряд публикаций, касающихся проблемы русских военнопленных. Всего по японским данным на территории Японии к моменту подписания Портсмутского мира и началу репатриации содержалось в плену 72408 человек [Сакон 2002 URL]. Хотя окончательной ясности с этой цифрой нет до сих пор, мы будем ориентироваться на нее. В это число не входят пленные, которых к моменту подписания перемирия еще не успели привезти в Японию и содержали

на различных транзитных пунктах на материке или в прифронтовой и тыловой области действующей армии. Точное число этих пленных на данный момент установить крайне сложно. Опыт содержания военнопленных и даже инфраструктура («приюты» для пленных) остались у Японии со времен японо-китайской войны. Поэтому можно сказать, что все мероприятия по организации содержания военнопленных были уже отработаны. Особенности этих организационных мероприятий, в частности, по реализации прав военнопленных на соблюдение религиозных обрядов, мы проиллюстрируем на примере двух самых многочисленных конфессий среди русских пленных – православных и иудеев.

Традиции христианства в Японии имеют довольно глубокие корни. Первый католический проповедник-иезуит появился в этой стране в середине XVI в. Однако очень скоро власти Японии взяли курс на изоляцию страны и начались гонения на христиан. Итогом этого процесса стало так называемое Симабарское восстание японцев-христиан 1637-1638 гг., которое было жестоко подавлено. Немногочисленные оставшиеся христианские общины были вынуждены скрывать свое вероисповедание. Так продолжалось вплоть до второй половины XIX в. Православие в Японии появилось вместе с русской дипломатической миссией, но первоначально не выходило за пределы узкого круга русских дипломатов и членов их семей. Все изменилось с приходом в Японию в 1861 г. Святителя Николая Японского (Иван Дмитриевич Касаткин, 1836-1912), в то время еще просто иеромонаха Николая. С его деятельностью связан один из интересующих нас аспектов организации жизни и быта русских военнопленных в Японии. К началу русско-японской войны Николай уже четверть века был епископом Ревельским и Японским [Марков 1999: 225] и в своей деятельности исходил, прежде всего, из идеалов христианской любви. Показателен в этом плане его ответ на вопрос, как быть православным японцам в случае войны Японии с Россией? Вопрос этот возник летом 1903 г., когда многими уже была осознана высокая вероятность конфликта. Его ответ был следующим: «Вы японцы, конечно, должны сражаться за Японию и осуществить христианскую любовь в своих самоотверженных действиях. Воевать с врагами – вовсе не значит ненавидеть их, а только защищать свое отчество» [Православные японцы 1904: 98].

Деятельность святителя Николая во время войны состояла в организации работы православных священников-японцев непосредственно в лагерях военнопленных и в содействии созданию и работе «Товарищества духовного утешения военнопленных» [Марков 1999: 231]. Последняя инициатива православных японцев поначалу вызвала большой энтузиазм у Николая, но последующая деятельность «Товарищества...» часто сопровождалась различными трениями с епархией, в основном, по финансовым вопросам [Жукова 2006: 82]. Среди ос-

новых препятствий для организации окормления военнопленных следует назвать категоричное нежелание властей Японии допускать к этому русских священников, даже попавших в страну вместе с самим пленными (с командой крейсера «Рюрик» был спасен корабельный священник, с гарнизоном Порт-Артура прибыло еще несколько). Для богослужений пришлось срочно готовить священников-японцев из тех, кто знал русский язык. Это, в свою очередь, породило другую проблему – несопоставимость количества военнопленных и количества священников. Последним приходилось прилагать огромные усилия, чтобы хоть как-то охватить своим вниманием всех прибывающих русских солдат и офицеров.

Более специфичной проблемой является наличие среди пленных представителей других конфессий. В отечественной историографии этот вопрос практически не затрагивался, как из-за традиционного представления о почти поголовном православии русских солдат и офицеров, так и в связи с недостатком источниковой базы. Однако если более углубленно рассмотреть этот вопрос, то возникает необходимость осмысления судьбы иноверцев в японском плену в связи с целым рядом моментов. Во-первых, по достаточно противоречивой информации, в японском плену должно было побывать довольно значительное число евреев (согласно наиболее тенденциозным из источников – до 12 тыс. человек [Шмаков 1906: ССХХV (225)]). Хотя работу А.С. Шмакова, вышедшую в 1906 г., вряд ли можно считать надежным источником, но так или иначе проблема иудеев и их религиозного быта в японском плену существовала. Согласно «Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона», информация которой восходит к данным Бюро по военнопленным при японском Военном министерстве, пленных евреев было всего 1739, то есть примерно 2,5% от всего числа пленных [Познер 1908-1913: 169-170]. Как же был организован их религиозный быт?

Л. В. Жукова в одной из своих статей пишет, что «помимо православных, среди русских военнопленных были католики, мусульмане и иудеи. Есть сведения, что для них были построены и котел, и протестантская кирха, и синагога, и мечеть» [Жукова 2010: 115]. К сожалению, автор не указывает источника этой информации, но ее подтверждение можно найти в зарубежной историографии. Довольно активно данную проблему исследует профессор Бер Котлерман из Университета Бар-Илан (Bar-Ilan University). В своей статье 1905 г., посвященной наиболее известному еврейско-герою Русско-японской войны Иосифу Трумпельдору, он акцентирует внимание на проблеме религиозной свободы евреев-военнопленных. Согласно его данным, японское руководство всячески шло навстречу просьбам евреев, в плане национальных и религиозных вопросов. Это касалось организации богослужения, празднования важных религиозных дат и погребения умерших [Kotlerman 2014: 42-44]. В отличие от православных, иудейские обряды соверша-

лись самими военнопленными из тех, кто знал все тонкости обрядности и традиций или делал что-то подобное в России. В своей публичной лекции 6 марта 2016 года в городе Кобэ, организованной «Обществом исследования еврейской культуры», профессор Котлерман отмечал, что в плену евреи пользовались большей религиозной свободой, чем в русской армии. В ряде лагерей были организованы синагоги (за что заключенные послали благодарственное письмо администрации одного из лагерей), издавался еженедельный журнал на двух языках «Der Yudesher Lebn / Еврейская жизнь» [Kotlerman 2016: 2-13] и т. д.

Причину таких лояльных условий содержания в плену следует искать в японской пропагандистской политике того периода. Уже процитированный выше Такэси Сакон в своей статье пишет, что «Япония как страна, вступающая в число модернизированных, цивилизованных западных государств, ограничивала себя всеми силами в рамках международных соглашений о войне» [Сакон 2002 URL]. Но дело было не только в этом. Согласно недавним исследованиям, в период войны японская разведка предпринимала разнообразные шаги по организации внутри Российской империи революционных выступлений. Ставка при этом делалась не только на политические партии, находящиеся в оппозиции или подполье, но и на националистические движения [Павлов 2016: 173-262]. Поэтому не случайно все лагеря были внутри структурированы по национально-религиозному принципу, и среди заключенных велась активная пропагандистская работа. Иначе довольно сложно объяснить столь гуманное отношение к русским солдатам. Тем более что в традиционной системе военных ценностей японцев плен считается большим позором (вплоть до того, что и в японском языке отсутствовало подходящее слово). Не было у японцев и какого-то особого отношения именно к русским. Для сравнения можно привести пример поведения японской армии во время интервенции на Дальнем Востоке России. По сути та же самая армия абсолютно не считалась с традициями местного населения, подвергает насилию не только подозреваемых в партизанской деятельности, но даже своих «союзников» из состава различных белогвардейских формирований [Мышов 2008: 73-82].

Таким образом, японская администрация всячески шла навстречу религиозным запросам военнопленных, но делала это сугубо в русле своей пропагандистской политики. Все обряды и таинства должны были совершаться либо священниками-японцами, либо самими заключенными. При этом японцы активно поддерживали националистические настроения и культивировали чувство благодарности Японии и ее народу.

Список источников и литературы

Жукова 2006 – Жукова Л.В. Обеспечение отправления религиозных обрядов русским военнопленным в Японии в 1904-1905 гг. //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 3. С. 79-88.

Жукова 2010 – Жукова Л.В. Повседневность японского военного плена: русские солдаты и офицеры в Японии в 1904-1905 годах // *Обозреватель-Observer*. 2010. № 1. С. 106-119.

Марков 1999 – Марков В. В. Апостол Японии // *Известия Восточного института*. 1999. № 5. С. 221-236.

Мышов 2008 – Мышов Н.А. «Они... представляются населению в роли завоевателей». Отчет белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. 1919 г. // *Отечественные архивы*. 2008. № 3. С. 73-82.

Павлов 2016 – Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904-1905 гг.: секретные операции на суше и на море. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 173-262.

Познер 1908-1913 – Познер С. Армия в России // *Еврейская энциклопедия*. СПб.: Общество для научных еврейских изданий и издательства Брокгауз-Ефрон, 1908-1913. Т. 3, 169-170.

Православные японцы 1904 – Православные японцы // *Владивостокские епархиальные ведомости*. 1904. № 4-5. С. 98.

Сакон 2002 – Сакон Т. Военнопленные в период русско-японской войны 1904-1905 гг. // *Окно в Японию*. Е-mail бюллетень Общества «Россия-Япония», № 07, 2002.02.17. URL: <http://ru-jp.org/sakon.htm> (дата обращения 08.02.2018).

Шмаков 1906 – Шмаков А.С. Свобода и евреи. Спб., 1906. С. ССXXV (225).

Kotlerman 2014 – Kotlerman B. Between Loyalty to the Empire and National Self-Consciousness: Joseph Trumpeldor among Jewish Russian POWs in Japan (1905) // *Asia Japan Journal*. 2014. № 9. P. 39-49.

Kotlerman 2016 – Kotlerman B. Jewish Religious Challenges in the POW Camps in Japan, 1904-1905 // *港 / 港 / Port: Journal of the Japanese Association of Jewish Studies*. 2016. № 21. P. 2-13. (in Japanese)

References

Zhukova 2006 – Zhukova L.V. Obespechenie otpravleniya religioznykh obryadov russkim voennoplennym v YAponii v 1904-1905 gg. // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Istoriya Rossii. 2006. № 3. S. 79-88.

Zhukova 2010 – Zhukova L.V. Povsednevnost' yaponskogo voennogo plena: russkie soldaty i oficery v YAponii v 1904-1905 godah // *Obozrevatel'-Observer*. 2010. № 1. S. 106-119.

Markov 1999 – Markov V. V. Apostol YAponii // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 1999. № 5. S. 221-236.

- Myshov 2008** – Myshov N.A. «Oni... predstavlyayutsya naseleniyu v roli zavoevatelej». Otchet belogvardejskogo oficera o yaponskoj intervencii i Grazhdanskoj vojne na Dal'nem Vostoke. 1919 g. // Otechestvennye arhivy. 2008. № 3. S. 73-82.
- Pavlov 2016** – Pavlov D. B. Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 gg.: sekretnyye operacii na sushe i na more. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Institut rossijskoj istorii RAN; Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. S. 173-262.
- Pozner 1908-1913** – Pozner S. Armiya v Rossii // Evrejskaya ehnciklopediya. SPb.: Obshchestvo dlya nauchnyh evrejskih izdanij i izdatel'stva Brokgauz-Efron, 1908-1913. T. 3, 169-170.
- Pravoslavnye yaponcy 1904** – Pravoslavnye yaponcy // Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti. 1904. № 4-5. S. 98.
- Sakon 2002** – Sakon T. Voennoplennye v period russko-yaponskoj vojny 1904-1905 gg. // Okno v YAponiyu. E-mail byulleten' Obshchestva «Rossiya-YAponiya», № 07, 2002.02.17. URL: <http://ru-jp.org/sakon.htm> (data obrashcheniya 08.02.2018).
- Shmakov 1906** – SHmakov A.S. Svoboda i evrei. Spb., 1906. S. CCXXV (225).
- Kotlerman 2014** – Kotlerman B. Between Loyalty to the Empire and National Self-Consciousness: Joseph Trumpeldor among Jewish Russian POWs in Japan (1905) // Asia Japan Journal. 2014. № 9. P. 39-49.
- Kotlerman 2016** – Kotlerman B. Jewish Religious Challenges in the POW Camps in Japan, 1904-1905 // 港 / 722 / Port: Journal of the Japanese Association of Jewish Studies. 2016. № 21. P. 2-13. (in Japanese)

УДК 94(47).084.8:94(430).086
DOI 10.26170/vvi19-01-14
Код ВАК 07.00.03

*О.И. Нуждин**

ЖИЗНЬ И БЫТ ОККУПАНТА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В 1942 ГОДУ

Нуждин Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Oleg I. Nuzhdin, PhD in history, Associate professor of the Department of social and cultural Services and Tourism of the Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltzin, Ekaterinburg, Russia.

Телефон/Phone: +7(343)389-94-64. E-mail: o_nuzhdin@mail.ru

© Нуждин О. И., 2019

В статье исследуются некоторые аспекты повседневной жизни немецких солдат на Восточном фронте весной – осенью 1942 года. Автор отмечает, что помимо боевых действий большое внимание уделялось здравоохранению, налаживанию быта, обеспечению продовольствием и разного рода развлечениям: конкурсам, праздникам, организации досуга в тылу. Эти меры способствовали сохранению психологического комфорта среди солдат и офицеров среди монотонности фронтовой жизни.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Восточный фронт, оккупация, повседневная жизнь, немецкие солдаты.

Oleg I. Nuzhdin

LIFE AND LIFE OF OCCUPANT ON THE EASTERN FRONT IN 1942

The article examines some aspects of the daily life of German soldiers on the Eastern Front in the spring – autumn of 1942. The author notes that in addition to the fighting, great attention was paid to public health, the establishment of everyday life, the provision of food and various kinds of entertainment: contests, holidays, leisure activities in the rear. These measures contributed to the preservation of psychological comfort among the soldiers and officers among the monotony of front-line life.

Keywords: World War II, Eastern Front, occupation, daily life, German soldiers.

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, посвященные особенностям пребывания немецких солдат на передовой Восточного фронта весной – осенью 1942 г. К этому времени завершилась битва под Москвой, ставшая первым крупным поражением вермахта, а впереди была катастрофа под Сталинградом. Поэтому полгода с апреля по октябрь стали особенным временем относительного равновесия на центральном участке фронта, в ходе которого немецкие солдаты предпринимали попытки обустроить свою жизнь в условиях непривычной для них обстановки.

Середина весны 1942 г. ознаменовалась некоторым затишьем. Обе стороны готовились к новым боевым действиям, но нагрянувшая распутица, сделавшая дороги непроходимыми, внесла свои коррективы в военные планы. Одновременно противнику стало ясно, что война затягивается и, следовательно, нужно приспосабливаться к фронтовым условиям жизни на длительный период.

В целом, фронтовая обстановка была однообразной до уныния. «Привыкание» к постоянным обстрелам вызывало апатию и пренебрежение опасностью, что приводило к излишним, совершенно ненужным потерям. Понимая эту грозу, командование немецких частей и соединений старалось по мере возможности разнообразить пребывание своих солдат на фронте или предоставить им возможность отдыха в тыловом районе или даже на родине, в Рейхе.

Одним из способов развлечения солдат стали разнообразные конкурсы и соревнования. Так, солдаты 20-й танковой дивизии, размещенные в д. Дрожино, с наступлением весны и появлением первой зелени устроили соревнование за самый красивый дом. Все свободные от службы бросились украшать свои жилища березовыми ветками, приводили в порядок внутреннее убранство комнат, дорожки, ведущие от крыльца к воротам. Местные жители весьма удивлялись, не понимая, зачем это нужно.

В огородах стали высаживать салат, редис, шпинат, лук и даже цветы. Семена для них заказывали из Германии. Часть семян отдавали крестьянам, у которых после голодных зимних месяцев почти ничего не осталось из съестного [Hinze 1991: 131]. Осенью проводились конкурсы на лучшее украшение жилого бункера, самое красивое укрытие для пулемета и, конечно же, на самую красивую песню. Из призовых стихов, после соответствующей обработки, в 12-м панцер-гренадерском полку сложили песню панцер-гренадеров 4-й танковой дивизии [Schaub 1957: 131]. Вносили некоторое разнообразие в будни концерты полковых оркестров и богослужения. Воодушевление среди солдат вызвало прошедшее в августе 1942 г. массовое награждение «Зимней медалью», именуемой в просторечье «Мороженое мясо». Несмотря на такое неблагозвучное прозвище ее носили с подобающей гордостью, как признание высшим командованием заслуг в зимнюю кампанию 1941/42 гг. [Neumann 1985: 527].

Для более «культурного» отдыха в армейском тыловом районе создавались так называемые «дома отдыха» для солдат и офицеров. Несколько таковых для 2-й танковой армии размещалось в Орле. В них отправляли по два человека от каждой роты сроком на семь дней. После стабилизации фронта осенью 1942 г. квота была несколько увеличена.

Домами отдыха руководили сестры Немецкого Красного Креста, которые пытались создать некое подобие домашнего уюта. Отдыхающие получили возможность спать на застеленных белыми простынями постелях, которые стояли в маленьких комнатах. Еду накрывали на покрытых белыми скатертями столах, а сестры добивались от них «среднеевропейского поведения». Здесь уместно вспомнить правило 15 из «Памятки отпускнику Восточного фронта». Оно как раз было призвано скорректировать поведение солдата, огрубевшего среди «варваро-русских», в общении с приличными дамами-немками: «Также не рекомендуется по тем же соображениям говорить даме с дружелюбным лицом: “Ах ты грязная неряха, ты завшивела, и будет недурно, если ты наконец-то помоешься”»; она может это понять и обидится. В таком случае лучше произнесите это по-русски» [Strauss 2006: 128].

В доме отдыха имелся большой зал для развлечений с играми и книгами. В Орле находилось несколько кинотеатров, где крутили новые фильмы, а также варьете. В целом, по воспоминаниям немецких

солдат, складывалась обстановка тылового города, далекого от ужасов войны [Schaub 1957: 131].

В целом, такая практика оказалась весьма полезной для восстановления физического и психического здоровья солдат и офицеров, и, в конечном счете, вело к снижению потерь. Особое значение, на которое часто указывают в своих воспоминаниях бывшие немецкие военнослужащие, имело общение с представительницами противоположного пола. Насколько далеко заходили такие отношения, точной информации нет, можно только предполагать, что не всегда они оставались в пределах «среднеевропейской манеры поведения». О женщинах на фронте думали часто, даже при кодировании сообщений обращались к их образам. Например, в том же 12-м панцер-гренадерском полку количество боеприпасов шифровалось по кодовому слову «Damenbrust» (женская грудь) [Ibid.: 132].

От уныния и однообразия фронтовых будней спасало чувство юмора. У немцев оно всегда было несколько грубоватым, а тут еще и боевая обстановка вносила свои коррективы. В результате шутки получались «на грани», но, видимо, соответствовали тогдашним настроениям и потому запомнились.

Несколько образцов фронтового обиходного юмора удалось разыскать в истории 46-й пехотной дивизии. Вот, в частности, анекдот: Парад в Берлине по случаю победы. На трибуне стоит Адольф Гитлер, а внизу проходят маршем победоносные немецкие войска. Вдруг на площади появляется толпа оборванцев. «Фюрер спрашивает: “Что это за дивизия?” Адьютант отвечает: “Это 46-я пехотная. Она так долго была за границей, что ее солдаты пока еще плохо говорят по-немецки!”» [Scherzer 2009: 333].

Или вот еще один пример достаточно грубой и бесчеловечной шуточки. Немецкий лейтенант разговаривает с ротным доктором Шеффером, отмечая, что из-за нехватки пригодной для питья воды солдаты берут ее из луж. А после боев в лужах лежат мертвые русские. В ответ доктор рассмеялся и ответил так: «Я полагаю, они были диабетиками, поскольку чай в последнее время получался такой сладкий!» Сам немецкий лейтенант заметил, что юмор грубый, но все равно «ему приятно вновь быть среди своих» [Ibid.: 333]. Более «изящный» пассаж можно найти в дневнике командира 33-го панцер-гренадерского полка 4-й танковой дивизии. Он отмечал праздник с командиром соединения генералом Эбербахом, после чего сделал запись: «3 град. мороза (воздуха, разумеется, а не генерала)» [Panzergrnadier-Regiment 33 1985: 239].

В таком же юмористическом духе составлена «Памятка отпускинику Восточного фронта», выдаваемая солдатам 2-й танковой дивизии. В ней всего 20 пунктов, посвященных правилам поведения в Германии, о которых, как подразумевается, солдаты Восточного фронта

успели позабыть, находясь в «варварской стране». Вот некоторые из правил «хорошего тона», рекомендуемых для отпускников:

2. «При поиске жилья не рекомендуется сразу вламываться в первый же дом и располагаться там на полу или на батарее центрального отопления. Удивление проживающих в доме будет вполне понятно. Проверьте, нет ли у Вас собственного дома».

5. «Твое кулинарное искусство выше всяческих похвал. Познания, которые ты приобрел для себя в этой области в России, всеобъемлющи, но воздержись от того, чтобы ими беспрестанно пользоваться на кухне и рекомендовать их своей жене для приготовления пищи. Может случиться, что твоя жена после признания твоего кулинарного превосходства навсегда передаст тебе работу на кухне, а специалисты по желудочно-кишечным заболеваниям в Германии и так уже перегружены».

8. «Расположенные внизу фаянсовые блюда особенной формы, которые можно обнаружить в особенных комнатах немецких жилищ, служат особенным делам, о которых лучше всего узнать у домохозяйки. После завершения особенного дела потяните за висящую сбоку цепочку (не пугайтесь, устройство абсолютно безвредно). Для мыться волос и бритья эти фаянсовые блюда не годятся» [Strauss 2006: 127-128].

Как видно, авторы памятки в «шутливой» форме пытались обыграть огрубение нравов культурного немца, оказавшегося на фронте в России, и возникающие сложности при возвращении его к цивилизации. «Памятку» можно рассматривать как сборник советов от одного камрада другому, чтобы тот не оказался в глупой ситуации.

Однако существовали формы проявления фронтового товарищества, которым вполне можно позавидовать. В частности, следует назвать приказ от 21 сентября 1942 года по 33-му панцергренадерскому полку. В соответствии с ним предлагалось на добровольных началах ежемесячно перечислять определенную сумму денег для детей погибших однополчан. Для этой цели в Государственной сберегательной кассе г. Дессау открывался специальный счет, на котором аккумулировались денежные средства. По окончании войны предполагалось произвести выплаты равными долями на каждого ребенка по достижении ими 21 года, а для девушек при выходе их замуж – и раньше [Panzergranadier-Regiment 33 1985: 233]. Приказ завершался словами: «Каждый взнос является благодарностью нашим погибшим товарищам и, одновременно, закладным камнем для будущего жизненного пути их детей, для которых мы занимаем место их погибших отцов. Никакая жертва здесь не является слишком большой» [Ibid.: 234]. К сожалению, проследить судьбу этих денег после поражения Германии не удалось. Скорее всего их постигла судьба всей финансовой системы нацистской Германии.

В 1942 г. стали происходить важные изменения в системе снабжения немецких войск на оккупированных территориях. Это было вы-

звано сложностями с перевозками продуктов питания из Рейха в Россию, а также с общим ухудшением продовольственного положения в Германии. Поэтому войска стали в определенной степени переходить на самоснабжение. В полках и батальонах появились собственные стада крупного рогатого скота и свиней, птичники (куры и гуси). Они переезжали вместе с воинскими частями с места на место при вынужденных передислокациях в отдельных товарных вагонах. Даже в критические моменты отступлений тыловые службы наряду с вооружением и боеприпасами всегда старались вывезти скот и птицу.

В августе настала пора сбора урожая зерновых и огородных культур. Для этого в полках формировались специальные команды, в основном из военнопленных и местных жителей. Так, в 12-м панцер-гренадерском полку 4-й танковой дивизии она состояла из 180 человек местных жителей, которые трудились под присмотром 20 человек охраны из числа солдат вермахта, которые одновременно выполняли функции десятников.

К уборке урожая привлекались также роты из числа отдыхающих. Если первые команды убирали урожай вблизи линии фронта, то вторые – в тыловом районе. Немцы отмечали в своих записях, что как только русские обнаруживали в полях жнецов, то сразу открывали артиллерийский огонь. Поэтому приходилось, в основном, работать по ночам [Schaub 1957: 126-127].

Для сбора урожая зерновых в 4-й танковой дивизии были созданы две роты жнецов общей численностью в 440 человек, а также 700 местных жителей, из них 200 женщин. Собранное зерно поступало на молотилки, из которых пять обслуживались немцами, а две – русскими работниками. Добросовестный труд поощрялся премиями, а также раздачей лошадей и участков земли.

Всего в полосе дивизии удалось собрать урожай с 7 000 га, он исчислялся в 5 185 т. Собранный картофель оценивался в 4 550 т. В качестве продуктового налога от местного населения удалось получить еще 735 т зерна и 135 т картофеля. Как утверждают немецкие авторы, основная часть собранного урожая была передана местному населению для его собственных нужд и для будущей посевной [Neumann 1985: 532].

В июле начался сенокос. В 4-й танковой дивизии к нему привлекали до 200 солдат ежедневно с лошадьми и иным транспортом. Собранное сено оценивали в 2 200 т, что считалось достаточным для прокорма 2 600 лошадей сроком на семь месяцев. Такие цифры позволяли дивизии продержаться на собственных запасах до следующей весны.

В это же время началась заготовка древесины для отопления в зимний период и для нужд кухонь и пекарен. Пришлось сформировать команды лесорубов. Из них в августе трудились на лесоповале 130 человек гражданских. Всего было заготовлено, распилено и упаковано более 1500 погонных метров леса [Ibid.: 531-532].

Несмотря на неблагоприятные условия жизни, плохое питание и общую антисанитарию, медицинская служба в немецких войсках справлялась с поддержанием здоровья на нужном уровне. Наступление теплого времени года вызывало у командования опасения распространения инфекционных заболеваний. Однако эпидемий удалось избежать. В июле – августе в полках наблюдалось несколько случаев заболевания холерой, малярией, желтухой, а чаще всего – дизентерией. Количество смертей в дивизиях исчислялось единицами.

Хуже всего обстояло дело с состоянием зубов. Медики оценивали его как плохое. По их оценкам разными стоматологическими заболеваниями страдали до 60% солдат на передовой. Три дивизионные зуболечебницы с 11 по 20 августа обслужили около 600 пациентов [Ibid.: 527].

В целом, следует отметить, что Восточный фронт оказался для немцев совершенно особой средой обитания, к которой приходилось приспосабливаться особенным образом. Жизнь, быт и ведение военных действий здесь существенно отличались от привычных, «европейских», настолько, что новобранцам приходилось объяснять особо, в чем они заключаются. Боевой опыт, приобретенный на Западе, мало помогал немецкому солдату в войне на Востоке.

Список источников и литературы

- Hinze 1991** – Hinze R. Hitze, Frost und Pulverdampf. Der Schicksalsweg der 20. Panzer-Division. Bochum: Verlag Hinze, Meerbusch, 1991. 412 S.
- Neumann 1985** – Neumann J. Die 4. Panzer-Division. 1938–1943–1945. Bericht und Betrachtungen zu zwei Blitzfeldzügen und zwei Jahren Krieg in Rußland. Bonn-Duisdorf: Selbstverlag, 1985. 652 S.
- Panzergranadier-Regiment 33 1985** – Panzergranadier-Regiment 33 – 4. Panzer-Division. Ein Gedenkbuch. Eigen-Verlag, 1985. 360 S.
- Schaub 1957** – Schaub O. Aus der Geschichte Panzer-Grenadier-Regiment 12 (S.R. 12). – Bergisch Gradbach: Selbsverlag, 1957. 291 S.
- Scherzer 2009** – Scherzer V. 46. Infanterie-Division: Krim – Kaukasus – Kubanbrückenkopf – Isjum – Jassy. Weg und Einsatz einer fränkisch-sudetendeutschen Infanterie-Division 1938–1945. Ranis; Jena: V. Scherzers Militäer-Verlag, 2009. 642 S.
- Strauss 2006** – Strauss F.J. Geschichte der 2. (Wiener) Panzer-Division. Dörfler: Nebel-Verlag, 2005. 426 S.

References

- Hinze 1991** – Hinze R. Hitze, Frost und Pulverdampf. Der Schicksalsweg der 20. Panzer-Division. Bochum: Verlag Hinze, Meerbusch, 1991. 412 S.

- Neumann 1985** – Neumann J. Die 4. Panzer-Division. 1938–1943–1945. Bericht und Betrachtungen zu zwei Blitzfeldzügen und zwei Jahren Krieg in Rußland. Bonn-Duisdorf: Selbstverlag, 1985. 652 S.
- Panzergranadier-Regiment 33 1985** – Panzergranadier-Regiment 33 – 4. Panzer-Division. Ein Gedenkbuch. Eigen-Verlag, 1985. 360 S.
- Schaub 1957** – Schaub O. Aus der Geschichte Panzer-Grenadier-Regiment 12 (S.R. 12). – Bergisch Gradbach: Selbsverlag, 1957. 291 S.
- Scherzer 2009** – Scherzer V. 46. Infanterie-Division: Krim – Kaukasus – Kubanbrückenkopf – Isjum – Jassy. Weg und Einsatz einer fränkisch-sudetendeutschen Infanterie-Division 1938–1945. Ranis; Jena: V. Scherzers Militäer-Verlag, 2009. 642 S.
- Strauss 2006** – Strauss F.J. Geschichte der 2. (Wiener) Panzer-Division. Dörfler: Nebel-Verlag, 2005. 426 S.

УДК 94(470.5).084.5:61(091)
DOI 10.26170/vvi19-01-15
Код ВАК 07.00.02

*Д.Л. Островкин**

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

В статье на основе данных из региональных и федеральных архивов, анализируется решение проблемы дефицита медицинских кадров в условиях начавшейся индустриализации на Урале. Рассмотрены вопросы организации медицинских учреждений и их функционирования в заявленный период.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, история Урала, индустриализация, врачи, медицинские кадры, кадровая политика.

Denis L. Ostrovkin

PERSONNEL IN THE AREA OF PUBLIC HEALTH AT THE URAL IN THE LATE 1920-s – EARLY 1930-s.

The article, on the basis of data from regional and federal archives, analyzes the solution to the problem of shortage of medical personnel in the context of the

Островкин Денис Леонидович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

Denis L. Ostrovkin, PhD in history, Senior Lecturer at the Department of General History Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Телефон/Phone: +7(905)802-87-20. E-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

© Островкин Д. Л., 2019

beginning of industrialization in the Urals. The issues of organization of medical institutions and their functioning in the stated period are considered.

Keywords: healthcare, medicine, history of the Urals, industrialization, doctors, medical personnel, personnel policy.

На сегодняшний день российское здравоохранение находится в череде перманентных реформ, проведение которых во многом связывают с оптимизацией материально-технической базы и, главное, с сокращением медицинского персонала. Так, только в Свердловской области, согласно отчету министра здравоохранения Свердловской области численность младшего медицинского персонала с 1 января 2015 г. по 1 июня 2017 г. сократилась с 14085 чел. до 8002 работников [Знак 2017 URL] (т.е. уменьшение составило 44%). Однако обеспечение органов здравоохранения качественными медицинскими кадрами – одна из приоритетных задач социально-ориентированного государства, залог успеха для любой системы оказания медицинской помощи населению. В связи с этим, изучение кадровой политики в области здравоохранения приобретает особое значение, особенно в период начавшейся индустриализации советского государства, когда в условиях дефицита материальной базы и финансовых средств советско-партийным руководителям удалось обеспечить минимальной медицинской помощью большинство индустриальных центров страны.

К концу 1920-х гг. проблема обеспечения Уральского региона медицинскими кадрами оставалась достаточно острой. Повсеместно не хватало врачей, среднего медицинского персонала (в сельскохозяйственных территориях нехватка врачей составляла до 80% [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 333. Л. 30]). Советское руководство, прикладывало большие усилия, чтобы решить данную проблему. Так, в Екатеринбурге был образован медицинский факультет на базе Уральского государственного университета, однако, в связи с финансовыми трудностями который, был закрыт уже в 1924 г. [Островкин 2017: 40-43].

Советское Правительство в 1925 г. приняло декрет «Об обеспечении сельских местностей медицинской помощью и об улучшении материально-бытового положения участкового медицинского персонала» [Известия ЦИК СССР]. Однако правительственных директивы не давали положительного эффекта ввиду недостатка финансирования областных отделов здравоохранения. В результате, в Уральской области в 1929–1930 гг. работало только 1735 врачей, что составляло 19,3% от общего числа необходимого персонала для работы в регионе. Не лучше обстояли дела даже со средним медицинским персоналом. Так, процент обеспеченности акушерками и медсестрами составлял 42,2% и 23,9% соответственно. Таким образом, к началу политики индустриализации, одним из центров которой становится Урал, в регионе была

яркая нехватка медицинских кадров, необходимо было организовать целенаправленную политику по увеличению врачебного персонала.

Советское руководство, понимая, что вопрос о дефиците врачебных кадров является одной из главных проблем по построению качественной системы медицинского обслуживания населения уже в 1930–1931 гг. принимает решение об учреждении семи новых медицинских вузов [РГАСПИ. Ф. 357. Д. 136. Оп. 1. Л. 1], среди которых был Свердловский государственный медицинский институт (специальное постановление Совнаркома РСФСР от 10 июля 1930 г.).

Первоначально в составе нового Института трудилось всего 19 преподавателей (3 профессора, 2 доцента и 14 без ученой степени), а студентами стали всего 182 человека. Организаторами кафедр были профессора: В. М. Здравомыслов (кафедра микробиологии), А. Т. Лидский (госпитальной хирургии), Л. М. Ратнер (факультетской хирургии), А. Ю. Лурье (акушерства и гинекологии), Е. С. Кливанская-Кроль (детских болезней), С. Я. Голосовкер (кожно-венерологических болезней), В. Д. Чаклин (травматологии и ортопедии), В. И. Величкин (социальной гигиены), Г. И. Замуравкин (глазных болезней) [Соколов 2008: 25]. Все они вошли в «золотой фонд» врачей Урала, стали основателями медицинских школ. Важно, что одновременно с открытием Института происходило и формирование клинических баз для высшего учебного заведения. К примеру, было принято решение о строительстве Свердловской областной клинической больницы, на базе которой стали работать кафедры факультетской и госпитальной хирургии и терапии [Кутепов 2010: 20–24]. Расширялся и набор обучающихся в медицинском институте. В результате, к 1 января 1934 г. в Свердловском институте на дневной форме обучалось 506 студентов, а также 147 – на заочной [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 24. Д. 128. Л. 65].

Вторым источником уменьшения кадрового дефицита на Урале стало направление Народным комиссариатом здравоохранения молодых специалистов, выпускающийся из медвузов РСФСР в уральский регион. Только в 1930–1931 гг. на Урал из различных регионов страны по «разнарядке» было направлено около 1500 врачей [Гуревич 1946]. Так, в мае 1931 г. на службу поступило 230 прибывших врачей, из которых 142 специалиста были направлены в Магнитогорск, 34 на Уралмашстрой и 22 в Челябинск [РГАСПИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 140. Л. 12]. Однако у такой кадровой политики был ощутимый недостаток. Прибывшие специалисты не знали местной специфики, зачастую, уровень практической подготовки не был высоким.

Важным направлением деятельности органов здравоохранения в начале 1930-х гг. стала и организация научно-исследовательских институтов. Именно они должны были стать научными центрами в различных областях медицины. Уже в апреле 1930 г. в Свердловске состоялось открытие Уральского государственного Института патоло-

гии, гигиены и научной организации труда [ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. Всего за четыре года число научных институтов Облздравотдела возросло с двух – повивально-гинекологического и химико-бактериологического до 14. Большое значение имело то, что кроме подготовки научных исследований, уральские НИИ занимались вопросами и подготовки и переподготовки врачебного персонала. Так, Институт материнства и младенчества в 1932 г. подготовил 155 специалистов в области педиатрии, Институт травматологии – более 100 врачей травматологов [Там же: 6].

В конце 1920-х–начале 1930-х гг. получают развитие специальные виды врачебной помощи. Например, начинается подготовка зубных врачей, которые в то время были очень редкими специалистами. Ухудшалась ситуация и тем, что обучение зубоврачебному делу было прекращено еще в 1919 г., в связи с чем, положение с данными работниками в уральском регионе было крайне тяжелым. В результате, к началу 1930-х гг. на Урале работало лишь 69 зубных врачей, что было даже меньше, чем один специалист на район [ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 8. Л. 210]. Для решения данной проблемы уже в 1929 г. в Пермском университете была открыта кафедра стоматологии, чем позднее – стоматологическая клиника в Перми, реорганизованная в дальнейшем в областной научно-практический институт стоматологии. В это же время были открыты стоматологические отделения при Свердловском и Пермском медицинских техникумах. К 1935 г. в РСФСР были учреждены первые четыре стоматологических института, в числе которых Пермский институт [Тарасенков 1963: 356]. Открытие профильных отделений и специализированного института позволило значительно улучшить зубоврачебную помощь населению Урала.

Наряду с подготовкой высшего врачебного персонала на Урале началась активное обучение среднего медицинского персонала. В октябре 1930 г. Уральской области были открыты первые медицинские техникумы, а в 1931-1932 гг. – фельдшерско-акушерские школы. Однако первоначально создаваемые средние медицинские учреждения обладали слабой материальной базой. Так, в своих воспоминаниях, заведующая Свердловским медицинским техникумом указывала, что в начале 1930-х гг. студентам, в связи с отсутствием достаточного количества кабинетов, «приходилось заниматься в учительской, под лестницей, специализированное медицинское оборудование для обучения было минимальным. Все преподаватели работали по совместительству. Общежития для обучающихся были переполнены» [ЦДООСО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3. Л. 16]. Еще хуже обстояли дела с финансовой составляющей. Стипендия, которая составляла всего 30–60 руб. (для примера, стипендия в промышленных техникумах составляла около 175 руб.), зачастую задерживалась, либо не выплачивалась совсем. В связи с этим, на протяжении 1930 – 1934-х гг. до 15% отчислений происходило по причине отсутствия де-

нежных средств у студентов [ЦДООСО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 3. Л. 117], которые вынуждены были переходить на другое место обучения, а те, кто оставался, вынуждены были искать другой источник дохода, что неминуемо сказывалось на качестве обучения.

Помимо организации системы высшего и среднего образования в начале 1930-х гг. широкое распространение получает курсовая подготовка и переподготовка медицинских кадров. Так, в конце 1920-х гг. на Урале началось обучение медицинских специалистов в области детской педиатрии. В результате обучаемые получали знания по вопросам вскармливания ребенка, проходили детскую физиологию и анатомию, знакомились с основными инфекционными и социальными болезнями [ГАСО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 15. Л. 10–13]. Только в 1931 г. в Уральской области различные курсы повышения квалификации прошли 981 медсестра, 4500 ясельных сестер, 60 заведующих яслями. В 1932 г. эти цифры были еще внушительнее. Обучение прошли более 2000 медсестер, 200 акушерок, 83 помощника санитарных врачей и 160 дезинфекторов, 6930 ясельных работников [ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 8. Л. 74]. Всего в течение трех лет (1931-1933 гг.) органы здравоохранения подготовили на курсах 5041 медицинскую сестру, 23830 ясельных сестер и заведующих яслями, 305 акушерок, 218 дезинфекторов, 140 помощников санитарных врачей [ГАСО. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 19. Л. 73]. Вместе с этим органы здравоохранения занимались организацией подготовительных курсов по поступлению в медицинские учреждения Урала. Так, в 1930 г. в различных регионах Уральской области работало 11 подготовительных курсов, обучение в которых прошло более 1000 чел. [ЦДООСО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1. Л. 9].

В целом такое внимание органов здравоохранения к вопросу подготовки медицинских кадров принесло свои плоды уже к концу первой пятилетки. Если в 1928 г. на Урале на одного врача приходилось 4,9 тыс. человека, то уже в 1932 г. – 2,6 тыс. жителей. Количественный рост врачей составил 87%, увеличившись с 1505 (в 1929 г.) до 2821 (в 1933 г.) специалиста [Соколов 2008: 25]. Увеличилось и количество учебных заведений, которые готовили специализированные кадры. Так, в 1928 г. общее число студентов медицинских вузов составляло 1034 чел., то к 1932 г. – 1881. За этот же период было открыто десять медицинских техникумов, а число обучающихся возросло с 466 до 2367 чел. Кроме того, на Урале были учреждены два медицинских рабфака, которые до этого не существовали [Величкин 1933: 11-20]

Однако даже при возросшем числе медицинских работников в нескольких десятках районов Уральской области имелось только по 1–2 врача, а в некоторых, временами, вовсе ни одного. Резкий недостаток врачей был на новостройках. В Магнитогорске, в 1932 г. за место полагающихся по штату 301 врача, имелось лишь 174 [ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3420. Л. 78. Об]. По Уралу повсеместно был дефицит в сани-

тарных врачах, врачах ОЗД, материнства и младенчества, во врачах венерологах, туберкулезниках. Еще тяжелее ситуация была с обеспечением врачебной помощью жителей села, где, зачастую, в связи с отсутствием врачей приходилось работать среднему медицинскому персоналу. Органам здравоохранения даже приходилось пользоваться помощью сестер запаса Российского общества Красного Креста, сестер военного времени, а порой принимать на работу лиц без всякой теоретической медицинской подготовки. Решение этих и других вопросов, связанных с обеспечением региона качественными медицинскими кадрами, советско-партийными органами было продолжено во второй половине 1930-х гг., а их результатом стало почти полное удовлетворение потребности населения Урала во врачебной помощи.

Список источников и литературы

- Величкин 1933** – Величкин В. И. Сдвиги здравоохранения на Урале за первую пятилетку// Труды научно-исследовательских институтов / Под ред. К. А. Коновалова. – Сб. № 1. – Свердловск – Москва: Уральское обл. гос. изд-во. – 1933. – С. 11 – 20.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГАСО** – Государственный архив Свердловской области.
- Гуревич 1946** – Гуревич, Г. Е. Здравоохранение Большого Урала – М., – 1946.
- Знак 2017** – «Уничтожение медицины». В свердловских больницах в 2 раза сократилось количество медсестер. URL: https://www.znak.com/2017-07-20/unichtozhenie_mediciny_v_sverdlovskih_bolnicah_v_2_raza_sokratilos_kolichestvo_medsester (дата обращения: 01.02.2019)
- Известия ВЦИК СССР 1925** – Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР от 13 декабря 1925 г.
- Кутепов 2010** – Кутепов, С. М. Уральская государственная медицинская академия: 80 лет во благо здоровья уральцев // Медицина и здоровье. – М., 2010. №7 (51). – С. 20–24.
- Островкин Д. Л. 2017** – Островкин Д. Л. Первый опыт медицинского факультета в Екатеринбурге // Шаг в историческую науку: Материалы всероссийской конференции молодых ученых. Вып. 17. – Екатеринбург, 2017. С. 40–43.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- Соколов 2008** – Соколов Б. В., Бальчугов А. Д., Сажина М. Г. Становление государственной системы здравоохранения на Урале. Екатеринбург. 2008.

- Тарасенков 1963** –Тарасенков, П. Н. Развитие здравоохранения на Урале в 1928–1937 годах // Тр. Пермского гос. мед. института. – Пермь, 1963. – Т. 43. – Вып. 2. – С. 354–361.
- ЦДОСО** – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

References

- Velichkin 1933** – Velichkin V. I. Sdvigi zdravookhraneniya na Urale za pervuyu pyatiletku// Trudy nauchno-issledovatel'skikh institutov / K. A. Konovalov. –№ 1. – Sverdlovsk – Moskva. – 1933. – S. 11 – 20.
- GARF** – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii.
- GASO** – Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti.
- Gurevich 1946** – Gurevich, G. E. Zdravookhranenie Bol'shogo Urala – Moskva, – 1946.
- Znak 2017.** URL – «Unichtozhenie meditsiny». V sverdlovskikh bol'nitsakh v 2 raza sokratilos' kolichestvo medsester. URL: https://www.znak.com/2017-07-20/unichtozhenie_mediciny_v_sverdlovskikh_bolnicah_v_2_raza_sokratilos_kolichestvo_medsester (data obrashcheniya: 01.02.2019)
- Izvetiya VTsIK SSSR 1925** – Izvestiya Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta SSSR ot 13 dekabrya 1925 g.
- Kutepov 2010** – Kutepov, S. M. Ural'skaya gosudarstvennaya meditsinskaya akademiya: 80 let vo blago zdorov'ya ural'tsev // Meditsina i zdorov'e. – Moskva., 2010. №7 (51). – S. 20–24.
- Ostrovkin D. L. 2017** – Ostrovkin D. L. Pervyy opyt meditsinskogo fakul'teta v Ekaterinburge // Shag v istoricheskuyu nauku: Materialy vse-rossiyskoy konferentsii molodykh uchenykh. Vyp. 17. – Ekaterinburg, 2017. S. 40–43.
- RGASPI** – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii.
- Sokolov 2008** – Sokolov B. V., Bal'chugov A. D., Sazhina M. G. Stanovlenie gosudarstvennoy sistemy zdravookhraneniya na Urale. Ekaterinburg. 2008.
- Tarasenkov 1963** –Тарасенков, P. N. Razvitie zdravookhraneniya na Urale v 1928–1937 godakh // Trud Permskogo gosudarstvennogo medicinskogo instituta. – Perm', 1963. – Т. 43. – Vyp. 2. – S. 354–361.
- TsDOOSO** – Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti.

*О.С. Поршнева**

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ И ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА *

В статье анализируются проявления анти–Версальского политического курса большевиков в постреволюционный период. Показано, что анти–Версальский дискурс был нацелен на легитимацию большевистской власти, мобилизацию «трудящихся» масс, использовался в системе идеологической подготовки коммунистов внутри страны и за рубежом. Критика Версальского договора и послевоенного мирного урегулирования была важной составляющей официального большевистского дискурса о мировой «империалистической» войне, инструментом политики памяти. В Советской России Версальская система международных отношений трактовалась как несправедливая, нестабильная, ведущая к ускоренному перевооружению «империалистических держав». Данный подход был обусловлен не только тем, что Советская Россия, как и Германия, оказалась изгоем в Версальской системе международных отношений, но и стремлением большевистской элиты мобилизовать недовольство условиями договора для получения политической поддержки. Внутри страны пропагандисты критиковали договор и основанное на нем послевоенное урегулирование в рамках кампаний борьбы против империалистических войн («Недели борьбы против войн», агитационных полит-судов над виновниками войны, Антивоенного Красного Дня 1 августа). Массовыми тиражами, особенно в связи с юбилеями и годовщинами войны, публиковались популярные брошюры и пособия для лекторов, критикующие и разоблачающие «империалистическую войну» и Версальский мирный Договор. За рубежом инструментом проведения анти–Версальской пропаганды большевиков и «коммунистического» варианта политики памяти в отношении Первой мировой войны стал Коминтерн.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и социальных технологий Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Olga S. Porshneva, Dr. of History, Professor, Head of the Chair of History and Social Technologies, Department of History, Ural Institute for Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Tel. +7 (343) 375-46-17. E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

© Поршнева О. С., 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053). «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Ключевые слова: Версальский мирный договор, Первая мировая война, большевистская пропаганда, политическая история, историческая память, политическая идеология.

Olga S. Porshneva

VERSALS PEACE CONTRACT IN THE BOLSHEVIK PROPAGANDA AND THE MEMORY POLICY OF THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD

This paper examines how Soviet anti-Versailles rhetoric was actively used in foreign and internal policy to legitimise Bolshevik power, train party cadres, and mobilise the masses politically. It explains that criticism of the Versailles order was an important feature of Bolshevik post-revolutionary discourse on the Great War. Soviet Russia portrayed the settlement as unjust, unstable, and leading to feverish rearmament amongst the “imperialist” powers. Such reproach was not only due to Soviet Russia’s exclusion from the international community, which considered the new regime to be a pariah, much like Germany; it also hoped to mobilise dissatisfaction with treaty’s terms to gain support both at home and abroad. Domestically, propagandists denounced the peace as they organized campaigns against imperialist aggression, such as the “Week of struggle against wars”, agitation war trials, Anti-War Red Day. The Soviets widely used brochures especially on the 10 and 15th anniversaries of the war castigating the Treaty in its propaganda and political education of the population and party workers. Abroad, the Comintern became an instrument of conducting anti-Versailles propaganda of the Bolsheviks and providing the communist version of the politics of memory in regarding to the First World War.

Keywords: Versailles Peace Treaty, World War I, Bolshevik propaganda, political history, historical memory, political ideology.

100-летний юбилей Версальского мира, который приходится на 2019 г., побуждает вновь обратиться к осмыслению опыта и последствий Первой мировой войны. Договор не только оформил итоги войны, но и определил тенденции и противоречия в развитии международных отношений в межвоенный период, контуры мироустройства 1920-1930-х гг.

Военно-революционный кризис 1914-1922 гг. ознаменовался в России выходом из мировой войны в результате Революции 1917 г. и победой большевиков в Гражданской войне, что привело к кардинальному изменению вектора развития страны. Глубокие трансформации общественно-политических структур сопровождались в России и других странах осмыслением последствий Великой войны, одним из аспектов которого стала выработка отношения к Версальскому мирному договору. Советская Россия, заключившая сепаратный Брестский мир с Германией, была не только исключена из числа бенефициаров победы своими бывшими союзниками по Антанте, но и стала из-за больше-

вистской революции «изгоем» в системе международных отношений, созданных Версалем.

Особенность послевоенной ситуации заключалась в том, что образ только что завершившегося конфликта конструировался политическими элитами и общественностью европейских стран на основе активного использования инструментов массовой политики и пропаганды. В странах, вышедших из войны, широкое развитие получила политика памяти, с помощью которой формировалась социальная идентичность различных сообществ, происходила их мобилизация, излечивались раны и травмы памяти. Необходимо было объяснить широким массам населения смысл огромных потерь, жертв и разрушений войны.

Большевистская политика памяти в отношении мировой войны имела как сходства, так и различия с другими странами. В постреволюционной России, в отличие от других европейских стран и США, представления и память о мировой войне не имели самостоятельного значения. Дискурс о войне был подчинен логике метарассказа о «Великой Октябрьской Революции 1917 г.» и Гражданской войне. Не создавались официальные монументы павшим, не чтились герои «несправедливой», «империалистической» войны старого режима, разрушались кладбища и т.д. [Колоницкий 2014: 199-216].

Пораженческая позиция большевиков в период войны, их потребность в удержании власти и ее легитимации, разрыв с традициями дореволюционной России, – все это способствовало утверждению на государственном уровне ленинской концепции «захватнической с обеих сторон», несправедливой, «империалистической» войны [Ленин 1915: 307-350] как интерпретационной модели, применявшейся по отношению к Великой войне.

При этом среди методов осуществления политики памяти особое место занимала социальная мобилизация, значение и возможности которой в полной мере проявились в воюющих странах в условиях войны. Несмотря на распространение военизированного насилия и культуры насилия в послевоенной Европе как общего наследия мировой войны [Война во время мира 2014], именно советское государство в полной мере институционализовало практики военного времени, превратив их в постоянные методы управления [Hoffmann 2017: 626]. В советской России социальная мобилизация была не просто инструментом, одним из ресурсов, а краеугольным камнем советского общества, опиралась на уверенность большевистской власти в реальности коренной переделки общества и людей [Холквист 2001: 69-72].

Подчиненность темы мировой войны более крупному и значимому для большевиков дискурсу о Революции не означала, что в раннесоветский период эта тема была «на задворках» общественного внимания. В современных трудах пересматриваются оценки раннесовет-

ской политики памяти в отношении мировой войны, происходит частичный отказ от тезиса о «забытой войне»⁴⁸. Обосновываются как специфичность мемориальной традиции Великой войны в советской России, так и общеевропейские ее черты, идёт инструментализация военного опыта Первой мировой войны советской элитой [Нагорная 2014: 127; Petrone 2011]. Акцентируется внимание на том, что Первая мировая война во всех странах, включая Россию, выявила большую зависимость «официальной» исторической памяти от идеологии и политики, определенную автономность «стихийной» памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей, а также значимую роль «культурной фиксации» военного опыта в произведениях литературы и мемуаристики [Сенявская 2009: 11-12]. Историки подчеркивают, что изучение Первой мировой войны, ее последствий и опыта было организовано, финансировалось и продвигалось самими государственными институтами, такими, как Народный комиссариат просвещения и РККА [Petrone 2011: 200]. К. Петрон в своей монографии, посвященной российской памяти о Первой мировой войне в межвоенный период, обоснованно утверждает, что воспоминания и размышления о войне присутствовали постоянно в советской межвоенной культуре, даже если «империалистическая» война часто казалась простой «прелюдией» к революции или ее фоном [Ibid: 6].

Активное использование инструментов политики памяти большевиками определялось тем, что они ставили задачу сформировать у советских людей новое видение мира, включающее новую картину прошлого. Эта задача реализовывалась в системе образования и политического просвещения с помощью новых праздников и ритуалов, массовых пропагандистских, агитационных, «перформативных» (игровых, театрализованных) кампаний⁴⁹. В 1920-х гг. историки, архивисты, педагоги активно работали над тем, чтобы включить память и представления о Первой мировой войне в советский дискурс [Petrone 2011: 213]. Грандиозность целей и замыслов по переозначиванию прошлого определялась не только масштабностью задач социального инжиниринга, но также тем, что носители коммуникативной памяти – участники событий недавнего прошлого, – были живы и могли потенциально представить конкурирующие нарративы. Прошлое, приобретавшее

⁴⁸ Историк М.Н. Покровский еще в 1928 г. констатировал, что империалистическая война оказалась в СССР «более забыта, чем где бы то ни было». Тезис о «забытой войне» обосновывает, в частности, Д. Орловски [См.: Орловски 1999: 49].

⁴⁹ Понятие «инсценирующей диктатуры» предложил М. Рольф, показавший роль инсценировок/драматизации/новой театральности в выполнении предназначения массовых советских праздников, призванных формировать новые социальные общности и новую социальную идентичность см.: Рольф 2009. О роли «перформативных» – инсценирующих, или игровых, кампаний в усвоении новых моделей поведения [См. также: Wood 2005].

в официальном дискурсе новое значение, нередко расходилось с недавним индивидуальным и групповым опытом. Целенаправленное внедрение большевиками мифа о Революции и Гражданской войне сопровождалось забвением реального опыта участия России в войне, его «перекодированием» и «ре-интерпретацией» в марксистко-ленинском духе [Никонова 2004: 496-498], вытеснением «неудобных» воспоминаний.

Механизмы реализации политики памяти в 1920-е гг. включали проведение массовых пропагандистских кампаний, таких, как Неделя борьбы против войн 1924 г., ежегодный Антивоенный День 1 августа (с 1929 г.), показательные агит-суды. Агит-суды были особым феноменом культуры раннесоветского общества, действенным инструментом большевистской пропаганды [Wood 2005], широко использовались для переформатирования памяти о мировой войне [См., например: Жемчужный 1924]. Т.В. Раева характеризует их как «способы и приемы фильтрации памяти о Первой мировой войне, уникальную форму коммеморации» [Раева 2014: 11-13].

Важной составной частью большевистского дискурса, посвященного мировой войне, была критика Версальской международной системы как несправедливой, неустойчивой, шаткой, порождавшей новые военные приготовления и лихорадочные вооружения империалистических государств [Ульянова 2014: 677]. Положение побежденной Германии советская публицистика описывала с сочувствием, освобождая ее от ответственности за развязывание войны. Распространенными стали утверждения, что нельзя наказывать весь германский народ за ошибки и преступления правителей [См.: Там же; Любимов 1921: 10]. Напротив, победители подвергались суровому осуждению, описывались их «зверства» на оккупированной Рурской области Германии, «грабеж» последней и т.д. [Ульянова 2014: 677].

В пропагандистской брошюре 1921 г., посвященной Версальскому миру, подготовленной сотрудником Народного комиссариата финансов Н. Любимовым, содержалось подробное рассмотрение статей Версальского договора и его экономических последствий. Исследование было предпринято на основе изложения, критики и интерпретации положений книги Кембриджского экономиста Дж. М. Кейнса, со многими из тезисов которой автор солидаризовался. «Критическое изложение» работы Кейнса, обозначенное в заголовке работы [Любимов 1921], проявлялось, главным образом, в обвинении автора в защите капиталистической системы и «утопических» надеждах на ее возрождение. Обращают на себя внимание положения книги Кейнса, с которыми полностью солидаризуется Любимов. К ним относятся мысли о несправедливости, неосуществимости на практике, грабительском по отношению к Германии и «лицемерном» характере Версальского договора, неспособности В. Вильсона реализовать провозглашенные

им принципы, на условиях которых Германия согласилась пойти на перемирие и мир, но была «обманута» победителями [Там же: 24, 26, 28, 31, 44. 81]. Любимов также соглашается с Кейнсом в том, что политические и территориальные вопросы Версальского договора «далеко отступают по своему значению перед финансовыми и экономическими» [Там же: 73], и что экономические статьи Версальского договора являются «системой экономического разгрома Германии» [Там же: 44]. Вызывает одобрение автора и критика Кейнсом «недальновидной» и агрессивной внешней политики союзников в отношении советской России [Там же: 130]. Альтернативный план мирного послевоенного урегулирования, предложенный Кейнсом, направленный на хозяйственное возрождение Европы при сохранении капиталистических отношений, отвергается автором как утопический [Там же: 74]. Данные Любимовым оценки были типичными для пропагандистской литературы того времени, отличаться при этом большей обоснованностью.

Мощным пропагандистским институтом, конструировавшим негативный образ Версальского договора и основанного на нем мирного урегулирования, стал Коминтерн. Его деятельность имела воздействие на внутривнутриполитическую и зарубежную ситуации, была ознаменована использованием интерпретационных и политических механизмов переформатирования сознания и поведения людей, памяти о недавнем прошлом. Так, на IV Конгрессе Коминтерна (1922 г.) был заслушан и обсуждён доклад лидера Французской коммунистической партии М. Кашена о Версальском мирном договоре [РГАСПИ. Ф. 491. Оп. 1. Д. 192. Л. 172-183], создана комиссия «По вопросу о борьбе против Версальского договора» [Там же. Л. 24] и принята специальная Резолюция о Версальском мирном договоре [Там же. Д. 254. Л. 1-11]. В прениях по докладу Версальский договор назывался «продолжением империалистической войны империалистических держав» [Там же. Д. 192. Л. 172], ставилась задача «использовать политические и экономические последствия договора для нашей пропаганды» [Там же. Л. 174].

На Конгрессе делался вывод о возможности двух альтернативных сценариев исхода послевоенного мирного урегулирования: «Версальский договор создает такой мир, который превратится либо в новую мировую войну, либо в мировую революцию» [Там же. Л. 14]. Задача борьбы с принципами Версальского урегулирования ставилась большевиками перед всеми европейскими коммунистическими партиями. Так, в Программе действия Французской коммунистической партии (далее – ФКП), утвержденной IV конгрессом Коминтерна [Там же. Д. 301. Л. 2-9], говорилось, что «борьбе против Версальского договора и его последствий партия должна уделять первостепенное внимание» [Там же. Л. 5]. Утверждалось, что «долг французской партии – ознакомить рабочих и солдат с трагическим положением германских со-

братьев», проводить совместную с германскими рабочими и коммунистами борьбу против репараций [Там же. Д. 192. Л. 182-183].

Характерной чертой антивоенного и анти-Версальского дискурса коммунистов было отрицание «буржуазного пацифизма», что предполагало признание необходимости «справедливых» войн, подготовки классовой, гражданской войны против собственной буржуазии. Эти установки коренились в теории справедливых и несправедливых войн, разработанной основоположниками марксизма, конкретизированной В.И. Лениным, который, в частности, писал: «Мы не пацифисты... мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма» [Ленин 1917: 91]. Эти положения транслировались в системе политпросвещения внутри страны, были взяты на вооружение зарубежными компартиями. Так, в программе действий ФКП, утвержденной на IV конгрессе Коминтерна, говорилось: «Антимилитаристская пропаганда должна резко отмежеваться от буржуазного лицемерного пацифизма, вдохновляясь принципами вооружения пролетариата и разоружения буржуазии» [РГАСПИ. Ф. 491. Оп. 1. Д. 301. Л. 6].

Резолюции и доклады этого и других конгрессов Коминтерна, в повестке которых было рассмотрение проблем послевоенного урегулирования, внешней политики советской России, «борьбы против угрозы империалистической войны»⁵⁰, публиковались в «Правде», пропагандистских брошюрах, предназначенных к использованию в ходе массовых антивоенных кампаний и в системе политпросвещения. В ходе проведения кампаний на предприятиях, в клубах и т.п. проводились «комплексные лекции», длившиеся полтора-два часа, которые публиковались заранее, чтобы «облегчить» подготовку докладчикам. Лекции сопровождалась диапозитивами, иногда – «живыми картинками» [Ульянова 2014: 678]. Негативные характеристики Версальского договора и его последствий присутствовали во всех брошюрах, посвященных годовщинам мировой войны, в частности, ее 10-летию, проведению (с 1929 г.) ежегодного Антивоенного Красного Дня 1 августа и т.д. [См.: Десятилетие мировой войны 1924; Десятилетие мировой войны 1925; Империалистическая война 1924; 1-е августа 1929; и др].

Образ несправедливого Версальского мира, которым завершилась «империалистическая война», конструировался не только в системе общего образования и политического просвещения населения, но и подготовки партийных кадров внутри советской России и за рубежом. В 1924 г. в программе подготовки слушателей кружков по изучению больше-

⁵⁰ В частности, VI Конгресса (17 июля – 1 сентября 1928 г.), принявшего специальный Манифест и тезисы «Борьба против империалистической войны и задачи коммунистов» [См.: РГАСПИ. Ф. 493 Оп. 1. Д. 735. Л. 36-40], напечатанные в «Правде» 14 октября 1928 г.

визма, предназначенной для членов коммунистических партий всех стран, разработанной Коминтерном [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 72. Л. 131-145], ставилась задача «обучить каждого члена партии азбуке ленинизма» [Там же. Л. 137], что предполагало усвоение ленинской концепции справедливых и несправедливых войн и, в том числе, его идей о мировой «империалистической» войне. При этом в списке обязательной литературы к изучаемому курсу, помимо работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, значилась книга К. Радека «Ликвидация Версальского договора» [Там же. Л. 145], специально посвященная данному вопросу.

Борьба с Версальским договором отошла, однако, на второй план в тактике Коминтерна, когда, в связи с приходом Гитлера к власти возникла реальная угроза войны и необходимость создания системы коллективной безопасности в Европе. П. Тольятти в докладе на VII Конгрессе Коминтерна критиковал в связи с этим позицию «некоторых групп пацифистов», «для которых борьба против Версальского договора становится подчас предлогом, чтобы закрывать глаза на агрессивную политику и военные провокации германского национал-социализма» [Тольятти 1935: 231].

Империалистическая война, по мнению большевиков, не могла иметь подлинных героев, память о которых должна была поддерживаться коллективными, в том числе юбилейными, коммеморациями. Задачи «юбилейных» кампаний, связанных с годовщинами мировой войны, были иными – политическая мобилизация населения на основе «военной тревоги» и пропаганда достижений первой в мире страны социализма. Однако практика воспоминаний подчас выходила за эти рамки, о чем свидетельствует блокирование под давлением местных руководителей «односторонних», а по сути – альтернативных – оценок во время «вечеров воспоминаний участников империалистической войны», приуроченных к празднованию «антиимпериалистического Дня» 1 августа 1929 г. [Никонова 2004: 97]. Во введении Методического пособия для докладчиков и групповых агитаторов, посвященного Международному Дню борьбы против империалистической войны 1 августа, авторы подчеркивали, что отнюдь «не юбилейные соображения», хотя День и совпал с 15-летием начала войны и 10-летием Версальского мира, побудили Коминтерн поставить в центре внимания вопрос о войне [1-е августа 1929: 3]. 1 августа – не просто обычная демонстрация или антивоенный парад, не просто обычное юбилейное напоминание о 15-летию первой всемирной империалистической войны, – отмечалось в брошюре. Международная политическая обстановка складывается так, что опасность новой войны становится самой злободневной [Там же: 4]. Докладчики, как предлагалось в пособии, должны были увязать борьбу против опасности новой войны с задачами текущего момента – индустриализации, социалистической переделки сельского хозяйства, борьбой с внутренним врагом [Там же: 53-

58]. Тенденция связывать все с официально представляемой советской реальностью, как отмечает А. Коэн, была справедливой в отношении воспоминаний о Первой мировой войне. Прошлое перемещалось в настоящее в газетных коммеморациях через сравнения «тогда» и «теперь», и делались постоянные намеки, что новая война неизбежна [Cohen 2003: 81]. Память о войне использовалась для представления советской версии современной реальности как борьбы между Советским Союзом и империалистическими агрессорами [Ibid.: 83].

Пропаганда угрозы новой империалистической войны выявила в Советской России целый спектр общественных настроений: от искреннего желания немедленно встать на защиту социалистического государства до ожиданий войны и иностранного вторжения как единственного способа свергнуть власть коммунистов. В информационных сводках ЦК ВКП (б) за 1927 г., охватывающих все регионы страны, отмечалось, что большинство крестьянского населения войны не хочет, но в случае ее начала готово защищать СССР [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 17]. В то же время в деревне проявлялись пораженческие и антисоветские настроения [Там же]. Многочисленные свидетельства, исходившие из среды рабочих, говорили об их «военном нетерпении», поддержке активных действий СССР на международной арене, в том числе, военного характера, недовольстве «уступчивостью» советского правительства перед лицом зарубежных капиталистов [Там же. Л. 14], что свидетельствовало об определенной эффективности пропагандистских усилий власти. Однако пораженческие настроения имели место и среди рабочих [Там же]. Об интересе рабочих к созданной в 1919 г. в результате Версальского договора Лиге Наций и проблемам разоружения свидетельствуют вопросы и реплики на рабочих конференциях Москвы и Московской губернии в 1926 г. Так, в Краснопресненском районе звучало высказывание: «Хорошо сделало наше правительство, что не пошло в Лигу Наций, с ними нам делать нечего», «Мы и без них победим», а в Сокольническом районе спрашивали: «Интересно знать, на какой точке зрения стоит СССР о созыве Лигой наций конференции по разоружению всех стран в Швейцарии, войдет ли СССР в Лигу Наций?» [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 60. Д. 827. Л. 53-53об].

В Краткой характеристике записок, поданных на рабочих конференциях в 1926 г., составленной Отделом Агитации и пропаганды ЦК ВКП (б), были упомянуты такие: «Может ли Лига Наций принять СССР, желает ли она этого? Почему Германия не принята в Лигу наций?» [В 1926 г. Германия вошла в Лигу Наций: См.: Туз 2019: 588], «Какие причины у капиталистов на созыв конференции по разоружению в Швейцарии?» [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 60. Д. 827. Л. 58].

В системе внешнеполитических стереотипов советских людей, формируемых пропагандой, представления о Версальском мире, Лиге Наций, разоружении и вооружении держав занимали свои места, опре-

деляемые логикой официального нарратива об угрозе новой империалистической войны. Однако даже упоминаемые вопросы рабочих красноречиво свидетельствовали о существовании вариантов толкований международной ситуации, не укладывавшихся в «прокрустово ложе» пропагандистских клише, сомнениях, стремлении самостоятельно разобраться в ситуации. Это тем более было характерно для интеллигенции, читавшей газеты «между строк», размышлявшей, искавшей разные источники информации. Так, московский историк И.И. Шитц записал в своем дневнике в июле 1931 г.: «Германия всячески пыталась все время фактически избавиться от версальских обязательств, ей все уступали, ибо не были единодушны в своих на нее нажимах и соблюдали пацифизм. В поисках опоры немцы все время определенно глядели в сторону СССР, мечтая чуть ли не с его помощью получить “реванш”» [Шитц 1991: 313].

Таким образом, анти-Версальский дискурс был важной составляющей большевистской политики памяти в отношении Первой мировой войны и официальной пропаганды раннесоветского периода. Основанный на критике реальных пороков и противоречий договора, он делал акцент на неизбежности новой империалистической войны как его закономерного следствия. Особую остроту анти-Версальской риторике придавали положение советской России как пария основанной на договоре системе международных отношений, а также стремление большевиков максимально использовать негативный образ Версальского договора в качестве инструмента мобилизации политической поддержки внутри страны и за рубежом.

Список источников и литературы

- 1-е августа 1929** – 1 августа – международный красный день борьбы против империалистической войны. Методическое пособие для докладчиков и групповых агитаторов. М.-Л.: Московский рабочий. 1929.
- Война во время мира 2014** – Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917-1923 / Сборник статей; Ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 400 с.
- Десятилетие мировой войны 1924** – (Материалы для агитаторов) / Агитпроп ЦК РКП. М.: Красная новь, 1924. 131 с.
- Десятилетие мировой войны 1925** – Десятилетие мировой войны: сборник статей / под редакцией М. Охитовича; с предисловием К. Радека. М.: издание журнала Вестник воздушного флота, 1925. 436 с.

- Жемчужный 1924** – Жемчужный В.Л. Политсуд над виновниками империалистической войны: (Инсценировка). Ростов н/Д: Дон-политпросвет, 1924. – 47 с.
- Империалистическая война 1924** – Империалистическая война: Ее причины и следствия : Сборник статей под ред. К. Шелавина. Л.: Прибой, 1924. – 140 с.
- Колоницкий 2014** – Колоницкий Б. И. Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. С. 199-216.
- Ленин 1917** – Ленин В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 87-94.
- Ленин 1915** – Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 307-350.
- Любимов 1921** – Любимов Н. Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада. (Критическое изложение работы Кейнса «Экономические последствия мира»). М.: Государственное издательство, 1921. 133 с.
- Нагорная 2014** – Нагорная О.С. Плен Первой мировой войны в советской художественной литературе: конфликт и консенсус индивидуальных переживаний // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 127-140.
- Никонова 2004** – Никонова О. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. С. 489-506.
- Никонова 2010** – Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927-1941 гг.). М.: Новый хронограф, 2010. 471 с.
- Орловски 1999** – Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium). СПб.: СПб. Ин-т Истории РАН, «Дмитрий Буланин», 1999. С. 49-57.
- Раева 2014** – Раева Т. В. Меморизация Первой мировой войны в СССР: «Агитсуд» как способ формирования памяти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2014. Т. 14. №. 3. С. 11-13.
- Рольф 2009** – Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009. 439 с.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.

- Сенявская 2009** – Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 1-13.
- Тольятти 1935** – Тольятти П. О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. Доклад на VII Всемирном Конгрессе Коммунистического Интернационала 13-14 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). М.: Политиздат, 1975. С. 224-295.
- Туз 2019** – Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 годы/пер. с англ. А. Гуськова; под науч. ред. Е. Антоновой. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 640 с.
- Ульянова 2014** – Ульянова С.Б. Память об «империалистической войне» в советском обществе в 1920-е гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914-1918. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 675-680.
- Холквист 2001** – Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. С. 45-93.
- ЦДООСО** – Центр документации общественных организаций Свердловской области.
- Шитц 1991** – Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 – август 1931). Париж: YMCA-PRESS, 1991. 326 с.
- Cohen 2003** – Cohen A. J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review 62, №1 (Spring 2003), P. 69-86.
- Hoffmann 2017** – Hoffmann D. L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Volume 76. Issue 3 Fall 2017, pp. 619-628.
- Petrone 2011** – Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 385 p.
- Wood 2005** – Wood E. A. Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005. 312 p.

References

- 1-e avgusta 1929** – 1 avgusta – mezhdunarodny`j krasny`j den` bor`by` protiv imperialisticheskoy vojny`. Metodicheskoe posobie dlya dokladchikov i gruppovy`x agitatorov. M.-L.: Moskovskij rabo-chij. 1929.

- Vojna vo vremya mira 2014** – Vojna vo vremya mira: Voenizirovanny`e konflikty` posle Pervoj mirovoj vojny`. 1917-1923 / Sbornik statej; Red. R. Gervart i D. Xorn. M.: Novoe literaturnoe obo-zrenie, 2014. 400 s.
- Desyatiletie mirovoj vojny` 1924** – (Materialy` dlya agitatorov) / Agitprop CzK RKP. M.: Krasnaya nov`, 1924. 131 s.
- Desyatiletie mirovoj vojny` 1925** – Desyatiletie mirovoj vojny`: sbornik statej / pod redakciej M. Oxitovicha; s predislovieom K. Radeka. M.: izdanie zhurnala Vestnik vozdushnogo flota, 1925. 436 s.
- Zhemchuzhny`j 1924** – Zhemchuzhny`j V.L. Politsud nad vinovnikami imperialisticheskoy vojny`: (Inscenirovka). Rostov n/D: Don-politprosvet, 1924. – 47 s.
- Imperialisticheskaya vojna 1924** – Imperialisticheskaya vojna: Ee prichiny` i sledstviya : Sbornik statej pod red. K. Shelavina. L.: Priboj, 1924. – 140 s.
- Koloniczkiy 2014** – Koloniczkiy B. I. Pervaya mirovaya vojna: kul`tu-ra e`poxi i social`naya pamyat` // Zvezda. 2014. № 11. S. 199-216.
- Lenin 1917** – Lenin V.I. Proshhal`noe pis`mo k shvejczarskim rabo-chim // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 31. S. 87-94.
- Lenin 1915** – Lenin V.I. Socializm i vojna // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 26.S. 307-350.
- Lyubimov 1921** – Lyubimov N. Mirovaya vojna i ee vliyanie na gosudarstvennoe zozyajstvo Zapada. (Kriticheskoe izlozhenie raboty` Kejnса «E`konomicheskie posledstviya mira»). M.: Gosudarstven-noe izdatel`stvo, 1921. 133 s.
- Nagornaya 2014** – Nagornaya O.S. Plen Pervoj mirovoj vojny` v sovet-skoj xudozhestvennoj literature: konflikt i konsensus indi-vidual`ny`x perezhivaniy // Bol`shaya vojna Rossii: social`ny`j por-yadok, publichnaya kommunikaciya i nasilie na rubezhe czarskoj i sovet-skoj e`pox. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 127-140.
- Nikonova 2004** – Nikonova O. Voennoe proshloe Rossii i sovet-skiy patriot-izm: k postanovke problemy` // Vek pamyati, pamyat` veka: Opy`t obrashheniya s proshly`m v XX stoletii. Chelyabinsk: Izd-vo «Ka-menny`j poyas», 2004. S. 489-506.
- Nikonova 2010** – Nikonova O.Yu. Vospitanie patriotov: Osoaviaksim i voennaya podgotovka naseleniya v ural`skoj provincii (1927-1941 gg.). M.: Novy`j xronograf, 2010. 471 s.
- Orlovski 1999** – Orlovski D. Velikaya vojna i rossijskaya pamyat` // Rossi-ya i Pervaya mirovaya vojna (Materialy` mezhdunarodnogo kollokviuma). SPb.: SPb. In-t Istorii RAN, «Dmitrij Bula-nin», 1999. S. 49-57.
- Raeva 2014** – Raeva T. V. Memorizaciya Pervoj mirovoj vojny` v SSSR: «Agitsud» kak sposob formirovaniya pamyati // Vestnik Yuzhno-

- Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Obshchestvenny`e i gumanitarny`e nauki». 2014. T. 14. №. 3. S. 11-13.
- Rolf 2009** – Rolf M. Sovetskie massovy`e prazdniki. M.: Rossij-skaya politicheskaya e`nciklopediya; Fond «Prezidentskij centr B.N. El`cina», 2009. 439 s.
- RGASPI** – Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoy istorii.
- Senyavskaya 2009** – Senyavskaya E.S. Istoricheskaya pamyat` o Pervoj mi-rovoj vojne: osobennosti formirovaniya v Rossii i na Zapade // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2009. № 2. S. 1-13.
- Tol`yatti 1935** – Tol`yatti P. O zadachax Kommunisticheskogo Internacionala v svyazi s podgotovkoj imperialistami novoj mirovoj vojny`. Doklad na VII Vsemirnom Kongresse Kommunisticheskogo Internacionala 13-14 avgusta 1935 g. // VII kongress Kommunisticheskogo Internacionala i bor`ba protiv fashizma i vojny`. (Sbornik dokumentov). M.: Politizdat, 1975. S. 224-295.
- Tuz 2019** – Tuz A. Vsemirny`j potop. Velikaya vojna i pereustrojstvo mirovogo poryadka, 1916-1931 gody`/per. s angl. A. Gus`kova; pod nauch. red. E. Antonovoj. M.: Izdatel`stvo Instituta Gajdara, 2019. 640 s.
- Ul`yanova 2014** – Ul`yanova S.B. Pamyat` ob «imperialisticheskoy voj-ne» v sovetskom obshhestve v 1920-e gg. // Rossiya v gody` Pervoj mirovoj vojny`, 1914-1918. M.: IRI RAN, 2014. S. 675-680.
- Xolkvist 2001** – Xolkvist P. «Osvedomlenie – e`to al`fa i omega na-shej raboty`»: Nadzor za nastroeniyami naseleniya v gody` bol`shevistskogo rezhima i ego obshheevropejskij kontekst // Amerikanskaya rusistika: Vexi istoriografii poslednix let. Sovet-skij period: Antologiya / Sost. M. De`vid-Foks. Samara: Izda-tel`stvo «Samsarskij universitet», 2001. S. 45-93.
- CzDOOSO** – Centr dokumentacii obshchestvenny`x organizacij Sverdlovskoj oblasti.
- Shitez 1991** – Shitez I.I. Dnevnik «velikogo pereloma» (mart 1928 – avgust 1931). Parizh: YMCA-PRESS, 1991. 326 s.
- Cohen 2003** – Cohen A. J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review 62, №1 (Spring 2003), P. 69-86.
- Hoffmann 2017** – Hoffmann D. L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Volume 76. Issue 3 Fall 2017, pp. 619-628.
- Petrone 2011** – Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 385 p.
- Wood 2005** – Wood E. A. Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005. 312 p.

*В.В. Смирнов**

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА С СОВЕТСКИМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ В ПРОВИНЦИИ ШЭНЬСИ (КНР) В ПЕРИОД «БОЛЬШОГО СКАЧКА» В 1958-1960 ГГ.

В статье рассматривается процесс идейно-политической работы китайской стороны с советскими специалистами в период «большого скачка» на территории провинции Шэньси (КНР). Анализ строится на ранее не изученных материалах 1958-1960 гг. ряда архивов г. Сиань, провинции Шэньси. В данных материалах рассматриваются указания и постановления китайского правительства, обосновывающие идейно-политическую работу с советскими специалистами. В статье даются оценки и высказывания самих специалистов относительно идеологического подхода китайской стороны к советской помощи. Делаются выводы о целесообразности проведения данной работы с точки зрения китайского менталитета.

Ключевые слова: идейно-политическая работа, политическая идеология, советские специалисты, китайские провинции.

Vadim V. Smirnov

IDEOLOGICAL AND POLITICAL WORKS WITH SOVIET EXPERTS IN THE PERIOD OF “GREAT LEAP” IN 1958-1960 YEARS IN SHAANXI PROVINCE (CHINA)

The article presents the process of ideological and political work of Chinese government with soviet experts in the period of “Great Leap” in Shaanxi province. The analysis is carried out with the help of not explored materials of 1958-1960 years, taken from Xian archives. On the basis of these materials the article describes the process of ideological and political work, presents examples of Chinese and Russian experts cooperation and also the reaction of soviet experts towards this work.

Keywords: ideological and political work, political ideology, Soviet specialists, Chinese provinces.

Отправка во второй половине XX в. Советским Союзом своих советников и специалистов в зарубежные страны явилась одной из форм его влияния на развитие многих государств Европы и Азии. Специали-

Смирнов Вадим Викторович, аспирант Института истории и цивилизаций Шэньсийского педагогического университета (г. Сиань, КНР); 710000, China, Shaanxi province, Xian, Yan ta district, Zi Jun Chang An street F3 2125.

Vadim V. Smirnov, Ph.D. student of School of History and Civilization, Shaanxi Normal University, Xi an, China.

Email: wajin1707@mail.ru

© Смирнов В. В., 2019

сты поначалу были отправлены в Югославию, Польшу, Венгрию и другие восточноевропейские страны, а впоследствии и в присоединившиеся к социалистическому лагерю Китай, Северную Корею и Вьетнам.

Отправляемые из СССР специалисты были в массе своей высококлассными профессионалами своего дела, имевшими большой теоретический и практический опыт работы в своих областях. Начавшаяся же в 1958 г. в Китае кампания «большого скачка», основная фаза которой проходила с 1958 по 1960 г., выдвинула идеи о необходимости отказа от прежних норм, догм, стандартов и постулатов во всех сферах жизнедеятельности китайского общества.

В этот период, по отношению к советским специалистам, а их к 1958 г. в Китае было около 1300 человек [Шэнь Чжи Хуа 2017: 158] (среди них больше 100 специалистов в провинции Шэньси) [Центральный архив провинции Шэньси: Л. 29], китайская сторона начала придерживаться принципа, предусматривающего необходимость перед началом осуществления профессиональной деятельности советского специалиста перенять новый тип мышления «большого скачка». Приобщить специалистов к данным идеям предполагалось, во-первых, для создания общей идеологической платформы взаимодействия китайской и советской стороны, а, во-вторых, в связи с тем, что технический и научный потенциал советских специалистов, с которого они могли бы произвести «скачок», был несоизмеримо выше, чем у китайцев; поэтому, по задумке китайской стороны, именно советских специалистов нужно было в первую очередь приобщить к этим идеям, благодаря чему они смогли бы выдать по настоящему «передовые» рекомендации в деле развития Китая. А до той поры, до образования у советских специалистов нового мышления, их взгляды оценивались как отсталые и закрепощенные.

Обратимся к архивным источникам. Так, в документе под грифом «совершенно секретно» итогового заседания Народного комитета правительства провинции Шэньси по вопросу о советских специалистах от 17 июля 1958 г., имеется запись выступления секретаря коммунистического комитета КПК города Сиань товарища Фэнь Чжи: «Недавно наши министры Чэнь И и Чэнь Юнь передали следующее: „С началом «большого скачка» работа советских специалистов получила новое содержание, у советских специалистов начался новый период. Это означает, что теперь их деятельность должна соответствовать новому направлению развития, служить новым задачам“. Основываясь на данном заявлении наших министров, мы можем сказать, что работа советских специалистов в нашей провинции Шэньси не соответствует положениям «большого скачка» и является отсталой. Это проявляется главным образом в том, что большая часть советских специалистов не понимает политической линии нашего государства; по отношению к «большому скачку» выказывают неверие и обнаруживают колебания. Причина непонимания заключается в том, что мы не занимались со специалистами идейно-

политической работой и не вели среди них пропаганду. Это нужно устранить. Для начала со специалистами нужно провести идейно-политическую работу, и только потом можно будет приглашать их заниматься конкретными производственными вопросами. Нужно разбить их консерватизм, изменить старые методы работы и систему принятых правил. После проведения данной работы нужно особенно усиленно учиться у них, ведь у специалистов появится энтузиазм и новое мышление» [Там же: Л. 36]. Данная установка правительства, внедряясь на производство, где имелись советские специалисты, очень часто приводила к столкновению идеологических представлений китайской стороны и практического опыта и навыков советских специалистов. Так, показательный случай произошёл 25 декабря 1958 г. на военном заводе № 248 города Сиань, когда китайское руководство получило требование вышестоящих органов за пять дней до конца года, разработать проект и опытный образец изделия № 012. Данное пожелание китайского правительства передали советским специалистам, чем ошеломили их. Руководитель группы специалистов на данном заводе сказал: «В СССР данное изделие разрабатывали в течение двух лет, с привлечением специалистов-техников более чем двухсот различных заводов. Вам, конечно, можно сократить это время разработки до восьми месяцев. Но за пять дней мы не сможем это осуществить, тем более, у вас нет необходимых для этого чертежей» [Там же: Л. 34]. Интересна реакция китайской стороны на данное заявление специалиста: «Наш главный инженер завода, столкнувшись с подобной ситуацией, в первую очередь должен сделать акцент на идейно-политической работе с данным руководителем группы, должен встретиться и переговорить с ним. Разговор нужно начать с рассказа о положении на Тайване, затем перевести беседу о „прыжке“ в Китае и подвести разговор к нуждам государственной обороны. Одновременно, контролируя себя на предмет проявления консерватизма, нужно постараться убедить специалиста взяться за это дело» [Там же: Л. 69]. По ходу дальнейшего изложения мы видим, что советский специалист согласился с просьбой директора завода начать производство изделия, со смехом сказав: «Вам как агитатору нужно поставить пятерку, однако как главному инженеру, Вам не хватает тщательности в продумывании практических вопросов. Это очень большой недостаток» [Там же: Л. 49]. В результате новое изделие запустили в производство, хотя, и было следующее: «Некоторое число проблем, связанных с технологиями, так и не получилось решить. Однако создался благоприятные условия для досрочной разработки продукта» [Там же: Л. 27].

Суть новых преобразований, как мы видим, обозначалась в необходимости отказа от старых принципов, будь то проверенные годами технологии производства, или, к примеру, многолетний опыт и знание принципов ведения сельского хозяйства. Так к примеру, в октябре 1958 г., в Сиань из советской Всесоюзной академии сельскохозяйственных

культур (ВАСХНИЛ) прибыл известный учёный-исследователь в области сельского хозяйства Павел Георгиевич Найдин, чей неоспоримый авторитет в данной сфере был, конечно же, основан на отличном знании как теоретических, так и практических сторон сельского хозяйства. Павел Георгиевич прибыл в Китай по приглашению Китайской академии сельскохозяйственных наук, для оказания помощи в проведении сети экспериментов с удобрениями. 3 октября 1958 г., в центре по изучению проблем хлопководства в Сиане он заслушал доклад о состоянии сельского хозяйства и производства удобрений в КНР в условиях «большого скачка», где ему, в частности, рассказали о китайском феномене «высокоурожайных полей». Через несколько дней, проведенных в провинции Шэньси, Павел Георгиевич сделал доклад в отделении Китайской академии сельскохозяйственных наук города Сиань, где поделился своими впечатлениями: «В Советском Союзе никогда не внедряли, как в Китае, так называемые „высокоурожайные поля“. В СССР производительность пшеницы не может быть выше, чем 40-50 центнеров с гектара земли. Если это количество будет превышено, то это спровоцирует полегание всех всходов. Во многих местах Китая урожайность с каждого 1 му⁵¹ земли уже превысила 500 кг. А в Северо-Западном агрономическом институте города Сиань план по производству пшеницы с 1 му земли составляет 25000 кг; в Северо-Западном почвенном институте, на высокоурожайных полях, планируют собрать до 75000 кг с 1 му земли. По расчетам в СССР, даже 1000 кг с 1 му земли ломает физиологические пределы советской науки. Производительность данных полей нанесла мощный удар по некоторым положениям в агрохимии. Эти положения пленили советских учёных, производительность данных полей превзошла все имеющиеся в науке представления. Мы в восторге от этих показателей» [Центральный архив провинции Шэньси: Л. 49].

Конечно, как показал дальнейший ход развития событий в Китае, «высокоурожайные поля», как и многие другие новаторства «большого скачка», противоречащие иногда простым законам природы и многолетнему опыту ведения дел, не принесли запланированных результатов. Нам же, наверное, стоит обратить внимание на то, с какой эффективностью китайская пропаганда в рамках «большого скачка» могла убеждать как советских ученых, что с шести соток земли можно собрать больше двадцати пяти тонн пшеницы, так и склонить на свою сторону советских работников производства разработать с нуля новое изделие и запустить его в производство за пять дней.

Актуализирование внимания на важности идеологической работы с советскими специалистами встречается повсеместно в архивных материалах. К примеру, в докладе о работе иностранных специалистов на заводе № 782 г. Сиань, производившем также военную продукцию, гово-

⁵¹ 1 му = 0,06 гектара.

рится: «При работе с советскими специалистами мы должны придерживаться принципа политического верховенства. Идеиность должна замечать практику, нужно безжалостно разбить все суеверия, нормы и раскрепостить свое сознание» [Центральный архив города Сиань: Л. 175].

В 1959 г., когда по многим ожидаемым показателям теория «большого скачка» не оправдала себя, когда на многих производствах брак доходил до 70-80% от всей изготовленной продукции, китайское правительство начало вводить коррективы в форму проведения своих преобразований, не затрагивая при этом идеологические постулаты «большого скачка». Виновниками неудач была объявлена и часть китайских рабочих, которые в пылу реформ «пороли горячку», вели себя высокомерно и презрительно по отношению к специалистам, и поэтому не смогли как следует довести правильную политическую установку до советских работников; как следствие, советские специалисты не смогли включиться и поддержать «большой скачок» [Центральный архив провинции Шэньси: Л. 53]. В этих условиях Мао Цзедун издаёт указание от 16 марта 1959 г. – «Все люди в пределах четырех морей – братья», по которому осуждалось неуважение к советским специалистам, критиковалось презрительное отношение к ним. Данное постановление становилось новой генеральной линией, опорой в пошатнувшейся работе со специалистами, при котором руководство ими должно было осуществляться исключительно только партийными органами. Чётко прописывалось, какими формами и методами нужно доносить до советских специалистов информацию по «большому скачку». В организационном плане, китайские партийные органы ставились во главе всей структуры управления советскими специалистами.

К примеру, в отчете о работе советских специалистов за июнь 1959 г. в провинции Шэньси, китайская сторона указывает: «Партийное руководство заводов должно не менее 11 раз в неделю контактировать со специалистами, рассказывая им о ситуации как на заводе, так и в Китае, проводить с ними ненавязчивую и продуманную идейно-политическую работу» [Там же: Л. 36].

Одновременно с этим, на места из Пекина идут указания: «О необходимости увеличения количества докладов в отдел иностранных специалистов Госсовета КНР, а также в специальные отделы провинции, о проведении постоянного мониторинга умонастроений советских специалистов, мониторинг их идеологического состояния, отношения к работе и жизни в Китае, о том, как складывается общение и взаимодействие с китайскими товарищами» [Там же: Л. 42].

И уже в докладе от 10 августа 1959 г. по поводу работы специалистов в провинции Шэньси мы находим такие слова: «В деле пропаганды нашей линии советским специалистам мы получили несомненный успех. А потому еще сильнее сплотились с ними, смогли завести новых друзей. Догматизм как метод обучения был уменьшен» [Там же:

Л. 25]. Однако в этом же документе упоминается следующий случай: «На заводе по производству высоковольтного фарфора, в городе Сиань, руководитель данного предприятия и советские специалисты работали в одном здании, только в разных кабинетах. Однако советский специалист только через письма имел право общаться с директором и задавать ему вопросы. А вся проблема в том, что на все свои письма специалист так ни разу не получил ответа» [Там же: Л. 14]. Или такой пример, когда советский специалист по монтажу оборудования с того же завода № 782 перед самым своим возвращением в СССР сказал переводчику: «Несмотря на то, что во время своей работы здесь я выдвинул немало рекомендаций, китайской стороной ничего не было принято из этого. Для меня здесь не было никакого применения. Чувствую себя виноватым перед Китаем» [Архив производственной компании электромеханического машиностроения города Сиань: Л. 27].

Подобные примеры, говорят нам о том, что советские специалисты, несмотря на широкомасштабную идеологическую работу, проводимую с ними китайской стороной, так и не смогли принять идеи «большого скачка» как целесообразный метод работы. В-следствии этого, 1960-й год ознаменовался следующим раундом поисков возможных форм идеологической работы с советскими специалистами, так как в массе своей они все же отстаивали принципы опоры на устоявшиеся нормы и правила. В этом отношении показательным примером служит сианьская встреча в апреле 1960 г. главного руководителя всех советских специалистов в провинции Шэньси товарища Масенкова с заместителем начальника управления по делам иностранных специалистов при Госсовете КНР товарищем У Фан Ю, прибывшим из Пекина. Вот наиболее интересная часть их беседы:

«У Фан Ю: В настоящее время китайский народ развивает технические инновации и провозглашает идею необходимости совершения технологической революции. Надеюсь, что специалисты смогут поучаствовать в этом, помогут в разрешении некоторых сложных вопросов.

Масенков: Мы уже касались этого вопроса неоднократно. Нашей главной задачей является то, каким образом сделать так, чтобы технические новаторства принесли результат. Но нельзя нарушать нормы. Нужно очень осторожно относиться к изменению установленных размеров, стандартов. Нашей задачей является также то, каким образом сделать так, чтобы советские проекты были полностью и всесторонне реализованы в Китае. Так как советские проекты являются самыми лучшими, самыми новыми, самыми современными, вплоть до того, что многие из них не применялись еще даже в СССР» [Центральный архив провинции Шэньси: Л. 50].

Ощущая подобные настроения советских специалистов, китайская сторона в июне 1960 г. провела в Сиане рабочую конференцию, посвященную проблеме взаимодействия с советскими специалистами. На кон-

ференции главным обсуждаемым вопросом стал поиск путей эффективного взаимодействия с советскими специалистами. Вот что указывается в отчётности по итогам проведенного мероприятия: «После данного мероприятия у нас произошло великое озарения, мы поняли, что в работе со специалистами мы должны ориентироваться на принцип политического руководства. Нужно руководствоваться высокой политической сознательностью и правильной теорией в выполнении конкретных задач. Правда заключается в соединении теории и практики. У советских специалистов существует наивная точка зрения по поводу рабочего процесса по причине того, что мы не пользуемся политикой как руководящим принципом» [Там же: Л. 50]. После данного совещания в последующих архивных материалах мы встречаем такие интересные указания по работе со специалистами, как, к примеру: «Наши китайские товарищи должны постоянно навещать дома советских специалистов, ходить к ним в гости. Как минимум двое наших товарищей в месяц должны становиться новыми друзьями одного советского специалиста» [Там же: Л. 74], или «Работа со специалистами – это по большей части идеологическая работа. Более важно заниматься идейно-теоретической работой с советскими специалистами, чем с нашими товарищами» [Там же: Л. 63].

Мы можем заметить, что китайская сторона и на этот раз сделала вывод, что непонимание советскими специалистами курса «большого скачка» напрямую зависит от метода подачи им информации, а не от самой сути этой информации. Однако эффективность установок сианьской рабочей конференции так и не успели проверить на деле, так как в июле 1960 г. советские специалисты в полном составе по прямому указанию Н.С. Хрущева, были срочно отозваны из Китая. Десятилетие дружбы закончилось, наступала новая фаза развития советско-китайских отношений.

Одной из официальных задач «большого скачка» на 2-й сессии VIII съезда ЦК КПК ставилась задача догнать и перегнать Англию за 15 лет, однако, как отмечают многие китайские и отечественные историки, главным оппонентом этой идеи китайская сторона неофициально считала Советский Союз. При этом мы видим, что китайское мышление «большого скачка», отрицая советские стандарты, не отвергало на государственном уровне самих носителей этих стандартов – советских специалистов, а делало ставку на их идейно-теоретическое переучивание под китайскую специфику реформ. Тем самым включался древний китайский механизм окультуривания, втягивания и растворения в своей орбите всего чужеземного.

Список источников и литературы

Архив производственной компании электромеханического машиностроения города Сиань – Архив производственной компании электромеханического машиностроения города Сиань (КНР). Ф. 28 Оп. 3 Д. 15. («Отчёты о работе советских специалистов»).

- Архив Сианьского электротехнического университета** – Архив Сианьского электротехнического университета. Ф. 2. Оп. 7. Д. 213. Л. 27.
- Зазерская 2000** – Зазерская Т.Г. Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая, 1949-1960 годы. Спб., 2000.
- РГАЭ** – Российский государственный архив экономики. Ф. 9493. Оп. 1 Д. 1098 Л. («Протоколы и отчеты об окончании ознакомления советских специалистов с предприятиями КНР »).
- Сладковский 1977** – Сладковский М.И. история торгово-экономических отношений СССР с Китаем, 1917-1974. М., 1977.
- Центральный архив города Сиань** – Центральный архив города Сиань (КНР). Ф. 14. Оп. С1. Д. 175. («Отчёты о работе советских специалистов в городе Сиань»).
- Центральный архив провинции Шэньси** – Центральный архив провинции Шэньси (КНР). Ф. 196. Оп. 1. Д. 63. («Протоколы и отчёты о работе советских специалистов в провинции Шэньси»).
- Шэнь Чжи Хуа 2015** – Шэнь Чжи Хуа. Советские специалисты в Китае (1948-1960 гг). М., 2015.
- 储峰 2007** – 储峰. 苏联对中国国防科技工业的援建 (1949-1960). 北京, 2007.
- 吕黎平 1992** – 吕黎平. 赴苏参与谈判援建空军的回忆 ,空军回忆史料 . 北京 ,1992 .
- 李丹慧 2002** – 李丹慧. 北京与莫斯科：从联盟走向对抗. 桂林, 2002.
- 沈志华 2012** – 沈志华. 社会主义阵营内部的国家关系：冷战中的盟友. 北京, 2012.
- 沈志华 2013** – 沈志华. 无奈的选择：冷战与中苏同盟的命运 (1945-1959) . 北京, 2013.
- 陈云 1984** – 陈云. 文选 (北京 1949-1956年) . 北京 ,1984 .

References

- Arxiv proizvodstvennoj kompanii e`lektromexanicheskogo mashinostroeniya goroda Sian`** – Arxiv proizvodstvennoj kompanii e`lektromexanicheskogo mashinostroeniya goroda Sian` (KNR). F. 28 Op. 3 D. 15. («Otchyoty` o rabote sovetских special'istov»).
- Arxiv Sian`skogo e`lektrotexnicheskogo universiteta** – Arxiv Si-an`skogo e`lektrotexnicheskogo universiteta. F. 2. Op. 7. D. 213. L. 27.
- Zazerskaya 2000** – Zazerskaya T.G. Sovetskie specialisty` i formirovaniye vonno-promy`shlennogo kompleksa Kitaya, 1949-1960 gody`. Spb., 2000.
- RGAE`** – Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv e`konomiki. F. 9493. Op. 1 D. 1098 L. («Protokoly` i otchety` ob okonchaniy oznakomleniya sovetских specialistov s predpriyatiyami KNR »).
- Sladkovskij 1977** – Sladkovskij M.I. istoriya torgovo-e`konomicheskix otnoshenij SSSR s Kitaem, 1917-1974. M., 1977.

- Central`ny`j arxiv goroda Sian`** – Central`ny`j arxiv goroda Si-an` (KNR). F. 14. Op. S1. D. 175. («Otchyoty` o rabote sovetskix specialistov v gorode Sian`»).
- Central`ny`j arxiv provincii She`n`si** – Central`ny`j arxiv provincii She`n`si (KNR). F. 196. Op. 1. D. 63. («Protokoly` i ot-chyoty` o rabote sovetskix specialistov v provincii She`n`si»).
- She`n` Chzhi Xua 2015** – She`n` Chzhi Xua. Sovetskie specialisty` v Kitanе (1948-1960 gg). M., 2015.
- 储峰 2007** – 储峰. 苏联对中国国防科技工业的援建 (1949-1960). 北京, 2007.
- 吕黎平 1992** – 吕黎平. 赴苏参与谈判援建空军的回忆, 空军回忆史料. 北京, 1992.
- 李丹慧 2002** – 李丹慧. 北京与莫斯科: 从联盟走向对抗. 桂林, 2002.
- 沈志华 2012** – 沈志华. 社会主义阵营内部的国家关系: 冷战中的盟友. 北京, 2012.
- 沈志华 2013** – 沈志华. 无奈的选择: 冷战与中苏同盟的命运 (1945-1959). 北京, 2013.
- 陈云 1984** – 陈云. 文选 (北京 1949-1956年). 北京, 1984.

УДК 94(47).06:34(091)
DOI 10.26170/vvi19-01-18
Код ВАК 12.00.01.

*Е. С. Соколова**

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАДСОСЛОВНЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ПЕРИОДА НОВОГО ВРЕМЕНИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается соотношение объяснительной и интерпретационной моделей научного знания в историко-правовой науке, традиционно нацеленной на выявление исторической преемственности юридических конструкций и правовых систем в соответствии с формально-логическим подходом к оценке источников права. На примере надсословной проблематики, связанной с уяснением политико-юридического контекста институционализации

Соколова Елена Станиславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственной юридической академии; 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54.

Elena S. Sokolova, PhD, associate professor, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy, Ekaterinburg, Russia,.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

© Соколова Е. С., 2019

сословных институтов российского самодержавия сделан вывод о соответствии антропологического подхода социокультурной природе истории государства и права.

Ключевые слова: историко-правовые исследования, история права, антропологический подход, юридическая политика, правовая культура, политическая элита, авторитарный режим.

E.S. Sokolova

ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN THE HISTORICAL AND LEGAL STUDIES OF THE SUPER-WORDY STRATEGIES OF THE RUSSIAN STATE DURING THE PERIOD OF THE NEW AGE: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article discusses the correlation of explanatory and interpretative models of scientific knowledge in historical and legal science, traditionally aimed at identifying the historical continuity of legal structures and legal systems in accordance with the formal-logical approach to the assessment of sources of law. Using the example of a supra-class problem related to the clarification of the political and legal context of the institutionalization of the class institutions of the Russian autocracy, it is concluded that the anthropological approach is consistent with the sociocultural nature of the history of the state and law.

Keywords: historical and legal studies, history of law, anthropological approach, legal policy, legal culture, political elite, authoritarian regime.

Вопрос об оправданности обновления методологических подходов к проблеме поиска утраченного времени не теряет своей актуальности вопреки кажущемуся конвенционализму новейших историографических конструкций. Если в общеисторических исследованиях тезис о главенствующей роли антропологического фактора для постижения прошлого уже приобрел значение априорного суждения, то в истории государства и права, тесно связанной с теоретической отраслью юридической знания, сложилась иная ситуация.

Суть ее заключается в сохранении методологического консерватизма по отношению к признанию взаимозависимости правоведческих дисциплин с науками гуманитарного цикла в силу опосредованности первых прагматической потребностью в построении логически выверенных правовых систем и соответствующих объяснительных моделей. Тем не менее, и среди историков-юристов существуют сторонники использования интерпретационных стратегий прошлого для постижения единичного восприятия повседневности, индивидуальных способов правового мышления, ментальных характеристик субъекта. В новейших исследованиях по проблемам юридической политики первостепенное внимание уделяется ее социокультурной основе, что неизбежно влечет за собой обращение к исторической антропологии.

Смещение гносеологических границ историко-юридического исследования в сторону расширения методологического инструментария продиктовано темпоральной природой историко-правового знания, которая нередко игнорируется в пользу его неоправданной модернизации и допущения анахронизмов. Строгое следование принципу историзма предполагает выход историка-юриста на диалогический уровень историко-правового мышления и корректной верификации сведений, сохранившихся в исторических источниках.

Полагаем, что осмысление историко-правового материала с учетом общепринятой в современных гуманитарных и общественных науках интеграции методологических подходов будет перспективным для выявления специфики объективного и субъективного в надсловных стратегиях Российского государства Нового времени. В частности, обращение к методологическому синтезу интерпретационных практик позволяет определить историко-юридические особенности юридической политики прав состояния, показать национально-исторические особенности ее формирования, институционализации и идеологического обеспечения.

Авторитарный режим предполагает объективацию воли правящих лиц, имеющих определенный уровень правовой культуры, правосознания, политико-юридических установок, поведенческих стереотипов и прагматических мотивов. До начала 1830-х гг. институционализация российского самодержавия была сравнительно слабой, что предопределило наличие мощного историко-антропологического фактора в моделировании надсловных юридических стратегий верховной власти. Ввиду этого выявление способов управления социумом в исторической ретроспективе будет всесторонним и научно оправданным при условии корректного соотнесения политико-правовых моделей, идей, институтов с интеллектуальным ландшафтом, политико-идеологическим пространством, настроениями социальных групп и отдельных лиц, политическими практиками, уровнем правовой культуры «верхов» и «низов», политико-юридической атмосферой в правительственной среде.

Возможность интеграции методологических подходов в историко-правовом исследовании определяется представлением об апостериорной природе права, неодинаковой в своей национально-исторической основе. Исторические особенности национальных правовых систем формируются под воздействием культурно-цивилизационных факторов и, помимо этого, постулированы свободным волеизъявлением субъектов, действующих в условиях той или иной правовой реальности. В ходе истории ведущая роль в определении качественного соотношения фундаментальных начал правового бытия и форм его существования принадлежит политическим и юридическим элитам, формирующим официальную идеологию и определяющим магистральные направления институционализации общественных отношений и опосредованных ими правовых практик. Важная право-

образующая роль принадлежит и представителям интеллектуального общества, постигающим сущность права путем рефлексии, ведущей к созданию научных доктрин и усовершенствованию юридической политики государства.

Указанная особенность правотворчества присутствует, прежде всего, на тех этапах государственно-правового развития, в которых доминируют самодержавно-абсолютистские и имперские тенденции, исключая участие гражданского общества в выработке юридической стратегии. Вместе с тем, в теоретико-правовой литературе обоснованно и аргументировано ставится вопрос об отсутствии в системах права прошлого целенаправленного моделирования многих юридических конструкций, не обеспеченных доктринальным обоснованием, но, тем не менее, проявивших свою историческую жизнеспособность [Нерсесянц 2008: 40-43; Иеринг 1875: 13-21; Тарасов 2001: 8-90; Алексеев 2001: 4-88].

Наличие теоретических лагун в постижении онтологического смысла и инструментального значения различных форм существования права – объединяющая черта многообразных правовых культур прошлого независимо от степени присущего им рационализма в трактовке юридической реальности. Приоритет догматики над рефлексией, присутствующий в историческом времени и пространстве по мере становления и развития государственно-правовых структур, создает методологическую основу для оценки присущей им специфики и степени преемственности. Суть ее заключается в выявлении общего и единичного в способах юридического мышления, опосредованных той или иной философско-политической картиной мира и ее социокультурным контекстом.

Историческая реконструкция историко-правового пространства предполагает воссоздание аксиологической природы, догматической основы и репрезентативных смыслов законодательства, которое создается людьми и не всегда говорит «само за себя» в силу фрагментарности большинства источников права и неизбежности воздействия субъективного фактора на процедуру правотворчества. Обращение к юридической догме правовых текстов невозможно без осмысления текстологических кодов, сопутствующего формированию политико-репрезентативных практик и дающих представление не только о целях и намерениях законодателя, но и о способах воздействия на правосознание различных слоев общества в условиях реализации той или иной законодательной инициативы.

Представляется, что истоки возникающих в современной теоретико-правовой литературе реминисценций на тему *homo ludens* следует искать не только в культурологическом наследии Й. Хейзинги. Выводы новейших авторов о неизбежном наличии некоторой доли театрализации в формализованном мире права, абстрагированном внешне от повседневной рутины, находят подтверждение в древнеримских обычаях и некоторых институтах римского частного права. Эти общеизвестные историко-правовые реалии наряду с этнографическим ма-

териалом, в свою очередь, были использованы европейскими правоведами XVII – XVIII вв. для выявления игрового, символического смысла раннего юридического формализма. Его происхождение рационалисты Нового времени связывали с культуросозидающей задачей закрепления на общедоступном, наглядном уровне основополагающих проявлений народного правосознания, ставящих невидимую преграду волюнтаристским наклонностям человеческой природы.

Существует классический вывод Хейзинги о разрушении в XX в. «подлинной» игры, всегда предполагающей «известное самоограничение и самообладание» в противовес квази-играм с их стремлением к осуществлению эгоистических групповых целей. Если принять его во внимание, то следует оставить открытым вопрос об онтологическом смысле современной формализации юридического пространства [Хейзинга 1992: 237-238].

Выявление культурно-исторических аспектов, присущих национальным правовым системам в ходе их эволюции будет неполным без обращения к вопросу о специфике правовой культуры рядовых акторов. В силу своего нестатусного положения в социальной иерархии, они тяготели к иной, не-элитарной картине мира, демонстрируя при этом в юридических ситуациях, требующих нормативно-правового регулирования, собственные стереотипы правосознания, поведенческих стратегий и политико-правовой самоидентификации. Необходимость частичной антропологизация историко-правового исследования вызвана несколькими соображениями. Прежде всего, это позволяет избежать чрезмерной социологизации и схематизма научных выводов, сформулированных на основании строго объективированных категорий классического позитивизма без учета герменевтической природы исторического познания. Важным методологическим мотивом в пользу решения не ограничивать научный инструментарий историко-правового исследования формально-юридическими процедурами, является классический тезис современной исторической гносеологии о диалогичности любого исследовательского экскурса в прошлое, в том, числе, и в его историко-юридической плоскости.

Креативный подход к реконструкции «странного (для нашего современника – Е.С.) прошлого» позволяет объяснить образ мышления исторических персонажей, стиль их жизни, поведенческие характеристики и особенности социально-политических коммуникаций в категориях, соответствующих культурно-историческому климату изучаемого отрезка времени.

Следует особо подчеркнуть методологическую оправданность использования микроисторического подхода в историко-правовом исследовании, которое продиктовано социально-гуманитарной природой юридической науки в целом, и ее теоретико-историческими аспектами в частности. По справедливому замечанию К. Ясперса, любой историче-

ский нарратив, подвергнутый интерпретации с позиций современной герменевтики, создает предпосылки для разграничения всеобщего и индивидуального, открывая каждому новому поколению интеллектуалов «то, что самому исследователю уже недоступно» [Ясперс 1991: 250].

Сказанное в полной мере можно отнести и к историко-правовому инструментарию. Обратной стороной реконструкции прошлого является осуществление его деконструкции, когда становится очевидным стремление актора скрыть подлинную сущность своих целей, намерений и действий. Намеренное или случайное сотворение персонажем прошлого такого мифа «о времени и о себе» неизбежно уводит историка-юриста в плоскость выявления скрытых, но зачастую подразумеваемых смыслов, порождая «интерпретацию интерпретации». Антропологическая стратегия прочтения юридических текстов прошлого требует не только «максимального объема привлекаемых материалов», но и скрупулезного выявления присущего им «бесконечного ряда смыслов» [Земцов 2010: 4-7]. Их воссоздание позволяет сопоставить догму права не только с коллективными представлениями о критериях справедливого и несправедливого, но и выявить оценочные суждения частных лиц в контексте отдельно взятого микроисторического казуса.

В сознании людей любой исторической эпохи всегда существует особый ассоциативный ряд, назначение которого заключается в отражении специфики семантических связей, возникающих между знаком и объектом его воздействия. Осуществление корректной исторической реконструкции стиля мышления и духовной жизни людей прошлого требует перестройки методологических подходов к интерпретации исторического источника, включая источники права. В рамках актуализации социокультурного контекста историко-правового исследования обоснованным представляется обращение к герменевтическому анализу знаковых систем любого, в том числе и визуально-мнемонического текста [Эко 2007: 5-49; Фуко 1996: 7-46; Андрианов 2013: 105-114]. Тенденция к мифологизации – отличительная черта любого исторического источника. Он всегда создается людьми и неизбежно несет в себе долю случайного или намеренного субъективизма. Перспективным методом работы с политико-юридической семантикой мнемонических кодов, сконструированных как в вербальной, так и в невербальной форме, является перенесение исследовательских акцентов на выявление ценностной ориентации «образцового автора» через воссоздание избранного им принципа отбора и расположения ассоциативных рядов.

В историко-правовом исследовании не следует пренебрегать даже «второстепенными», на первый взгляд, деталями. Именно они могут дать информацию об авторском отношении к социокультурному контексту историко-географического пространства, в котором формировался исторический источник. Задача его воссоздания может быть решена за счет дополнения письменных материалов реконструкцией репрезентативных

стратегий, отражающих особенности правосознания «людей прошлого». Их семантика всегда отличается многообразием визуально-мнемонических кодов, рассчитанных на восприятие широкой аудиторией [Витгенштейн 1994: 77-319; Лотман 2010: 150-393; Балли 2009: 73-99].

Приверженность к методологическому инструментарию историко-юридической герменевтики ни в коей мере не обесценивает генерирующую роль исследовательских стратегий научного позитивизма. Гносеологическая специфика историко-правового исследования, нацеленного на воссоздание легитимных способов воздействия верховной власти на социум, отличается трансдисциплинарностью, но не исключает и догматического осмысления принципов законодательной политики, ее доктринальной основы и институциональных форм. Акцентируя внимание на приоритете антропологического подхода к интерпретации историко-правовых феноменов, мы не отказываемся от индуктивного метода обобщения эмпирического материала с целью выявления преемственности в развитии правотворческой практик по обеспечению политико-юридического имиджа властных структур и носителей верховной государственной власти.

В ходе обеспечения научной корректности историко-правовых выводов следует учитывать многозначность понятия «юридическая догма», влекущую за собой необходимость использования методологического синтеза в ходе ее исследования, во всяком случае, применительно к историко-правовому исследованию.

С одной стороны, догматический подход «отражает отношение к позитивному праву как непрерываемому основанию поведения людей, действий государства и выносимых им решений». С другой стороны, «юридическую догму оправданно рассматривать как социокультурный феномен и понимать как фундаментальные правовые установления и конструкции, средства и методы правового регулирования, формы и правила юридической деятельности, формирующиеся в процессе исторического развития права и воплощающиеся в конкретных правовых системах» [Алексеев 2001: 4-88; Тарасов 2001: 73-90; Тарасов 2016: 9-18].

Возможность рассматривать позитивное право не только в практической плоскости с позиций строгого легизма, но в плане реконструкции юридического мышления и опосредованной им правовой политики открывает научную перспективу для обращения в рамках историко-правового исследования к результатам широких методологических дискуссий, происходивших в последние десятилетия о необходимости «вживания» в культурно-историческую ауру изучаемой эпохи.

Представляется, что выбор синтетических подходов к историко-правовому осмыслению институциональных признаков надсословной монархии должен осуществляться с учетом приоритетного значения позитивизма для тех юридических исследований, которые нацелены на познание правовой действительности или ее преобразование в практических целях. Механизм научного, то есть рационального аналитическо-

го объяснения природы и сущности правовых явлений зависит от предмета исследования и целеполагающих установок познающего субъекта.

«Строгий» позитивизм, в основании которого находится принцип единообразия гносеологических установок, позволяет характеризовать объект познания как частный случай проявления общих законов развития общества и носит прикладной характер. Исследование историко-правовых реалий, характеризующих позитивное право как инструмент воздействия на социум, при помощи номотетических процедур, является уместным в случае необходимости выявления основных параметров внешней истории права, особенностей юридической техники, специфики нормотворческой деятельности, форм систематизации законодательства. При этом полученные выводы будут эмпирическими и фрагментарными, без должного уровня обобщения в силу отсутствия «осмысления позитивного права как социокультурного феномена, формирующегося в процессе исторического развития в конкретных правовых системах» [Тарасов 2001: 83].

Познание истории права как социального явления, тесно связанного с бытующими в том или ином обществе формами юридической культуры и правового мышления, актуализирует историко-теоретическую значимость классической дискуссии о возможности использования герменевтической традиции в рамках индуктивной модели восхождения от единичного к общему. В методологической литературе высказываются полярные точки зрения на данную проблему. Их общий смысл сводится к признанию универсальности научного метода юридических наук независимо от объекта исследования. Тем не менее, отдельные авторы признают, что наличие особого культурно-исторического контекста сближает историю права с гуманитарной отраслью знания, диктуя неизбежность перехода от объяснения правовой действительности к пониманию ее исторической конкретики с некоторой долей конвенционализма.

Учитывая многомерность историко-правовой проблематики, требующей как формально-юридического подхода к уяснению источников права, так и понимания движущих мотивов принятия тех или иных политических решений, следует подчеркнуть научную корректность объединения позитивистской и герменевтической моделей научного мышления. Речь в данном случае идет о познавательной специфике изучаемого объекта, которая определяется пространственно-временными характеристиками государственно-правовой системы, необходимостью толкования широкого круга носителей историко-правовой информации, исторически сложившимися способами правового мышления, личностно-мировоззренческим фактором, включая поведенческие стратегии, уровень образования отдельных представителей правящей и интеллектуальной элиты, особенности их биографий. В этом отношении следует согласиться с теми исследователями, которые подчеркивают необходимость соответствия научной интер-

претации полученных результатов поставленной цели, определяющей в конечном итоге выбор исследовательского подхода и интеллектуальной традиции [Тарасов 2001: 76-77].

Применительно к истории государства и права, включающей в себя как теоретический, так и догматический компоненты юриспруденции, оптимальным вариантом совмещения «строгого» научного мышления и герменевтической традиции представляется обращение к деонтической логике Г. фон Вригта. Согласно предложенной им аналитической модели дискретности единичность того или иного родового понятия становится очевидной при его соотнесении по предметному пространству и времени, каждому моменту которого соответствует только непосредственно за ним следующий [Вригт 1986: 40-69, 161-194; 245-289].

Вторым базовым положением данной пространственно-временной конструкции является тезис об определяющей роли человеческих действий, позволяющих внести производящие или разрушающие изменения в то или иное «полное состояние» мыслимого мира. В результате возникает возможность проследить характер воздействия субъективного фактора на институционализацию государства и права, а также выявить уровень взаимодействия единичного и общего в ходе ее политико-юридического обеспечения, актуализируя при этом причинно-следственные связи. В то же время опосредованность историко-юридического исследования личностно-мировоззренческим фактором, генетически связанным с категорией целеполагания, оправдывает необходимость воссоздания субъективных форм мировосприятия на основании апробированных в герменевтической традиции подходов. Таким образом, за историко-правовым исследованием сохраняется статус научности в смысле строгого соответствия требованиям рациональности и объективности аналитических суждений, но при сохранении его гуманитарной направленности, требующей максимального понимания культурно-исторического контекста и темпоральной специфики. Историко-правовое исследование, несомненно, выиграет от расширения методологического инструментария, так как предоставит в распоряжение специалистов по сравнительному правоведению верифицируемый материал, позволяющий находить наиболее корректные варианты соответствия между современным уровнем законодательства и его исторической основой.

Список источников и литературы

- Алексеев 2001** – Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001.
- Андрианов 2013** – Андрианов Н. В. Семиотический подход в сравнительном правоведении // Методология сравнительно-исторических исследований. Жидковские чтения. Материалы

Всероссийской научной конференции. Москва. 30 марта 2012 г. / под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немытиной. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2013. С. 105–114.

Балли 2009 - Балли Ш. Язык и жизнь / Пер.с французского. Изд. 2-е, М.: Едиториал УРСС, 2009.

Витгенштейн 1994 – Витгенштейн Л. Философские исследования (1953) // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 77–319.

Вригт 1986 – Вригт Г. Х. фон. Объяснение и понимание // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды / составитель и автор предисловия В. А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986. С. 35–242.

Вригт 1986 – Вригт Г. Х. фон. О логике норм и действий. // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избранные труды / составитель и автор предисловия В. А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986. С. 245–289.

Земцов 2010 – Земцов В. Н. Микроистория: итоги 15-летнего пребывания в России // Уральский исторический вестник. 2010. № 4(29). С. 4–7.

Иеринг 1875 – Иеринг Р. фон. Дух римского права по различным ступеням его развития. Ч. I. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1875.

Лотман 2010– Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968 – 1992) / Составитель М. Ю. Лотман. СПб.: Искусство – СПб, 2010. С. 150–393.

Нерсесянц 2008 – Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Высшая школа. 2008. С. 40–43

Тарасов 2001 – Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: УрГЮА, 2001.

Тарасов 2016 – Тарасов Н. Н. Юридический позитивизм и позитивистская юриспруденция (апология догмы права) // Российский юридический журнал. 2016. № 6 (111). С. 9–18.

Фуко 1996 – Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Статьи разных лет. М.: Касталь, 1996.

Хейзинга 1992 – Хейзинга Й. Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры // Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Изд. группа «Прогресс», 1992. С. 237–238.

Ясперс 1991 – Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

Эко 2007 – Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Simposium, 2007.

References

- Alekseev 2001** - Alekseev S. S. Voshozhdenie k pravu. Poiski i reshenija. M.: Norma, 2001.
- Andrianov 2013** – Andrianov N. V. Semioticheskiy podhod v sravnitel'nom pravovedenii // Metodologija sravnitel'no-istoricheskikh issledovanij. Zhidkovskie chtenija. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Moskva. 30 marta 2012 g. / pod red. G. I. Muromceva, M. V. Nemytinoy. M.: Rossijskiy un-t druzhby narodov, 2013. C. 105–114.
- Balli 2009** - Balli Sh. Jazyk i zhizn' / Per.s francuzskogo. Izd. 2-e, M.: Editorial URSS, 2009.
- Vitgenshtejn 1994** – Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovanija (1953) // Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. Ch. I. M.: Gnozis, 1994. S. 77–319.
- Vrigt 1986** – Vrigt G. H. fon. Ob#jasnenie i ponimanie // Vrigt G. H. fon. Logiko-filosofskie issledovanija. Izbrannye trudy / sostavitel' i avtor predislovija V. A. Smirnov. M.: Progress, 1986. S. 35-242.
- Vrigt 1986** – Vrigt G. H. fon. O logike norm i dejstvij. // Vrigt G. H. fon. Logiko-filosofskie issledovanija. Izbrannye trudy / sostavitel' i avtor predislovija V. A. Smirnov. M.: Progress, 1986. S. 245–289.
- Zemcov 2010** – Zemcov V. N. Mikroistorija: itogi 15-letnego prebyvanija v Rossii // Ural'skiy istoricheskij vestnik. 2010. № 4(29). S. 4 – 7.
- Iering 1875 – Iering R. fon. Duh rimskogo prava po razlichnym stupenjam ego razvitiya. Ch. 1. SPb.: Tip. V. Bezobrazova, 1875.
- Lotman 2010** – Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov // Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhih mirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki (1968 – 1992) / Costavitel' M. Ju. Lotman. SPb.: Iskusstvo – SPB, 2010. S. 150–393.
- Nersesjanc 2008** – Nersesjanc V. S. Filosofija prava. M.: Vysshaja shkola. 2008. S. 40–43
- Tarasov 2001** – Tarasov N. N. Metodologicheskie problemy juridicheskoy nauki. Ekaterinburg: UrGJuA, 2001.
- Tarasov 2016** – Tarasov N. N. Juridicheskij pozitivizm i pozitivistskaja jurisprudencija (apologija dogmy prava) // Rossijskiy juridicheskij zhurnal. 2016. № 6 (111). S. 9–18.
- Fuko 1996** – Fuko M. Chto takoe avtor? // Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Stat'i raznyh let. M.: Kastal', 1996.
- Hejzinga 1992** – Hejzinga J. Homo Ludens. Opyt opredelenija igrovogo jelementa kul'tury // Hejzinga J. Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnja / per. s niderl. Obsbh. red. i poslesl. G. M. Tavrizjan. M.: Izd. gruppy «Progress», 1992. S. 237–238.
- Jaspers 1991** – Jaspers K. Istoki istorii i ee cel' // Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Politizdat, 1991.
- Jeko 2007** – Jeko U. Shest' progulok v literaturnyh lesah. SPb.: Simposium, 2007.

*Г.Н. Шапошников**

ЭПИДЕМИИ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье дан обзор эпидемической ситуации на Урале в период гражданской войны. Даны основные направления и характеристика мобилизационным мерам местных органов власти по борьбе с масштабными острозаразными заболеваниями. Автор выделил три этапа развития эпидемической ситуации в крае в период 1915-1924 гг.

Ключевые слова: гражданская война, тиф, холера, дизентерия, эпидемии, эпидемические ситуации.

Gennadi N. Shaposhnikov

URAL EPIDEMIC DURING THE CIVIL WAR PERIOD

The article provides an overview of the epidemic situation in the Urals during the civil war. The main directions and characteristics of mobilization measures of local authorities to combat large-scale acute infectious diseases are given. The author has identified three stages in the development of the epidemic situation in the region in the period 1915-1924.

Keywords: civil war, typhus, cholera, dysentery, epidemics, epidemic situations.

Гражданская война заметно ухудшила санитарно-эпидемиологическую ситуацию в России. «Королем» инфекций оставалась нозологическая форма тифов. Уже в 1918 г. было зарегистрировано 141,6 тыс. больных сыпным тифом и 16,6 тыс. – возвратным, в 1919 г. – 22240,8 тыс. и 227,9 тыс. соответственно. В 1920 г. количество больных тифом неуклонно росло: 2667, 5 тыс. и 1031,6 тыс. По неполным данным, в России в 1918–1922 гг. только этими двумя видами тифа переболело более 9,7 млн. человек [70 лет советского здравоохранения. 1987: 22].

Советские исследователи традиционно связывали распространение инфекционных заболеваний с действиями белых. В отечественную медицинскую и историческую литературу этот тезис ввел Н.А. Семаш-

Шапошников Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, экономики и правопедения Уральского государственного медицинского университета; 620028, Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3.

Shaposhnikov Gennadi Nikolaevich, Doctor of History, Head of the Department of History, Economics and Law of Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: history@usma.ru

© Шапошников Г. Н., 2019

ко, который еще в 1920 г. писал, что в армиях А.В. Колчака и А.И. Дутова до 80% состава оказалось инфицировано тифом, при отступлении белые оставляли больных, создавая тем самым очаги инфекций [Семашко: 11]. В свою очередь, в белоэмигрантской литературе в эпидемиях обвиняли большевизм. Писалось о том, что бойцы Красной армии видели, что врачи не сочувствовали советской власти и, якобы, давали бойцам не «выздоровливающее лекарство», а лекарство смерти: «красные бойцы уезжали в лазареты с наганами для того, чтобы и на фронте медицины изжить недостатки» [Морозова 2017 URL].

На наш взгляд, искать виновников и разносчиков эпидемий в воюющей стране некорректно. Отметим только одно: разносчиками инфекционных заболеваний являлись обе воюющие армии. Первые случаи заболевания тифом эпидемического характера на Северном Кавказе, Дону и Украине появились в самом начале 1918 г. во время демобилизации армии. К лету 1918 г. тиф уже распространился и на обывателей.

Безусловно, сводить причины резкого ухудшения эпидемической ситуации в стране только к военным действиям и передвижениям армейских масс также не стоит. Как образно отметил историк И.В. Нарский, вся страна была охвачена эпидемиями, которые свободно перекатывались, не встречая препятствий на своем пути. Невиданный размах этого социально-биологического явления историк объяснял резким ухудшением условий существования, разрушением, несовершенством санитарных сооружений городов, низкой санитарной культурой населения, топливным и продовольственными кризисами, наконец, неблагоприятным эмоциональным фоном и высокой концентрацией стрессовых состояний – вот неполный перечень причин, которые превратили революционную Россию в гремучую смесь, взрывающаяся вспышками заболеваний [Нарский 2001: 128, 130, 135-136].

Поскольку основными путями распространения инфекций стали пути сообщений, то в условиях т.н. «эшелонной войны» разносчиками инфекционных заболеваний являлись обе воюющие стороны и потоки беженцев. Выяснить вопрос, какая из воюющих сторон в большей степени виновна в инфицировании края по имеющейся документальной базе, невозможно.

В ходе Гражданской войны трансибирская магистраль стала путем распространения инфекций на Урале и в Сибири. Через Самаро-челябинскую дистанцию трансибирской железнодорожной магистрали инфекционные заболевания быстро распространились по всей Челябинской губернии, а эпицентрами стали крупные города. На горожан Южного Урала приходилось более половины всех заболевших. На первом месте по заболеваниям стояли тиф, затем следовали холера и дизентерия. В 1920 г. на Южном Урале, по неполным сведениям, переболело различными видами тифов более 60 тыс. человек Бичом Южного Урала в это время оставались и венерические заболевания [Соколов 1990: 12].

В Пермской губернии, по данным И. Н. Нарского, в 1913 г. было зафиксировано 794 случаев тифа, в 1917 г. – уже 1169, в 1920 – 10327. Рост в 13 раз.

Борьба с эпидемиями стала одной из важнейших задач для советской власти. Летом – осенью 1919 г. советские органы здравоохранения в губерниях, уездах и волостях края создавались заново, они были слабы и имели крайне ограниченные возможности даже для борьбы с голодом. В этих условиях местные власти прибегли к чрезвычайным мерам. Прежде всего, в освобожденных от белых губерниях Урала, губернские и уездные отделы здравоохранения создали чрезвычайные органы по борьбе с эпидемиями: чекатифы (чрезвычайные комиссии по борьбе с тифом) и чекахолы (чрезвычайные комиссии по борьбе с холерой). Они объединяли все лечебные заведения гражданского, военного и железнодорожного ведомств. Помимо этих мер, чрезвычайные комиссии проводили жесткие мобилизационные меры по борьбе с инфекционными болезнями.

В частности, во всех губерниях края были проведены мобилизации медицинского персонала для организации противоэпидемических мер. Врачи, зубные техники, санитары, невзирая на классовую принадлежность или службу в белых армиях, направлялись по путевкам чекатифов в инфекционные бараки и отделения лечебных учреждений, инфекционные отряды, эвакупункты на станциях железных дорог. Проводились реквизиции белья у населения. В порядке общей трудовой повинности население принимало участие в вывозе мусора, уборке нечистот. По решениям чекатифов, местная власть и силовые структуры (ЧК, милиция, ревкомы и т.д.) привлекали население на подвоз дров и продовольствия к больницам, к вывозу трупов и погребению умерших. Рытье больших братских могил оказалось затратным делом. В целях экономии трупы стали кремировать.

По распоряжениям чрезвычайных комиссий и горздравов на всех крупных железнодорожных станциях были открыты эвакупункты, которые следили за санитарной обработкой пассажиров и военнослужащих. Контингенты всех воинских эшелонов подлежали обязательной помывке, им выдавалось чистое белье, грязное подлежало санитарной обработке. Железнодорожные составы перед отправлением и по прибытию на конечную станцию подвергались дезинфекции. Красноармейцам делались прививки против тифа, холеры, оспопрививание. Уникальный случай в истории железных дорог региона произошел в ноябре 1919 г.: чтобы предотвратить распространение сыпного тифа по железным дорогам, на линиях Челябинск – Пермь, Челябинск – Уфа, Пермь – Екатеринбург и некоторых других на четыре месяца было прекращено пассажирское движение [Селезнева 1997: 86].

Вышеперечисленные меры дали определенный эффект. К весне – лету 1920 г. на Урале наблюдалось улучшение эпидемической обстанов-

ки, снижение количества заболевших и умерших от инфекционных заболеваний. К сожалению, передышка оказалась недолгой. В 1921 г. в стране началась новая волна инфекционных заболеваний, которая перекрыла масштабы 1920 г. Так, а Пермской губернии в 1922 г. заболеваемость только тифами выросла в 2 раза в сравнении с 1920 г., а в Уфимской за один год (с июня 1921 по июль 1922 гг.) количество больных различными видами тифов выросло в 20 раз. Смертность от инфекций в Малой Башкирии оставалась одной из самой высоких на Урале. В первую очередь это было связано с тяжелейшим социально-экономическим кризисом после окончания военных действий в регионе и голодом 1921 г.

Для борьбы с эпидемиями уральские власти вновь прибегли к чрезвычайным мерам. Добавим, что уральские медики уже имели богатый опыт по борьбе с эпидемиями. К концу 1923 г. инфекционные заболевания пошли на убыль.

В заключение отметим, что, несмотря на хаотичность возникновения и распространения эпидемий, можно выделить три этапа развития эпидемической ситуации в крае:

– первый проходил в 1915-1917 гг. В ходе мировой войны в крае были зафиксированы первые массовые случаи инфекционных заболеваний. Их распространение было связано с миграционными потоками беженцев. Местные власти и, особенно земства, принимали меры по борьбе с ними и держали эпидемическую ситуацию под контролем. Эти болезни даже в ходе революции 1917 г. носили локальный характер;

– второй этап проходил в 1918-1920 гг., когда на Урале началась гражданская война. Инфекционные заболевания приняли необратимый характер, тиф, холера, дизентерия переросли в эпидемии по всему региону. Потребовались чрезвычайные, мобилизационные усилия власти, чтобы развернуть борьбу с ними. К середине 1920 г. стали проявляться первые результаты этих усилий, эпидемическая обстановка заметно улучшилась;

– третий этап проходил в конце 1921 – начале 1923 гг. В это время в результате социально-экономического кризиса и голода 1921 г. на Урале вновь наблюдаются масштабные инфекционные заболевания. Борьба с эпидемиями в этот период оказалась более успешной, т.к. Урал в 1921-1922 гг. находился вне зоны боевых действий и у властей оказалось больше ресурсов для борьбы с заболеваниями. В 1923-1924 гг. наблюдалось динамичное снижение инфекционных заболеваний [Уральское хозяйство в цифрах 1925: 76-77].

Список источников и литературы

70 лет советского здравоохранения 1987 – 70 лет советского здравоохранения. 1917–1987. М.: Медицина, 1987.

- Кулагина 1990** – Кулагина А.А. Становление здравоохранения в Башкирии 1917–1941 гг. Краткий исторический очерк. Уфа, 1990.
- Морозова 2017** – Морозова О.М. Тифозная вошь в солдатской шинели: о влиянии естественно-природных факторов на ход и исход Гражданской войны в России. URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D3424%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles> (дата обращения: 26.06.2017).
- Нарский 2001** – Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни и население Урала в 1917–1922 гг. М.: РОСПЭН, 2001.
- Селезнева 1997** – Селезнева В.Т. Очерки истории медицины Пермской губернии. Пермь: Пермская государственная медицинская академия, 1997.
- Семашко 1920** – Семашко Н.А. Политика и санитария // Известия Наркомата здравоохранения. 1920. № 1-2.
- Соколов 1970** – Соколов Д.К., Алексеев П.С., Еремин Г.Ф. Становление охраны здоровья на Южном Урале. Челябинск: Южно-уральское книжное издательство, 1970.
- Уральское хозяйство в цифрах 1925** – Уральское хозяйство в цифрах: Краткий статистический справочник. Свердловск, 1925.

References

- 70 let sovetского zdravoochranenija 1987** – 70 let sovetского zdravoochranenija. 1917–1987. M.: Medicina, 1987.
- Kulagina 1990** – Kulagina A.A. Stanovlenie zdravoochranenija v Bashkirii 1917–1941 gg. Kratkij istoricheskij ocherk. Ufa, 1990.
- Morozova 2017** – Morozova O.M. Tifoznaja vosh' v soldatskoj shineli: o vlijanii estestvenno-prirodnih faktorov na hod i ishod Grazhdanskoj vojny v Rossii. URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D3424%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles>. (data obrashhenija: 26.06.2017).
- Narskij 2001** – Narskij I.V. Zhizn' v katastrofe: budni i naselenie Urala v 1917–1922 gg. M.: ROSPEJN, 2001.
- Selezneva 1997** – Selezneva V.T. Ocherki istorii mediciny Permskoj gubernii. Perm': Permskaja gosudarstvennaja medicinskaja akademija, 1997.
- Semashko 1920** – Semashko N.A. Politika i sanitarija // Izvestija Narkomata zdravoochranenija. 1920. № 1-2.
- Sokolov 1970** – Sokolov D.K., Alekseev R.S., Eremin G.F. Stanovlenie ohrany zdorov'ja na Juzhnom Urале. Cheljabinsk: Juzhno-ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970.
- Ural'skoe hozjajstvo v cifrah 1925** – Ural'skoe hozjajstvo v cifrah: Kratkij statisticheskij spravochnik. Sverdlovsk, 1925.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Запад, Восток и Россия:
антропологическое измерение прошлого
Вопросы всеобщей истории
Выпуск 21

Главный редактор: В. Н. Земцов
Оригинал-макет: А. И. Голотина

Подписано в печать 24.04.2019. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 12.
Тираж 500. Заказ

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: usru@usru.me
